

Ю. В. Яременко

**Экономические
беседы**

Москва

Ю. В. Яременко

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
БЕСЕДЫ**

Запись
С. А. Белановского

**Москва
1998**

**Книга издана при поддержке
Российского фонда технологического развития**

Издатели

С.А.Белановский и Г.А.Яременко

Яременко Ю.В.

Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. —
М.: Центр исследований и статистики науки, 1998. — 343 с.

Об «Экономических беседах» директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академика Ю.В.Яременко (1935-1996) в научной среде известно уже несколько лет. Но только сейчас эта книга-интервью выдающегося отечественного экономиста впервые приходит к читателю.

В книге дается концептуальное описание процессов, происходивших в нашей экономической и социальной жизни со второй половины 80-х годов, их истоков и вероятных последствий. С позиций сегодняшнего дня особенно важно, что автор намечает альтернативные пути решения обсуждаемых проблем. В ряде глав книги сравниваются российская и китайская практика реформирования экономики. Интересны размышления автора о современном состоянии экономической науки и описание его собственного метода изучения макроэкономических процессов.

Благодаря живой, диалогической форме эта книга, которая несомненно привлечет внимание специалистов по вопросам экономики, вполне доступна для широкого круга читателей.

© Ю.В.Яременко, 1998

© Составление, примечания — Г.А.Яременко, 1998

© Вступительная статья — С.А.Белановский, 1998

© Центр исследований и статистики науки, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей 9

С.А. Белановский.

Об академике Ю.В. Яременко и об этой книге 10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

январь — апрель 1993 года

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Общие причины кризиса советской системы. Дезинтеграция государственной власти. Эгоизм ведомств. Бремя милитаризации. Его связь с эгоизмом ведомств. Проблема структурного неравновесия. Режим ресурсорасточительства. Исчерпание трудового потенциала и его последствия 25

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Структурное неравновесие как стартовое условие экономических реформ. Формирование криминальной среды в неприоритетных секторах экономики. "Освобождение" этой среды в условиях реформ. Рыночные идеи на службе у ведомственного эгоизма. Закрытость для реформ военно-промышленного сектора. Нереализованный сценарий структурной перестройки. Деградировавшие секторы экономики и необходимость особого подхода к их реформированию 47

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Структурная ловушка, в которую попала страна. Бремя милитаризации и дезинтеграция власти. Их взаимообусловленность. О системе приоритетов. Неадекватное представление об экономической мощи. Существовавшие идейные подходы к реформированию экономики. Их несостоятельность. Рыночная реформа как продукт технократического мышления. Специфика тоталитарного мышления — упование на чудо. Реформа как следствие этого упования 63

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Уникальность советской системы как социально-экономического объекта. Следствие из этого: необходимость собственного пути эволюции и развития. Многоуровневая экономика. Сравнение с экономикой Китая. Структурная реформа советской экономики: последовательность и сценарий 77

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Механизм экономического роста: процессы компенсации и замещения. Ресурсы, пригодные для замещения, передавались военно-промышленному комплексу. Деграция гражданского сектора экономики. Исчерпание "социальной пружины" экономического роста 100

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Конверсия оборонной промышленности как источник структурной перестройки. Подходы к этой проблеме. Упущенный шанс. Цели структурной перестройки: ликвидация социальных долгов. Необходимость многоуровневой системы потребительских стандартов. Эксплуатация социальных долгов. Мотивационный двигатель нашей экономики и возможный потенциал социального и экономического развития 119

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Низкостатусные рабочие места и проблема их заполнения. Деграция трудовых ресурсов России. Формирование самовоспроизводящейся жизненной среды как фактор стабильных мотиваций и оздоровления экономики. Дезинтеграция верхнего уровня управления. Квазиэкономика на нижних этажах хозяйственной структуры. О работе Госплана. Ресурсное перенапряжение как причина роста числа балансов. Бессодержательность макроэкономических показателей экономического роста в условиях структурного неравновесия 137

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

Современная ситуация в России: криминальная демократия. Причины криминализации страны. Влияние внешнего давления на институциональные структуры общества. У советской системы был собственный путь эволюционного развития 155

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

О причинах инфляции. Изменения структуры цен. О валютном курсе. Жесткая финансовая политика и ее деструктивные последствия. Политические мотивы либерализации цен 164

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ

Валютный курс и изменение структуры цен. Несоответствие структуры мировых цен технологической структуре нашей экономики. Действие "мотора" инфляции. Необходимость остановить этот процесс. Издержки автаркии много меньше потерь от "либерализации".

Скрытое или явное субсидирование цен? Финансовый централизм или прямое распределение ресурсов? Неготовность российской экономики к переходу на финансовые регуляторы	177
--	-----

БЕСЕДА ОДИННАЦАТАЯ

О черной металлургии. Справедлив ли тезис о перепотреблении металла нашей экономикой? Сферы избыточного и недостаточного потребления металла. Существование потенциальных эффективных сфер использования металла. Дефицит металла как возможный лимитирующий фактор развития экономики	194
--	-----

БЕСЕДА ДВЕНАЦАТАЯ

О внешних кредитах. Бремя милитаризации заменяется бременем внешних долгов. Финансовый централизм взамен натурального централизма. Его разрушительный характер в условиях неравновесной экономики. Финансовая политика и безработица. Есть ли основания для массовой безработицы?	202
---	-----

БЕСЕДА ТРИНАЦАТАЯ

О частичном восстановлении планового начала в экономике. Необходимость централизованных усилий для нормализации структуры экономики. Проинфляционное и антиинфляционное инвестирование при разной ценности рубля в отдельных секторах экономики. Долгосрочная стратегия преобразования ВПК. Структурная перестройка невозможна без привлечения потенциала оборонного комплекса. Угроза деградации гражданского сектора экономики и анклавизации страны	223
--	-----

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ

Об экономических реформах в Китае. Их постепенность. Социальная сфера и потребительское пространство. Успешное решение этих проблем в Китае. Китайский опыт неприменим в России буквально. В чем особенности нашего пути?	239
---	-----

БЕСЕДА ПЯТНАЦАТАЯ

О разрушении трудового потенциала страны. О ценностных ориентациях. Идеологическое понятие «рынка» в представлениях людей. Неадекватность проводимых в России социологических опросов	257
---	-----

БЕСЕДА ШЕСТНАЦАТАЯ

О методе работы макроэкономиста. Источники информации. Стохастический поиск первичной информации путем знакомства с потоком новой литературы. Результаты обобщения первичного материала. Производственные интервью – новый способ получения упорядоченных экономических знаний. Искажающая роль структуры цен в измерениях и международных сопоставлениях. Необходимость широкого спектра регулярных и непредвзятых статистических изысканий	264
--	-----

ЦИКЛ ВТОРОЙ
май – сентябрь 1995 года

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Современные проблемы двухсекторной экономики Китая. Последствия классического типа индустриализации для страны с огромным потенциалом рабочей силы. Дефицит сырья. Угроза возникновения мирового продовольственного кризиса и роста мировых цен на зерно. Поможет ли ограничение рождаемости в предотвращении этой угрозы? Драматический характер такого ограничения для китайской семьи. Структурные проблемы в экономике Китая. Их сходство и различие с проблемами нашей страны 283

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Перераспределение накопленного богатства из реального сектора нашей экономики в сферу финансовых услуг. Страна живет за счет проедания запасов и капитала. Невозможность подъема лежачей экономики в условиях сохранения диспаритетов цен и сниженного потенциала накопления. Потенциал спада не исчерпан, особенно в сельском хозяйстве. Необходимость вмешательства государства в осуществление инвестиционных функций крупных банков 294

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Ошибочность взгляда на целесообразность сырьевой ориентации нашей экономики. Необходимость ориентации на средние технологии, полную занятость, масштабность объема производства. Возможности наращивания экспортного потенциала обрабатывающей промышленности. Пример Приморья. Пути поддержания промышленности высоких технологий. Порочность либерального курса на стихийную селекцию предприятий и сжатие производства. Цель структурной политики в сегодняшних условиях. Необходимость планируемого регулирования экономической жизни 308

ПРИЛОЖЕНИЕ

Горбачев призывает на помощь «людей из трюма». Интервью 323

Больше реализма и меньше идеологической эйфории. Интервью 333

От издателей

Еще до выхода в свет предлагаемой вниманию читателей работы ее текст во многих экземплярах распространился в научных кругах. Появились даже ссылки на эту рукопись в печати. В отличие от других работ Ю.В.Яременко, «Экономические беседы» не вышли в буквальном смысле из-под его пера. Это расшифрованная диктофонная запись большой, но так и не завершенной серии развернутых, аналитических интервью с ним, которые на протяжении нескольких месяцев в 1993 и 1995 годах проводил С.А.Белановский. Смерть Юрия Васильевича прервала эту работу, и письменный текст состоявшихся бесед остался не авторизованным.

«Экономические беседы» построены в форме вопросов и ответов. Ответы не претендуют на то, чтобы быть исчерпывающими, но в каждом – мощная, незаурядная мысль, собственная позиция, эмоциональная напряженность и нетривиальность сюжетов. Это уникальное историческое свидетельство современника, зоркого наблюдателя и глубокого аналитика социально-экономических процессов в нашей стране. В высказываниях, свободных от академической строгости изложения, Юрий Васильевич предстает не только как ученый, но и как яркая личность, как человек с продуманной точкой зрения по широкому кругу вопросов, нередко выходящих за пределы собственно экономической проблематики. Не имея уже возможности получить одобрение автора, мы сочли своим долгом завершить подготовку рукописи к печати и опубликовать «Экономические беседы».

ОБ АКАДЕМИКЕ Ю. В. ЯРЕМЕНКО И ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

1.

Юрий Васильевич Яременко родился 8 августа 1935 года. В 1953 году поступил на экономический факультет МГУ. С пятого курса перевелся на экономический факультет Китайского народного университета (Пекин), который окончил в 1960 году. За время учебы в совершенстве овладел китайским языком, прочел много работ по истории Китая, глубоко узнал и полюбил культуру этой страны. Вернувшись в Москву, опубликовал ряд научных работ, посвященных экономике и политике КНР, приобрел известность как ученый-китаист. Эту известность он сохранил до конца жизни, хотя впоследствии мало занимался Китаем.

С 1960 по 1973 год Юрий Васильевич работал в НИЭИ Госплана СССР, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором. В те годы этот институт был, безусловно, одним из ведущих центров российской экономической мысли. Госплан был реальной управленческой структурой, и в него стекалось огромное количество экономической информации, не находившей адекватного освещения ни в массовой, ни в научной печати. Вместе с тем Госплан и входившие в его структуру институты были носителями специфических школ экономического мышления, парадоксальным образом не нашедших отражения в учебниках советской эпохи и воспроизводившихся древним способом — путем передачи из уст в уста.

Поступив на работу в НИЭИ Госплана, Ю.В.Яременко в полной мере воспользовался представившимися ему научными возможностями. Вероятно, основа его научных взглядов сложилась именно там. Формирование собственной позиции далось ему нелегко. Позднее он говорил, что его всегда смущало одиночество, в котором он делал свои умозаключения. Выводы, к которым он пришел, были признаны в научном сообществе не всеми и не сразу. Научные степени и академичес-

кие звания в конечном счете пришли к Ю.В.Яременко, однако приходили они с неизменным запозданием. Правда, его неформальный научный авторитет всегда опережал официальное признание.

С 1973 года Юрий Васильевич перешел в систему Академии наук, начав с должности заведующего лабораторией ЦЭМИ и окончив директором Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Его основной научный труд был опубликован в 1981 году в издательстве «Мысль». В авторском варианте работа носила название «Многоуровневая экономика», однако, по воспоминаниям Юрия Васильевича, редакторы издательства посмотрели на него как на ненормального и озаглавили книгу «Структурные изменения в социалистической экономике», предложив к тому же сократить на треть ее объем. Сокращать пришлось «по живому». Десятилетие спустя, отвечая на вопрос, какие чувства он испытывал, держа в руках свою книгу, Юрий Яременко ответил: «Горечь и разочарование».

Книга была с интересом воспринята научным сообществом и постепенно сделалась классикой — наиболее серьезным научным трудом послевоенной эпохи, посвященным описанию советской экономики. По масштабу постановки проблем ее можно сравнить лишь с работой известного венгерского экономиста Я.Корнай «Дефицит», поскольку в центре внимания авторов обеих работ было создание контуров общей теории функционирования плановой экономической системы. Сходство, однако, на этом кончается. Проблему дефицитов Ю.В.Яременко считал банальной и производной от более фундаментальных факторов. Само это слово в его работе отсутствует. Хотя работа Корнай является серьезным научным трудом, ее всемирному успеху способствовал заложенный в нее элемент диссидентства, что обеспечило ей высокие тиражи и рекламу в странах Запада и — косвенно — в странах советского блока.

Книга Ю.В.Яременко не получила известности за пределами узкого круга российских экономистов. Она написана сложным, специальным языком и трудна для понимания. Существенные сокращения, произведенные по требованию издательства, безусловно, не способствовали полноте восприятия авторской концепции. Но главное все-таки было не в этом. Будучи несогласным с политикой советского правительства и глубоже кого бы то ни было видя трагизм складывающейся ситуации, Ю.В.Яременко не был не только явным, но и скрытым диссидентом и принци-

пиально считал для себя невозможным выступать в жанре политических разоблачений. Вследствие этого основной вывод работы остался за ее рамками или, точнее, не был явно прописан, хотя и вытекал из ее содержания. Суть вывода состояла в следующем: если ресурсы высоких технологий использовать исключительно для производства вооружений и одновременно форсировать экономический рост, то это приведет к деградации гражданского сектора экономики и огромному перепотреблению первичных ресурсов. Следствием станет сырьевой, экологический и социальный кризис. «Наше общество все более приобретает черты вырождающейся цивилизации, — сказал как-то Юрий Васильевич в начале 80-х годов. — Необходима смена экономического курса».

Хотя высказывание о необходимости радикальной смены экономического курса в те годы уже нельзя было назвать оригинальным, нетривиальным было мнение Юрия Васильевича о том, в каком направлении должны были происходить эти перемены. Его позицию можно с полным правом назвать ответом российской экономической мысли на исторический вызов эпохи (в отличие от идей, заимствованных с Запада).

2.

Книга, представленная вниманию читателя, является отредактированной записью серии бесед-интервью с Ю.В.Яременко. Инициатором бесед и их основным редактором был заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН автор данного вступительного слова.

В конце 80-х годов в лаборатории, которую возглавлял автор этих строк, широко использовался метод «фокусированного интервью», с помощью которого удавалось «из первых рук» получать весьма полезную информацию о положении дел в отраслях экономики и на предприятиях. Сборники под названием «Производственные интервью», включавшие записи бесед с опрошенными этим методом хозяйственниками, были с большим интересом восприняты Юрием Васильевичем. Он высоко оценил и сам метод, способный выполнять функцию своего рода научной разведки. По аналогии с этими исследовательскими интервью появилась идея провести цикл бесед с Юрием Васильевичем.

Замысел бесед возник у автора этих строк в конце 80-х годов, когда идеология перехода к рынку в России стала явственно доминировать в общественном мнении. Суть замысла состояла в том, чтобы понять точ-

ку зрения человека, несогласного со многими направлениями экономической политики, выдвигаемыми проводниками этой идеологии, причем несогласного на концептуальном уровне. Следует пояснить, что в тот период смысл взглядов Ю.В.Яременко для автора этих строк во многом оставался неясным, причем чтение написанных Юрием Васильевичем научных текстов и даже личное общение с ним не в полной мере устраняли эту неясность. Чувствовалось, что за всеми публикациями и высказываниями у него существовал большой пласт невысказанных идей, которые по тем или иным причинам оставались, так сказать, латентными.

Уговорить Юрия Васильевича изложить свои взгляды устно, с записью на диктофон, оказалось непросто. Наконец в начале 1993 года он согласился. В результате появился первый цикл бесед, публикуемых в этой книге. Звуковые записи были расшифрованы сотрудниками лаборатории и отредактированы автором этих строк. Работа по расшифровке и редактированию бесед растянулась на несколько месяцев. Сложность работы была связана в первую очередь с плотностью изложения мыслей, а также в какой-то мере с особенностями устной речи Юрия Васильевича — образной, выразительной, но трудной для редактирования. К лету 1994 года редакторская обработка текста была закончена и получившаяся запись бесед показана Юрию Васильевичу. Естественно, что избранный метод работы предполагал последующую авторизацию текста, то есть правку в соответствии с замечаниями Юрия Васильевича. Спустя полгода он высказал свое отношение к проделанной работе. В принципе, сказал он, у него нет существенных претензий к тексту, за исключением некоторых частных. Но занятый массой неотложных дел, Юрий Васильевич долго не возвращался к этой работе. Он показал рукопись близким сотрудникам, она быстро размножилась и начала самостоятельную жизнь. Многие из прочитавших ее просили Юрия Васильевича о продолжении, торопили с изданием, но он откладывал эту работу. Вернулся он к ней в 1995 году. Результатом явился второй цикл, превратившийся, к сожалению, после третьей беседы. Отредактированного варианта записи этого цикла Юрий Васильевич уже не увидел.

3.

В «Экономических беседах» представлен, с поправкой на специфику жанра, ряд ключевых идей, которые Юрий Васильевич разрабатывал на протяжении многих лет. Хотя «Экономические беседы» отра-

жают научные взгляды Ю.В.Яременко далеко не полностью, они тем не менее содержат много ценнейших наблюдений и выводов. Юрий Васильевич не допускал банальностей, поэтому его тексты всегда окрашены нетривиальностью личных суждений. Часто его идеям нет аналогов в отечественной и мировой литературе.

Юрий Васильевич Яременко был очень крупным ученым, к сожалению, недостаточно понятым. Думается, что его взгляды могли образовать новое направление экономической теории, отличающееся от теорий, основанных на постулате равновесия спроса и предложения. Контур этой теории видны в предложенной вниманию читателя книге, а также в основном его научном труде «Многоуровневая экономика». Особый теоретический подход стал основой для формирования специфичного взгляда на проблему экономических реформ в России.

Автор вступительного слова не ставил целью интерпретировать содержание публикуемых бесед. Такая интерпретация означала бы восстановление концепции и логики «Экономических бесед» в полном объеме, а это является чрезвычайно сложной задачей, которая теперь, без Юрия Васильевича, уже не имеет однозначного решения. Ниже мы кратко охарактеризуем научные взгляды Ю.В.Яременко, используя, по возможности, его собственные высказывания, не вошедшие в основной текст бесед.

Как видно из текста, основной причиной кризиса советской экономической системы Ю.В.Яременко считал гонку вооружений. Юрий Васильевич много раз говорил, что холодная война по сути имеет ту же логику, что «горячая». Если война носит локальный характер, на нее посылают небольшое обученное войско. Если же война докатывается до стен столицы, вступают в силу законы чрезвычайного времени: рубят городские деревья, ломают асфальт, бросают в окопы подростков, женщин и стариков. Глядя на статистику женской занятости, ручного труда, на тенденции рождаемости и смертности населения, владея информацией о масштабах и о методах добычи сырья, Ю.В.Яременко не раз повторял, что производство — это та же война, только более медленная. На протяжении сорока лет страна тратила все свои силы на поддержание военного паритета с экономически более сильным соперником, защищаясь, как на последней баррикаде. Все ресурсы, включая и само население («вплоть до последнего младенца», как выразился Юрий Васильевич) были брошены в топку холодной войны.

Деградация гражданского сектора экономики, раздавленного прессом гонки вооружений, пустеющее потребительское пространство, растущие явления социальной деградации — все это было настоящей душевной болью Ю.В.Яременко. Почему стала возможна такая самоубийственная политика? Ответ ученого звучал парадоксально: роковую роль сыграло ослабление централизующей роли партии, или, говоря более абстрактно, дезинтеграция государства. Ведомственные структуры, бывшие составными частями единого государственного организма, в 60-е и 70-е годы автономизировались и стали преследовать собственные цели, форсированными темпами пожирая ресурсы страны. Наибольший вклад внесли в этот процесс сильные военные ведомства, хотя и прочие тоже не оставались в стороне. По мнению Ю.В.Яременко, централизованное государство рано или поздно одумалось бы и отказалось от проведения не имеющей перспектив политической линии. Исчезновение централизующей власти придало этому процессу неуправляемый и иррациональный характер. Комментируя это, Юрий Васильевич сказал, что советское общество следует сравнивать не столько с Европой или Америкой, сколько с Древним Египтом, в котором строительство пирамид сделалось своеобразным стержнем той цивилизации.

Выход из положения Ю.В.Яременко видел прежде всего в прекращении холодной войны или хотя бы ослаблении ее напряженности. Геополитические аспекты этой проблемы он не склонен был обсуждать, считая, что так или иначе надо выходить из игры. Вместе с тем он понимал, что рыхлое, ослабшее государство не в состоянии сделать столь крутой политический поворот, и этот пункт рассуждений Юрия Васильевича придавал его построениям некую условность, которую он сам признавал. Речь по сути шла о проблеме политической власти, которую ученый решить не мог. Все же он говорил, что надо избегать фатализма, что, по его мнению, у страны был шанс пойти другим путем и именно поэтому не следовало подталкивать власть к поспешным решениям.

Ключевым пунктом предложенной Юрием Васильевичем программы экономической реформы была конверсия оборонной промышленности и на ее основе — подъем общего технического уровня российской экономики. Решение этой задачи должно было осуществляться плановым, централизованным путем. Вопрос о целесообразности перехода к рынку Юрий Васильевич считал необходимым отсрочить как минимум на 15—20 лет, до решения названной задачи. Вместе с тем он

считал возможным и целесообразным ввести элементы экономического самодействия в сельском хозяйстве и других секторах экономики для выправления сложившейся в них тяжелой кризисной обстановки.

Общенациональными приоритетами должны были стать: насыщение потребительского пространства (в это понятие включался не только ширпотреб, но и жилье, застройка дачных участков, автомобилизация), повышение технического уровня и культуры производства в гражданских отраслях за счет направления в них качественных инвестиций, а также путем создания новых стимулов к труду благодаря появлению у людей новых жизненных перспектив. Рост образования, квалификации и потенциала здоровья людей, создание полноценной социальной среды Юрий Васильевич всегда рассматривал не только как результат, но и как необходимый элемент экономического роста.

Советская экономика была неэффективна – признавал Ю.В.Яременко, и тут же добавлял: «Ну и пусть пока была бы неэффективна. При осуществлении конверсии страна могла даже при неэффективной экономике выйти на принципиально новые потребительские стандарты. Это открыло бы совершенно новые перспективы в решении социальных и экономических проблем, как это произошло в Китае. Проблему повышения эффективности можно было оставить на последующие периоды».

Реалист и глубокий знаток экономики, Ю.В.Яременко хорошо представлял себе цену, которую придется заплатить стране за проведение рыночных реформ. Разговоры об имманентной неэффективности плановой системы Юрий Васильевич считал неквалифицированной чепухой, а представления о быстром росте благосостояния в условиях рынка – маниловщиной, не переставая удивляться наивности верящих в это людей. Но главную проблему он видел в другом. Процесс экономического роста Ю.В.Яременко представлял не как количественное наращивание объемов производства, а как постепенный подъем экономики по ступеням технологического уровня. Оборонные производства были, по его мнению, тем ресурсом, козырной картой, с помощью которой эта задача могла решаться. Реформа, как ее видел ученый-экономист, должна была быть не рыночной, а структурной, плановой, осуществляемой с полным сохранением всех государственных рычагов управления экономикой. Цель реформы, по Яременко, состояла в трансформации военной мощи в экономическую на основе структурного оздоровления гражд-

данских секторов экономики. Переход к рынку, демократии, открытой экономике и открытому обществу должен был, по мысли ученого, осуществляться лишь по мере достижения этой цели, причем спешить с таким переходом никоим образом не следовало.

4.

Горбачевскую перестройку Ю.В. Яременко воспринял двояко. С одной стороны, он понимал, что реформы в стране назрели. С другой стороны, то направление, которое приняли реформы и само обсуждение общественных проблем, не могло не вызвать у него несогласия. Его поражало, что пресса с упоением обсуждала вопросы демократизации и перехода к рынку, но на обсуждение вопросов конверсии было наложено негласное табу. Оборонные заводы продолжали работать на полную мощность и производили оружие до тех пор, пока Е.Гайдар разом не срезал им финансирование. Может быть, в 1986-1987 годах у Ю.В.Яременко был шанс повернуть направление преобразований, в резкой публичной форме обозначив свою программу «конверсия вместо рынка»? На этот вопрос трудно ответить. Яременко претили диссидентские методы. Позднее он говорил, что такое заявление ни к чему бы не привело.

Распад СССР и последовавший за этим экономический кризис Юрий Васильевич воспринял крайне болезненно. Порой его захлестывали эмоции, но как ученый он старался мыслить трезво и конструктивно. Необратимость многих изменений стала свершившимся фактом, и он это признавал. Как он видел обстановку в последние годы и какова была его конструктивная программа?

Обвальное падение производства в оборонных отраслях Ю.В. Яременко рассматривал как национальное бедствие, имея в виду не столько выбытие производственных мощностей, сколько разрушение квалифицированной социальной среды. Согласно его взглядам, продвижение общества по ступеням технологического уровня имеет свой социальный разрез: квалификация должна соответствовать технологии и наоборот. «В 1917 году – говорил он – Россия потеряла свою квалифицированную верхушку и затем долго и мучительно ее восстанавливала. За послевоенные годы страна сумела нарастить определенные социальные слои, являвшиеся носителями высокой культуры и высокой квалификации. Утрата этих слоев означает переход страны на позиции второ-

разрядной державы, и из такого положения она не сможет выйти десятилетиями».

Широкая гуманитарная эрудиция позволяла Юрию Васильевичу мыслить не только узкоэкономическими категориями. «Страна должна жить какой-то идеей, — утверждал он. — В современном мире позитивные идеалы так или иначе связаны с высокими технологиями. Ликвидация квалифицированной верхушки общества означает утрату идеалов. Что остается в этом случае? Примитивное потребление, которое в голом виде не является ни эффективным стимулом, ни конструктивной идеей.»

Открытие экономических границ привело к крупномасштабному завозу импортных товаров и вытеснению с рынка многих видов отечественной продукции. «Мы никогда не имели такого изобилия на потребительском рынке» — признавал Юрий Васильевич, и тем не менее считал это экономическим бедствием. Аргументы нетривиальны, и в них следует вникнуть. «Да, — говорил он, — отечественная продукция, какую ни возьми, всегда либо хуже, либо дороже зарубежных аналогов. Следовательно, возникает дилемма: либо форсированными темпами подтягивать качество отечественной продукции до уровня зарубежной, потеряв при этом за ненадобностью около 70 процентов производственных мощностей, либо... жить и работать так, как мы умеем и можем, довольствуясь не очень качественной отечественной продукцией и осуществляя медленную, поэтапную модернизацию производства. Иметь много не очень качественной, но все же приемлемой продукции для страны лучше, чем резко перейти на западные стандарты, утратив при этом значительную часть своего производственного потенциала и вызвав массовую нищету и безработицу».

Предметом особой озабоченности Ю.В.Яременко был рост цен на энергоносители и доведение их до уровня мировых. «Мы привыкли к энергетическому комфорту, — говорил он, — и не воспринимаем это как благо. Но при продолжении курса нынешних реформ мы очень скоро лишимся этого блага». Критикуя реформаторов и предсказывая их будущие действия, Юрий Васильевич как-то сказал: «Следующим шагом будет понижение температуры в квартирах до 14 градусов».

На вопрос о том, в чем заключаются основные пункты его программы в новых условиях, Ю.В.Яременко отвечал: прежде всего — закрытие экономических границ, т.е. автаркия. Конкретно он предлагал вве-

сти резкое повышение таможенных пошлин, чтобы цены на импортные товары существенно возросли и освободили пространство для отечественных товаропроизводителей. Далее должна была следовать реализация государственной программы восстановления и развития тех секторов экономики, в которых сохранился реальный производственный и научно-технический потенциал. По сути, это была прежняя программа Ю.В.Яременко, с поправками на новую ситуацию.

Юрий Васильевич работал до последнего дня и вместе с тем чувствовал, что логика его аргументов не в состоянии изменить ход событий. Поразительно, что в плановом советском обществе нашлось не так уж много людей, которые в противовес идее рыночных реформ сформулировали реалистичную и логически завершенную программу плановых преобразований. Реализм программы Ю.В.Яременко, с нашей точки зрения, не вызывает сомнений. С технической точки зрения плановый сценарий мог быть реализован, и притом с ощутимым эффектом. Реалистична, т.е. воплощаема в жизнь, и более поздняя программа Юрия Васильевича, основанная на использовании косвенных экономических рычагов. Вопрос возникает скорее с точки зрения философских основ выживания общества в долгосрочной перспективе. Автаркия — это трудный общественный выбор, за который тоже пришлось бы заплатить определенную цену. Ю.В.Яременко в принципе признавал, что такие вопросы должно решать общество в целом, но считал, что реализуемый сценарий реформ не есть результат выбора, а навязан стране мировым сообществом (бывшими противниками по холодной войне) и коррумпированной правящей верхушкой. Российское общество ныне беспомощно, дезориентировано и не в состоянии что-либо изменить.

С сожалением следует признать, что взгляды Юрия Васильевича по многим важным вопросам так и остались для автора этих строк не до конца ясными. Основной пафос его позиции состоял в том, что до начала перестройки страна располагала значительными научно-техническими и промышленными возможностями, которые должны были быть адекватно использованы в ходе структурной перестройки экономики. Сценарий такой перестройки, как уже говорилось, был им глубоко продуман. Пугавшая его альтернатива состояла в том, что в результате рыночных реформ российская экономика «сожмется» до узкого круга тех отраслей, которые могут производить конкурентоспособную экспортно-ориентированную продукцию либо сырьевого профиля, либо про-

дукцию сборочных производств, работающих по импортным технологиям. «Мы теперь маленькая страна» – сказал как-то Юрий Васильевич, глядя на статистические данные о падении производства цемента.

Но какую политику следует проводить в том случае, если сжатие экономики все же дойдет до своего логического конца? Автор этих строк не смог получить у Юрия Васильевича ответа на этот вопрос. В 1995-96 годах Ю.В.Яременко говорил, что пока разрушено далеко не все и необходимо мерами государственного протекционизма спасать оставшееся. Но в обозримом историческом будущем вопрос о спасении оставшегося, вероятно, перестанет быть актуальным. Какие из предлагавшихся Юрием Васильевичем мер будут в этом случае адекватными? Это так и осталось неясным. Можно не сомневаться, что у Юрия Васильевича был ответ на этот вопрос, но ныне мы можем лишь пытаться логически воссоздать его.

Неординарные взгляды Юрия Васильевича расширяли пространство политических и экономических решений, которые могли быть приняты для преодоления экономического кризиса. Нет сомнения, что позиция Юрия Васильевича в конце концов могла быть услышана и учтена при реализации экономической политики. Можно с уверенностью сказать, что Ю.В.Яременко проиграл не теоретический спор с рыночниками, а лишь идеологическую кампанию, поскольку широкой пропагандой своих взглядов никогда не занимался. Со смертью Ю.В.Яременко российская экономическая наука потеряла оригинального и глубокого мыслителя, способного предлагать нетривиальные решения судьбоносных проблем страны.

5.

Нам осталось рассказать о Юрии Васильевиче как о человеке, а также о последних днях и часах его жизни. Как и всякий крупный ученый, он был яркой личностью, с выраженными специфическими чертами характера. Думается, что пребывание в Китае и чтение работ древних китайских философов сильно на него повлияло. Во всем его поведении чувствовалась едва уловимая облагороженность этикетом, стремлением облечь свои слова в вежливую и уважительную форму. Юрий Васильевич был сильным руководителем и при случае мог командовать не хуже генерала Лебеда, но редко пользовался этой способностью. Был раним и обидчив, мог долго помнить обиды. В то же время

был великодушен и умел прощать. Часто говорил, что отношения с людьми движутся как бы по синусоиде, и вслед за ухудшением отношений часто следует их улучшение, поэтому никогда не надо делать резких шагов (впрочем, сам он их порой все же делал). Цитируя китайских философов, говорил, что человек должен укрощать в себе бесов, т.е. сильные страсти.

Юрий Васильевич искренне любил науку и уважал людей, в работе которых чувствовалась серьезная научная мотивация. Таким людям он прощал сложности характера и разные несообразные выходки. В то же время в научном споре занимал жесткую и принципиальную позицию, не шел на компромиссы. Научное несогласие воспринимал не отвлеченно, а всей своей личностью. Вероятно, этому способствовало чувство ответственности за страну. К работавшим в институте «рыночникам» старался относиться терпимо, хотя это не всегда ему удавалось. Все же преследованием внутренних «диссидентов» Юрий Васильевич не занимался и порой с гордостью говорил, что в годы перестройки его институт отдал свои кадры во все оттенки политического спектра — от либералов до коммунистов, комментируя это так, что академическая наука все же нужна стране и недопустимо ее утрачивать.

Юрий Васильевич как мог заботился об институте. За весь перестроечный период задержка выплаты зарплаты произошла лишь один раз, и то всего на три дня. В то время как в других институтах многие сотрудники были переведены на полставки, а летом и вовсе отправлялись в неоплачиваемые отпуска, сотрудникам ИНП РАН регулярно выплачивались не только оклады, но и надбавки, хотя финансовое положение института было весьма сложным. Может быть, об этом неловко говорить, но зарплата Юрия Васильевича всегда в точности совпадала с той суммой, за которую он расписывался в платежной ведомости.

Юрий Васильевич крайне негативно относился к теневой экономической деятельности и категорически отказывался от предложений поддержать институт путем передачи наличных денег (такие предложения поступали). Мотивы отказа можно понять из его высказывания о двух высших китайских добродетелях: служить государству и любоваться природой. Много ли в современной России найдется людей, которые служат государству столь же последовательно и принципиально?

16 сентября 1996 года Юрий Васильевич пришел на работу как обычно, был бодр, шутил, хотя и пожаловался, что немного болит сердце. К че-

тырем часам дня ему внезапно стало плохо, появилась сильная загрудинная боль. Секретарь вызвала "скорую", от волнения попадая пальцами не на те кнопки телефонного аппарата. "Скорая" приехала довольно быстро. За это время в коридоре успели собраться сотрудники. Врач сделал инъекцию и сказал, что боль удалось снять. Принесли носилки, и группа сотрудников вошла в кабинет. Юрий Васильевич лежал на кушетке и разговаривал по телефону. Был бледен, но все же, казалось, выглядел не так плохо. Увидев знакомые лица, он улыбнулся и кивнул вошедшим. Врач спросил, не вернулась ли боль. Юрий Васильевич ответил: "Немного". Врач обеспокоился и жестом приказал выносить носилки. Юрий Васильевич, казалось, был смущен своим положением, поднимал голову и оглядывался, хотя врач просил его этого не делать.

Все видели, что приступ серьезен, но думали, наверное, о том, что все-таки не сразу, не после первого приступа... Ведь живут же люди и после нескольких инфарктов...

На следующий день сообщили, что Юрий Васильевич чувствует себя лучше, кризис прошел, он разговаривал из палаты по телефону с семьей и с сотрудниками. А еще через сутки его не стало.

С. Белановский,
зав. лабораторией ИНП РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

январь — апрель 1993 года

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Общие причины кризиса советской системы. Дезинтеграция государственной власти. Эгоизм ведомств. Бремя милитаризации.

Его связь с эгоизмом ведомств. Проблема структурного неравновесия. Режим ресурсорасточительства. Исчерпание трудового потенциала и его последствия

— Давайте мысленно вернемся в 1985 год. Была ли возможность избежать кризиса? Если да, то какой сценарий должен был быть, по вашему мнению, реализован?

— Если говорить о ситуации 1985 года, то в то время у государства существовали очень большие потенциальные возможности, поскольку оно располагало значительной индустриальной мощностью. Если бы оно этой мощностью разумно распорядилось, то даже неэффективная экономика могла бы быть с незначительными издержками переориентирована на массовое производство товаров народного потребления. В первую очередь я имею в виду так называемые товары длительного пользования, то есть всевозможную бытовую технику. Пусть даже эти товары были бы не самого высокого технического уровня, не самого высокого качества, но с точки зрения наших потенциальных возможностей наладить их массовое производство было очень легко. Технологически мы приближались к тому, чтобы стать так называемым потребительским обществом.

Когда я разговаривал с Ростом¹, он мне сказал: "Неужели ваша мощная индустриальная страна не может осилить произ-

¹ *Ростов Уолт Уитмен* (род. в 1916 г.) — известный американский социолог и экономист. Автор книги "Стадии экономического роста" (1960).

водство товаров народного потребления? Если этот этап смогли пройти совершенно неразвитые в индустриальном отношении страны, то вы можете сделать это очень легко. Мне кажется, что все сомнения относительно вашего будущего — просто недоразумение”.

Все это действительно так. У нас были и источники сырья, и достаточно развитое машиностроение. С этой стороны все решалось очень просто. Но с другой стороны — с точки зрения расклада политических сил и социальной структуры общества на тот период времени — процесс, о котором я говорю, конечно, не мог так просто начаться.

В это время КПСС уже перестала быть абсолютным авторитетом. Другими словами, обручи, которые скрепляли отдельные части нашего государственного механизма, ослабли. Крупные министерства, ведомства — все эти административные монстры — почувствовали свою независимость от КПСС. Я имею в виду прежде всего армию, военную промышленность, отчасти КГБ, далее Совмин, который в определенной степени представлял гражданскую экономику. Особо в этом списке следует назвать торговлю, которая коррумпировала многие этажи власти и вкупе с ними образовала свое суперведомство. Силится превратиться в суперструктуру и Агрпром, но это ему плохо удавалось. Он напоминал человека, которого постоянно обделяют за общим столом, и все попытки Агрпрома выбить себе какие-то права не имели успеха.

Все эти структуры рвали на части имеющиеся в стране ресурсы, но им все равно было их мало, так как они имели колоссальные ресурсоемкие программы, очень часто не связанные ни с какими реальными проблемами. Экономика, как и армия, просто была пространством для расширения бюрократических структур того или иного административного монстра. В этом смысле их рост приобрел как бы иррациональные черты, став средством бюрократического самовоспроизводства, самовоссоздания и расширения. Поэтому они стремились к тому, чтобы

было больше заводов, больше капиталовложений. В брежневскую эпоху и экономика, и военное, и партийное строительство оказались вторичными по отношению к самовоспроизводству и расширению этих административно-социальных структур.

Особенно это проявлялось в гражданской экономике. С одной стороны, ей выделялись совсем скудные ресурсы, но, с другой, она обладала очень значительным потенциалом автономного, иррационального роста. У каждого министерства были свои амбиции. Например, в бытность Силаева² во главе Бюро Совмина СССР по машиностроению началось крупномасштабное гражданское индустриальное строительство. Гражданские отрасли захотели обзавестись собственной электронной промышленностью, так как военные не давали им своей электроники. В результате, когда Силаев ушел, в области электронного машиностроения осталась незавершенка на миллиарды рублей.

Описывая эти процессы, я ощущаю определенную неудовлетворенность из-за отсутствия адекватного языка описания. Строго говоря, речь не идет о явлениях экономических — скорее их следует осмыслять в терминах социологии. Вторичность нашей экономики по отношению к воссозданию и расширению упомянутых мной административно-социальных структур — это та проблема, которую никто до сих пор правильно не понял и не оценил, потому что мы привыкли жить в умозрительном мире экономического детерминизма. И нам трудно осознать, что наше общество было больше похоже не на Европу или Америку, а скорее на древний Египет, где строительство пирамид являлось цементирующим элементом всей египетской цивилизации. Так и наша экономика в своем развитии не имела какого-то внутреннего смысла, а была лишь неким пространством для воспроизводства и расширения административных структур.

² *Силаев Иван Степанович* — с 1985 по 1990 г. заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро Совета Министров СССР по машиностроению. С июня 1990 по сентябрь 1991 г. — председатель Совета Министров РСФСР.

— *Какую роль играла во всем этом партия?*

— КПСС была тем органом, который пытался согласовать, примирить интересы различных суперведомств. Несомненно, это исключительно важная функциональная роль. Как только партия в начале 70-х годов стала слабеть, центробежные силы сразу очень возросли. В этом смысле главным пороком брежневской эпохи было вырождение партии, ее коррумпированность, появление у нее внутренних, автономных интересов. Партийный аппарат в тот период приобрел характер некоего общественно-го института, который, с одной стороны, пытался согласовать все и вся, привести все к общему знаменателю, но, с другой — сам уже имел свои материальные интересы. Мне кажется, необходимо подумать над тем, как получилось, что партия из института, выполнявшего универсальные, общегосударственные функции, выродилась в такого же бюрократического монстра, о каких мы уже говорили.

— *Вы объяснили, чем была плоха брежневская эпоха. Значит, прежние периоды советской истории в каком-то смысле были лучше?*

— Здесь нельзя оперировать понятиями "лучше" или "хуже". Государство в предшествующие периоды оставалось более монолитным. К примеру, при Хрущеве и в начальный период брежневской эпохи дезинтеграция, центробежные силы сдерживались, уравновешиваясь партией как цементирующим институтом. Другой вопрос — какими средствами это достигалось. Сейчас я это не обсуждаю. Я констатирую лишь, что в брежневский период прежнее институциональное равновесие оказалось нарушенным. Проявилась тенденция к превращению партии из координирующего органа в одного из "игроков" системы. Этот процесс, может быть, не завершился до конца, но во всяком случае он шел. Причиной тому, наверное, была коррупция. Особенно такая тенденция проявилась на местах, где партия срачивалась с торговой мафией. Естественно, что при этом она утрачивала рычаги управления.

Может быть, такой процесс был естественным. По одной из версий, в начале развития нашей системы между партийными и промышленными кадрами пролегла некая граница. Иными словами, существовали партийцы и существовали хозяйственники, спецы. Но с каждым годом, с каждой пятилеткой граница между ними стиралась. И постепенно она почти совсем размылась. В результате жреческое сословие — партийные кадры — как бы потеряло право первородства, лишилось морального авторитета и авторитета силы. В итоге все стали хозяйственниками, с единой психологией и единым социальным статусом.

Мне бы особенно хотелось заметить, что потеря прежнего статуса привела к появлению в государстве центробежных сил, что и стало одной из главных причин перегрузки нашей экономики. Была, конечно, и другая причина: конкуренция с США в гонке вооружений. Тем не менее, если бы государство оставалось более монолитным, то последствия этой конкуренции были бы не столь разрушительными для нас. Таким образом, сработали оба фактора: усилилось военное противостояние Соединенным Штатам на мировой арене и в то же время стала расшатываться монолитность нашего государства. Возникшее напряжение в экономике послужило поводом для усиления влияния суперведомств, помогло им захватить больше ресурсов и больше экономического пространства. В результате гражданская промышленность начала свое фиктивное развитие на пустом ресурсном пространстве. У нее возникла как бы собственная инерция — потенциал бюрократического роста. Фикция проявлялась в фиктивных планах, в фиктивных отчетах и т.д. Для того времени это был совершенно бесспорный и любопытный эффект. В еще худшем положении оказалась та часть бюрократии, которая была связана с сельским хозяйством.

— *Вы коснулись начала развития нашей системы и дальнейшей ее эволюции. Не могли бы вы в этой связи кратко охарактеризовать сталинскую и послесталинскую эпохи?*

– Это мне сделать очень трудно: я не специалист по этим вопросам, хотя и думал о них.

Конечно, сталинская и послесталинская эпохи имеют существенные различия. Истоки сталинской системы следует отчасти искать в ситуации 20-х годов, для которых была характерна примерно такая же дезинтеграция власти, которая вновь возникла и стала усиливаться в 70-е годы. Но в 20-е годы эта дезинтеграция, судя по опубликованным мемуарам, была выражена гораздо резче, принимала более крайние формы. Институционального способа преодоления ее тогда, как мне кажется, не было. Сталин просто подавил эту дезинтеграцию со всей жестокостью, на какую был способен.

Далее, в распоряжении Сталина имелся колоссальный ресурс — крестьянство. Он разменял его на индустриализацию. Этот сюжет достаточно хорошо известен, и я сейчас не буду на нем останавливаться.

Наконец, сталинская эпоха, с моей точки зрения, не являлась эпохой чистого принуждения, когда за каждым исполнителем стоял человек с ружьем. Она в своем роде очень последовательно сохраняла целостность институтов, обеспечивающих функционирование общественных структур. Проблема трудовых мотиваций решалась путем формирования социальных страт с разным уровнем привилегий. На этой системе стратификации очень многое держалось. Крестьянство в ней являлось низшим, эксплуатируемым классом; рабочие были уже своего рода сословием с определенным уровнем гарантий; высокий статус имели наука, высшая администрация и армия.

Всю эту систему отличала жесткая логическая стройность. Общество, по сути дела, было сословным, причем каждое вышестоящее сословие обладало определенными привилегиями. Доступ к различным видам благ, к городской инфраструктуре, тип жилья, даже сама зарплата — все это входило в систему сословных привилегий. Такая система обеспечивала высокую мотивацию продвижения по социальной лестнице. Люди откликались

на имевшиеся стимулы и готовы были платить за них ту цену, которую от них требовали. Типичная карьера в те годы была такова: выходец из деревни после армии поступал учиться в ПТУ, затем работал на заводе, рос в должности, со временем получал городское жилье, заканчивал вечерний вуз, становился ИТР, затем переходил на работу в партийные органы и т.д. В этой схеме могли быть некоторые вариации, но в принципе она была именно такой.

В послесталинскую эпоху эта стратификационная система дала трещину, в ней возник некий дуализм. С одной стороны, вся прежняя цепочка привилегий сохранилась как способ обеспечения устойчивых мотиваций, создающих в обществе определенный динамизм. Люди стремились продвигаться по ступенькам социальной лестницы, чтобы получить более высокий статус. С другой стороны, в общество все больше стали проникать элементы чисто денежных стимулов, которые входили в противоречие со статусной системой привилегий. Появились жилищные кооперативы и другие сферы реализации денежных доходов. Начались попытки идеологического внедрения в сознание людей принципов конкуренции, экономического соревнования.

— Я глумал, вы скажете другое: что денежные стимулы автономизировались, что торговле изначально был придан низкий статус, но она путем воровства и некоторой бесконтрольности стала занимать более значительное положение и постепенно коррумпировала аппарат управления. В результате возникли две иерархические системы: одна государственная, которая держалась на статусных привилегиях, а другая мафиозная, основанная на деньгах и украденных у государства ресурсах.

— То, о чем вы говорите, произошло позднее. Я пока имею в виду первое послесталинское десятилетие. Этот дуализм возник уже тогда, и его источником была отнюдь не только торговля. Перевод колхозов на денежную оплату (а другого пути не было, "крепостное право" надо было отменять) явился очень крупным шагом в направлении, о котором идет речь. Эта акция давала не

только некий стимул, но и некую льготу, обеспечивающую оплату труда. Другими словами, оплата труда стала гарантированной. С одной стороны, это была попытка введения каких-то экономических стимулов, а с другой — подключения сельского хозяйства к иерархической системе, к системе льгот, которая уже существовала в нашей экономике. В результате таких мер сельское хозяйство какой-то период развивалось ускоренными темпами, но прежняя система стратификации дала трещину.

— Поскольку мы говорим о первом послесталинском десятилетии, то как вы оцениваете деятельность Хрущева?

— Я считаю, что Хрущев нанес экономике страшно много вреда. Здесь на первое место я бы поставил проведенную им кампанию по урезанию личных приусадебных хозяйств. Этой мерой он ликвидировал социальную базу в деревне.

— Почему он это сделал?

— Как мне кажется, — это лишь моя версия, но не исключено, что она верна, — основную роль здесь сыграло то, что Советский Союз стал утрачивать в мировой социалистической системе свой идеологический приоритет. В тот период претензии на идеологическое лидерство предъявил Китай, и они не были только декларативными. В 1958 году в Китае начался период "большого скачка". Примерно тогда же Хрущев объявил, что мы тоже будем ускорять построение коммунизма, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Я глубоко убежден, что политика Хрущева на селе в отношении приусадебных хозяйств явилась результатом конкуренции с Китаем за лидерство в мировом коммунистическом движении. Эта конкуренция приобрела очень жесткий характер и вскоре вылилась в конфронтацию, но началась она с вопроса о том, кто быстрее построит коммунизм.

— Как из этой ситуации соперничества двух стран вытекала политика ликвидации подсобных хозяйств?

— Хрущев был очень азартным человеком. А на подобного рода действия его могли спровоцировать чисто идеологические

причины. Я был в те годы в Китае и имел возможность сопоставлять то, что происходило там, с тем, что делалось у нас. В результате я проследил четкую корреляцию между изменениями в Китае и тем, что делалось в Советском Союзе.

— Мне казалось, что к таким действиям Хрущева подтолкнуло мнение председателей колхозов, которые "имели зуб" на приусадебное хозяйство, считая, что оно отвлекает кадры от общественного сектора производства.

— Может быть, такой фактор и сыграл свою роль, но трудно вообразить, чтобы это председательское лобби оказалось достаточно сильным для материализации в столь масштабное, все-союзное движение, приведшее к колоссальным и необратимым последствиям. Ваша гипотеза не соответствует тому раскладу сил, который тогда имел место.

Говоря об эпохе Хрущева, следует указать на своего рода эйфорию руководства страны, связанную с тем, что оно держит в своих руках колоссальные ресурсы. Эта эйфория всегда была свойственна нашим руководителям, но в послевоенные годы — особенно. Это своего рода болезнь партийной диктатуры. Ее я наблюдал в различных формах как у нас, так и в Китае. Руководству страны всегда казалось, что достаточно приложить еще немного усилий, централизовать ресурсы — и цель будет достигнута. Поэтому в акции Хрущева по отношению к приусадебным хозяйствам преобладали не экономические соображения, которые, конечно, тоже были, а абстрактная схема, замешанная на идеологии.

Оговорюсь, что, выдвигая подобные гипотезы, надо соблюдать известную осторожность, поскольку мы отравлены идеей экономического волюнтаризма. Тем не менее я не считаю, что Хрущева в этой акции кто-то сильно поддерживал, кроме, может быть, председателей колхозов. Это была чисто волюнтаристская акция.

Повторяю, Хрущев нанес экономике очень много вреда. Здесь сыграла роль упомянутая мной эйфория, ощущение, что все можно сделать, а также идея, что нужно спешить со строи-

тельством нового общества, причем с созданием чисто внешних его атрибутов. Ликвидация приусадебных хозяйств рассматривалась как прогрессивная мера, делавшая нас более похожими на цивилизованные страны, где люди покупают все необходимое в магазинах. В этом же ряду следует назвать переход на пятидневную рабочую неделю (страшное с экономической точки зрения мероприятие, резко понизившее интенсивность труда), затем сокращение рабочего дня. Новое пенсионное законодательство также явилось преждевременной акцией. Таким образом, в недопустимой спешке создавались атрибуты социалистического общества, как оно тогда мыслилось. При этом для предпринятых мер не было создано никаких экономических предпосылок, поэтому они породили лишь инфляцию в потребительском секторе.

Конечно, у Никиты Сергеевича были свои проблемы. В чисто политическом отношении ему требовалось оторваться от прошлого. По этой причине его усилия большей частью были замешаны на социальной демагогии, что также являлось традицией нашей политики.

— *Прокомментируйте, пожалуйста, начало следующего этапа нашей истории — экономическую реформу 1964 года.*

— Все это нужно изучать заново, так как в то время мы видели только отдельные части реформы. Сейчас же гораздо удобнее взглянуть на нее со стороны и можно более отчетливо понять, что же тогда происходило. К сожалению, мы пока этим мало занимались.

В первую очередь здесь надо отметить, что после Хрущева (с 1964 года) мы не только перешли к реформам, но и восстановили отраслевую структуру управления³. Это делалось одновременно. В каком-то смысле эти два вопроса были сопряжены и призваны создать условия для управления производством новым, удобным способом.

³ Имеется в виду упразднение Совнархозов, существовавших в 1957–1965 годах в качестве местных органов управления промышленностью (до 1962 года — и строительством), и восстановление министерств и ведомств как центральных органов управления отдельными отраслями хозяйства.

— Можно ли сказать, что это стало отправной точкой для советской экономики 70-х годов, для того процесса автономизации суперведомств, о котором вы говорили раньше?

— Да, конечно, хотя идеология тех реформ весьма неоднородна. Например, и в Китае, и в России имели место крупные государственно-общественные начинания, которые в основном носили демагогический характер и прикрывали интересы бюрократии, крупных ведомств. Тем не менее в идеях реформы проявилось и подлинно реформистское начало, хотя оно характеризовалось некоторой наивностью взглядов. Оно было затем отсечено событиями 1968 года в Чехословакии. Однако до этого момента идеи либерализации экономической жизни в скрытой форме присутствовали в идеологии реформы. Правда, никаких экономических условий для проведения самой реформы тогда не было. В основном все свелось к имитации, к каким-то частным мерам, к смене вывесок и показателей.

Когда вы задаете мне вопросы, касающиеся экономической истории, я хорошо понимаю ваше стремление понять генезис нашей системы и ее эволюцию. К сожалению, на многие из этих вопросов я не могу ответить, по крайней мере вот так, сразу. Моя активная научная жизнь началась в 60-е годы. Только этой эпохе я был свидетелем и только о ней могу сказать, что что-то в ней понимаю. Историей нашего хозяйства я никогда не занимался. Конечно, существовали статистические ряды, которые уходили в прошлое и давали базу для сравнения. Но для экономистов моего поколения естественным началом этих рядов были послевоенные годы, а более конкретно — 1950 год, с которого начинались все таблицы в статистических справочниках. Я занимался текущим анализом нашей экономики, ее функционированием и, как мне кажется, понял что-то в ее "физиологии". Эта система существовала для меня как данность, и ее эволюция происходила параллельно с моей личной эволюцией. Замечу, что восприятие нашей системы как данности делало наиболее конструктивным подход к ее изучению.

Описания сталинской эпохи типа книг Солженицына порождали у людей сильнейший нравственный шок, приводя к тому, что наше общество 70-х годов как бы приравнилось к сталинскому и морально оценивалось соответствующим образом. Заявления о том, что наша система в корне нелепа, были, как мне кажется, скорее вторичным явлением по отношению к этим моральным оценкам. Отсюда можно сделать несколько парадоксальный вывод, что само требование перехода к рынку носило в своих истоках моральный, а не экономический характер.

— *Вы сказали, что главную причину кризиса конца 70-х годов видите в ослаблении КПСС и ее дезинтеграции. Я правильно вас понял?*

— Да. По этому вопросу я всегда сталкивался с непониманием. Мне говорили: "О каком структурном неравновесии ты толкуешь? Пока у власти КПСС, ничего хорошего все равно не будет". Но я настаиваю на том, что именно из-за ослабления центральной власти в 70-е годы вырвались на свободу административные монстры, разорвавшие нашу страну. Прагматичная централизованная власть могла вовремя одуматься и осуществить конверсию военного производства, которая была нашим реальным шансом на спасение.

— *Но диссидентов такая власть все равно должна была бы сажать?*

— Все нет. Дело в том, что борьба с диссидентством, ужесточение цензуры, идеологический прессинг были вторичными по отношению к ресурсному перенапряжению. У нас создалась парадоксальная ситуация, когда "комариный писк" задавленно-го диссидента был слышен во всем мире и становился своего рода картой в глобальной политической игре. Но благополучно решить эту проблему, на мой взгляд, было легче, чем многие другие. Безусловно, требовалась деидеологизация: в 70-е годы идеи построения коммунизма уже никого не вдохновляли. Нужна была также разрядка международной напряженности, поскольку конфронтация с Западом наряду с созданием ресурсного перенап-

ряжения стала и одной из главных причин нагнетания идеологической истерии внутри страны. Наконец, требовалась реформа экономики, но не рыночная, а структурная, направленная на восстановление структурного равновесия. Она обеспечила бы людям рост благосостояния и дала бы им реальную жизненную перспективу. Я считаю, что для многих наших диссидентов такой прагматичный курс оказался бы вполне приемлемым. А что касается "непримиримых", то в новых условиях они не нашли бы существенной поддержки. Для сравнения можно сказать, что в Китае сейчас нет диссидентов, по крайней мере в нашем понимании этого слова.

— *Вы говорили, что в 70-е годы процесс автономизации ведомств зашел уже достаточно далеко и они конкурировали за ресурсы. Эту ситуацию называют иногда административным рынком. Согласны ли вы с таким определением?*

— Мне совершенно непонятна эта точка зрения. Ее авторы считают, что в брежневскую эпоху уже существовал рынок, потому что существовал административный торг. Я могу сказать, что в Госплане и Госснабе действительно шел торг по поводу распределения ресурсов. Но почему это называется административным рынком? Слово "торг" в данном случае означает ситуацию, когда один человек хочет получить, или "выбить", столько-то ресурсов, а другой ему возражает и предлагает меньшее количество. Так они препираются, спорят... Словом "торг" здесь определяются какие-то деловые переговоры, взаимное силовое давление и установление некоего равновесия в этих переговорах. Но сторонники упомянутой вами точки зрения из этого слова, употребляемого именно в указанном значении, делают вывод, что в Госплане и Госснабе велась своего рода торговля, шел обмен, то есть имел место рынок. Мне непонятно: что на что там менялось, где эквивалент? Получается, что чисто семантическая основа используется для серьезных экономических выводов.

— *А чем определялась сила административных "игроков" в их борьбе за распределение ресурсов?*

— Это сложный вопрос. Ответить можно так: система имела свои приоритеты, целевые установки, что и определяло силовую позицию каждого из "игроков". В первую очередь это были глобальные интересы: самоутверждение на мировой арене, контроль за политическими силами в мире. По этой причине приоритет отдавался военным программам; отсюда — передовая военно-промышленная наука в плане разработки новых материалов и технологий под эти программы. Соотнесенность функций ведомств с реализацией существовавших приоритетов и определяла позиции "игроков" в Госплане. Конечно, сами приоритеты корректировались, так как аппетиты здесь были по сути дела безграничны. Таким образом, дележ проходил в соответствии с существовавшей системой приоритетов. Мировая экспансия и великодержавные интересы являлись тем началом, которое определяло всю эту иерархию.

В брежневское время такая система приоритетов стала уже поедать сама себя. Даже с точки зрения тех внеэкономических задач, которые ставило перед собой наше государство, она была совершенно неадекватной. Не было никаких объективных механизмов для изменения чего-либо, были только субъективные механизмы. В то время лоббистские силы в управленческой структуре настолько окрепли, что стали абсолютно доминировать. К тому же они захватили необходимые места в партийной структуре. Партия утратила свое универсальное, координирующее значение, и в какой-то момент в ней самой появилось слишком много сторонников военно-промышленного комплекса и армии. Их влияние стало господствующим. Таким образом, партия утратила функции верховного арбитра.

— *Можно ли сказать, что в брежневскую эпоху руководство страны стало неспособно менять приоритеты?*

— Во всяком случае в брежневскую эпоху структура приоритетов — и я об этом неоднократно писал — совершенно не отвечала объективным потребностям реализации даже тех внеэкономических сверхзадач, которые ставило перед собой руководство страны.

— А раньше эта структура отвечала таким сверхзадачам?

— Да, отвечала. Правильнее сказать, она вписывалась в наши ресурсные возможности. Компенсационный эффект от использования массовых некачественных, но легкодоступных ресурсов (в том числе трудовых) был настолько велик, что эти сверхзадачи соответствовали нашим возможностям.

— Можно ли утверждать, что в 70-е годы партийные структуры стали своего рода придатком отраслевых структур?

— Вернее было бы утверждение, что они стали транслировать без какой-либо коррекции жизненную инерцию этих отраслевых структур. При Устинове⁴ вообще началось, можно сказать, бедствие — финансировалось огромное количество военных суперпрограмм. К этому человеку можно отнести слова: "Пустили козла в огород". Устинов не был военным, он работал в военной промышленности, и когда стал министром обороны, то использовал свою квалификацию для усиленного раскручивания военных программ.

В этот период раскрутка военно-промышленного комплекса стала совершенно несоразмерна экономическим возможностям страны. Тылы гражданской промышленности не удавалось подтянуть, что привело к ее технологическому отставанию. Следствием этого стала огромная растрата сырьевых ресурсов, огромная инвестиционная нагрузка для поддержания гражданской промышленности. Более того, когда для сохранения структурного равновесия (покрытия дефицита сырья) была создана гигантская топливная, металлургическая промышленность, то оказалось, что эти сырьевые отрасли не могут больше существовать в своих прежних технологических формах, то есть развиваться чисто экстенсивно. Поэтому были предприняты усилия по их интенсификации. Началось создание атомной энергетики, новых систем транспортировки газа и нефти и т.п. Таким образом, второй приоритет после оборонной

⁴ Устинов Дмитрий Федорович (1908—1984) — министр обороны СССР с 1976 по 1984 год.

промышленности получили сырьевые отрасли, хотя они обслуживали неэффективную гражданскую экономику, которая в свою очередь в гигантских масштабах перепотребляла ресурсы.

Складывалась такая ситуация: гражданское машиностроение производило машины, пополнявшие парк очень неэффективного оборудования во всех невоенных отраслях. В результате возникла система ресурсорасточительного инвестирования, что в свою очередь вело к колоссальным транспортным и сырьевым расходам. Эта уродливая система производства и создавала некий компенсационный эффект, уравнивавший концентрацию высоких технологий и квалифицированных кадров в оборонной промышленности. Чтобы удержать это равновесие, нам пришлось часть технологических возможностей переместить на сырьевой фланг. Но тогда уже совсем ничего не осталось для модернизации той части экономики, которая и порождала эту структурную диспропорцию, режим ресурсорасточительства. Таков главный сюжет моей книги, написанной еще в 70-е годы⁵.

— *Считаете ли вы, что эта схема актуальна и сейчас?*

— Да, безусловно. Иерархия структурных подразделений в нашей экономике, на мой взгляд, это проблема номер один. Это то наследство, которое нам досталось. И с ним очень много связано. Если думать о том, как нам жить дальше, то без решения этой проблемы не обойтись.

— *Вы как-то сказали, что наша плановая система — это функция высокой внеэкономической нагрузки. Что вы имели в виду?*

— Вообще это не совсем так. Дело в том, что плановая система является попыткой согласования. Партия регулировала приоритеты ведомств, и система планирования должна была выполнять по крайней мере две функции. Одна из них — реализация иерархии приоритетов. Ведь и гражданские ведомства были выстроены в иерархическую лестницу в зависимости от их ориен-

⁵ См.: Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. М., 1981.

тации на некие конечные цели, например по степени приближения к оборонному комплексу. Поэтому одна из задач Госплана состояла в том, чтобы реализовать ранжировку разных ведомств. В этом смысле плановая система и являлась в какой-то степени производной от внеэкономической функции.

Но! Начиная с определенного периода, мы жили в условиях хронического структурного неравновесия, когда сумма всякого рода целевых программ превышала наши текущие возможности и сама структура инвестиционных программ не соответствовала целям их реализации, а значит — порождала неравновесие. Поэтому в задачу Госплана входила постоянная концентрация усилий для восстановления нарушенного структурного равновесия. Иными словами, из-за тяжелого структурного неравновесия, порожденного перегрузкой экономики, — я имею в виду технологическое неравновесие, чрезмерную концентрацию технологических усилий в военном секторе, — главной функцией плановой системы как раз и стало поддержание равновесия, которое было необходимо для функционирования систем жизнеобеспечения страны. По сути это означало формирование таких инвестиционных программ, которые могли бы поддержать необходимое равновесие хотя бы в ближайшей перспективе.

В одной из своих статей⁶ я писал, что в планировании существовали как бы две очереди: одна из них была связана с реализацией потребностей иерархической структуры отраслей, а другая определялась настоящей потребностью поддержания равновесия в экономике. Окончательная же, единая очередь выстраивалась из очень сложной системы упорядочения этих двух очередей. Вот здесь и происходил так называемый торг. Как упорядочить обе очереди, если одна из них построена по иерархическому принципу текущих военных приоритетов, а другая — по принципу долгосрочных потребностей экономики?

⁶ См.: Яременко Ю. Экономика ханжества. — "Правда", 1 сент. 1990.

Госплан был достаточно умной организацией, чтобы понять: в складывающихся условиях необходимо обеспечить введение в строй мощностей по углю, нефти, металлу, которые позволили бы добиться поддержания равновесия хотя бы в перспективе до пяти лет. Но это было латание дыр, обреченное на провал. Система совершенно не понимала сама себя.

Таким образом, самым трудным делом было совместить обе очереди. И благотворная роль Госплана состояла в том, что его работники все время пытались упорядочить эти очереди в целях поддержания пусть не долгосрочного, но хотя бы среднесрочного равновесия. Трудность же заключалась в том, что со стороны первой очереди шло политическое давление, а у второй, представленной гражданскими отраслями, никакого авторитета не было. И только когда авторитет самого Госплана клался на чашу весов гражданского ведомства, оно получало соответствующие капиталовложения. Однако и между самими гражданскими ведомствами шла конкуренция, и в Госплане имелись лоббистские силы, которые представляли интересы тех или иных ведомств. А в целом все определялось сложившейся системой приоритетов.

Нужно добавить, что оборонная и гражданская части Госплана были разделены. Госплан не являлся единой структурой, так что его влияние на аппетиты оборонных ведомств было очень и очень незначительным. В результате принималось множество программ по конструированию и запуску в производство новых типов военных самолетов, ракет и тому подобного, чего ни одна страна не могла бы себе позволить. Я не знаю, был ли у нас хоть один случай, когда программу производства нового вида вооружений отвергли бы по причине ее дороговизны или больших ресурсных затрат. Решения принимались без всякой оглядки на экономические последствия, поэтому масштабы перегрузки экономики были колоссальными. Как мне кажется, такого рода аппетиты оборонного комплекса определялись лишь его внутренними возможностями, его конечными мощностями. То есть в той

мере, в какой эти мощности позволяли осуществлять экспансию, в той мере и расширялась нагрузка на экономику.

Надо еще учесть, что в отраслях оборонной промышленности существовало по несколько дублирующих друг друга конструкторских бюро. И интересно рассмотреть вопрос об инерции потенциала их научно-производственного ядра, которое по сути дела инициировало разработку многих программ.

Принято считать, что важным фактором возникшей перегрузки экономики была гонка вооружений. Влияние этого фактора несомненно, но существовал и другой — внутренняя динамика научно-технических мощностей, которыми располагали конструкторские бюро в оборонной сфере. Военно-промышленный комплекс создал не только заводы, но и свои города, университеты и прочее. Строительство всего этого интенсивно шло в 50-е, 60-е и 70-е годы. Однако возможности наращивания мощностей были не безграничны, и к началу 80-х годов достигли, по-видимому, своего предела. Их нельзя было увеличивать дальше без оглядки на тот общепромышленный потенциал, который подкреплял оборонную промышленность. Но с этим фактором никто не желал считаться.

Когда я думаю, что же все-таки оказалось главным лимитирующим звеном при наращивании военной нагрузки на экономику, меня не оставляет ощущение, что это инерция научно-производственного ядра военных конструкторских бюро. Она стала мощным автономным фактором, который сдерживал эту нагрузку. Ведь финансовых ограничений оборонная промышленность не знала, ресурсных ограничений, которые возникали в других секторах экономики, здесь не существовало. Экономика неравновесна, гибнет, постепенно деградирует — но все это не принималось во внимание. Что же тогда было ограничением? Моя гипотеза заключается в том, что это были мощности военных конструкторских бюро, создававших все новые системы вооружений, формировавших все новые программы.

Определенный импульс шел, конечно, и от армии. Она тоже предъявляла свои требования. Когда министром обороны стал Устинов, аппетиты армии возросли. Но все же главным заказчиком была не армия, а военно-промышленный комплекс. Именно он определял программу вооружения и сам ее реализовывал.

— *А что значит — экономика деградировала, гнула? В чем конкретно это выразалось?*

— Экономика держалась на массовых инвестициях, а качество этих массовых инвестиций не только не росло, оно падало. Снижался технический уровень. Качество исполнения снижалось еще быстрее, чем технический уровень. Шел очень быстрый процесс ухудшения качества, инфляции качества. Причем это касалось не только инвестиционных, но и потребительских ресурсов. Качество даже таких вроде бы однородных продуктов, как макароны или картофель, быстро катилось вниз. Кроме того, вырождались производственные мощности. По производимой продукции было ясно, что вырождаются сами характеристики этих мощностей, падает производственный потенциал гражданских отраслей. Происходил также физический износ мощностей, сказывалось отсутствие научных, конструкторских заделов. И, конечно, шло очень сильное разрушение трудового потенциала.

По мере исчерпания мощной подпитки рабочей силы в промышленности за счет сферы сельского хозяйства мы все больше начинали жить за счет трудовых ресурсов городов — за счет людей, которые, приехав из села, прошли через "лимит", являвшийся своего рода школой приобретения асоциальных навыков. Трудовой потенциал перемалывался через систему "лимита". Мы из своей собственной страны создали колонию; ведь в других индустриальных странах низкостатусные рабочие места замещаются малокультурными слоями населения, и очень часто — этнической периферией. Собственный этнос (дело даже не в этническом принципе, а в уровне образования, культуре) мы пустили на заполнение этих низкостатусных рабочих мест и тем

самым разрушили существенную часть нашего трудового потенциала. И в этом заключаются, наверное, самые большие потери, которые мы понесли.

Искусственным образом, создавая перепад в условиях жизни города и деревни, поддерживая, сохраняя этот перепад, мы закачивали трудовые ресурсы деревни на низкостатусные рабочие места в городе. Перепад состоял главным образом в условиях существования крупных городов, в тех гарантиях, которые они предоставляли своему населению, в лучших жилищных условиях, лучших условиях снабжения и т.д. Это был колоссальный насос для перекачки трудовых ресурсов и вообще важный элемент воспроизводства нашего хозяйственного механизма, а в итоге происходило разрушение трудового потенциала. Люди, которые попадали по "лимиту" на худшие трудовые места, отработав какой-то срок, перемещались потом вверх, но то, что они испытали в начале своего трудового пути, конечно, не проходило для них бесследно. Негативизм и асоциальные формы поведения стали бичом нашего общества.

— *В 30-е и в 50-е годы наблюдалась такая же ситуация. Почему тогда это не было столь разрушительно, как в 70-е годы?*

— В то время у нас еще сохранялся большой потенциал в аграрном секторе. Грубо говоря, было еще очень много людей, которых можно "перемалывать".

— *Но по сути ситуация была та же?*

— Нет, не та же. Раньше, когда требовалось найти новых добросовестных, квалифицированных людей, их можно было брать из сельского хозяйства. Совсем другое дело — когда эти ресурсы оказались исчерпаны и пришлось из-за дефицита трудовых ресурсов задействовать уже использованную в системе "лимита" рабочую силу на более квалифицированных работах. Мы вынуждены были это делать, потому что рабочая сила стала главным компенсационным ресурсом. Ведь у нас все-таки низкий технический уровень производства, и он создавал огромный спрос на первичные сырьевые ресурсы и на труд. И труд стал основной размен-

ной монетой в условиях хозяйственной перегрузки. Я думаю, что эту ресурсную проблему нужно отдельно обсудить.⁷

Во всяком случае, поскольку труд стал главной разменной монетой, то ясно, что мы жили в условиях хронического его дефицита. Поэтому проводить здесь селекцию становилось все труднее. Низкокачественные трудовые ресурсы, перемолотые, деформированные, отчасти даже деградировавшие уже на первых этапах производственной биографии, приходилось вновь закачивать на производство. И высокая текучесть кадров, свойственная нашей экономике, была связана не просто с конкуренцией рабочей силы. Это была обостренная конкуренция, вызванная постоянным отторжением части рабочей силы на предприятиях.

— *Кто кого отторгал?*

— Приходили недисциплинированные работники. Их увольняли, они шли на новые рабочие места. И так далее. Поэтому, с одной стороны, спрос на рабочую силу определялся механизмами экономического воспроизводства, а с другой — высокая текучесть кадров была в чистом виде функцией низкого качества труда.

⁷ См. : Наст. изд., беседы шестая, седьмая и пятнадцатая.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Структурное неравновесие как стартовое условие экономических реформ. Формирование криминальной среды в неприоритетных секторах экономики. "Освобождение" этой среды в условиях реформ. Рыночные идеи на службе у ведомственного эгоизма. Закрытость для реформ военно-промышленного сектора. Нереализованный сценарий структурной перестройки. Дегradировавшие секторы экономики и необходимость особого подхода к их реформированию

— *Давайте поговорим о так называемой экономической реформе последних лет. Прокомментируйте, пожалуйста, ее ход на начальных этапах.*

— Истоки многих сегодняшних проблем состоят в том, что у руководителей предприятий и у всех людей сложились очень тяжелые отношения с государством.

Люди привыкли жить под плановым прессом, играть с государством в антагонистические игры: кто кого обманет. И чем слабее предприятие, тем изощреннее были приемы обмана и тем больше было негативизма. Более того, сложился стереотип негативного поведения: произвести как можно меньше, если на тебя не давят, и обмануть — сфальсифицировать отчетность, изменить ассортимент и т.д. Государство управляло производством через сопротивление производителей — мы все это знаем. Это было очень похоже на уголовные нравы в масштабах всей страны. Действительно, все наше производство представляло

собой своего рода большой ГУЛАГ, особенно для неприоритетной части экономики.

И вдруг в условиях хозяйственной реформы люди с такими стереотипами получили свободу. Самым роковым и неадекватным здесь был Закон о предприятии¹, по которому государственным предприятиям предоставили многие экономические свободы и освободили их почти от всяких обязательств. И здесь сразу дали знать о себе сложившиеся стереотипы поведения. Это можно сравнить с амнистией уголовников. Выпуская их из лагеря, им говорят: "Будьте хорошими на свободе и честно работайте". А они начинают убивать друг друга, пить, совсем не работают. Примерно так же повели себя и предприятия, когда им дали "свободу". Они стали жить по минимуму затрат. Во всяком случае того благонравия, которое от них ожидалось, как-то не обнаружилось.

Люди с прежними стереотипами совершенно не могли быть строителями и субъектами рынка. Это нужно было понять с самого начала. Значительная их часть раньше вообще находилась на грани криминальных действий, потому что без криминала трудно было выполнить план, что-то достать или же просто обеспечить себя и работников своих предприятий. В этом смысле те, кто сформировал активную часть нового рынка, — а их достаточно много, — составляют криминальную среду. Они прямо от одного вида криминальной деятельности перешли к другому, и им очень легко было осуществить этот переход.

— *Вы говорите о прежней теневой экономике?*

— Да, но в широком смысле слова. Ведь теневая экономика существовала и в торговле, и в производстве, и в снабжении. И вовлеченные в нее люди сразу придали тому, что мы называем рынком, очень своеобразный оттенок. Но главное, конечно, это мотивация руководителей предприятий. Ясно, что когда государство сняло с себя ответственность за жизнедеятельность пред-

¹ Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 года; введен в действие с 1 января 1988 года.

приятый, то те тоже отказались нести какую-либо ответственность перед государством. В итоге пропали импульсы даже слабой динамики, которые были раньше. Чисто рыночных импульсов, конечно, тоже еще не возникло. Поэтому сразу начались разрывы хозяйственных связей. Первые спады производства были вызваны именно этим.

И здесь возникает вопрос о том пути коммерциализации, воспитания, который должны были пройти предприятия, двигаясь к рынку. Видимо, такой переход требовал сохранения довольно жесткого покровительства со стороны государства — сохранения некоторых санкций, госзаказа, каких-то элементов снабжения, и прочее, и прочее.

В 1987 — 88 годах наши плановые органы и правительство Рыжкова² все время отступали, фактически отказываясь от привычных для нас способов управления. Этот отказ происходил под давлением всякого рода внешних обстоятельств и требовал идеологического прикрытия. Поэтому правительство и плановые органы стали говорить: "Мы переходим к рынку, к рыночным отношениям, а за реализацию госзаказа, за материально-техническое снабжение мы ответственности не несем". Эти люди — я точно могу сказать, в отношении Госплана особенно — были согласны тогда не только на рынок, но даже и на шоковую терапию.

— *Вы сказали, что перемены происходили под давлением внешних обстоятельств. Что это были за обстоятельства?*

— Они были связаны с потерями, возникшими в результате принятия Закона о предприятии. Об этом я только что говорил. Позднее сыграли свою роль шахтерские забастовки.

— *А давление директоров?*

— Директорат хотел быть свободным, он хотел жить по минимуму затрат. В этом смысле сам Закон о предприятии создал

² Рыжков Николай Иванович (род. в 1929 г.) — председатель Совета Министров СССР с 1985 по 1991 год.

объективные предпосылки для спада производства. Потому что мотиваций для экономического развития он давал явно недостаточно. Вообще же в объявлении перехода к рынку были заинтересованы, с одной стороны, руководители предприятий, а с другой, как ни странно, те, кто руководил экономикой страны.

– Почему?

– Руководители предприятий были заинтересованы потому, что им действительно надоело жить под плановым прессом. И желание, чтобы несоразмерное их возможностям давление этого пресса ослабло, было, пожалуй, вполне оправданным. Но другие способы мобилизации ресурсов, кроме административных, отсутствовали.

Ясно, что в новых условиях у руководителей предприятий не было сильных мотивов выжимать из себя последнее. Одно дело — административное давление, всякого рода элементы принуждения, нажим по партийной линии и прочее. Другое дело — относительно свободное существование при сохранении тех негативных стереотипов, о которых я уже говорил. Раньше реализация этих стереотипов сдерживалась административным принуждением, а теперь это сдерживающее начало отпало. Принудительные ассортиментные сдвиги и требования по качеству, заключенные в планах, были в той ситуации объективно необходимы. Правда, нередко они оказывались чрезмерными по отношению к производственным возможностям предприятий. И поэтому, когда произошел первый спад производства, многие вполне резонно говорили, что спад оправдан. Ведь ясно, что отчеты о выполнении планов отчасти были "липой", отчасти — результатом принудительной наработки, отчасти же прирост выпуска продукции достигался путем разрушения производственного аппарата, за счет грубых нарушений технологии. И приращение, которое создавал административный нажим, должно было сразу улетучиться, как только нажим отпал. Отсюда и снижение производства. Кроме того, тут сыграли свою роль начавшиеся в это время межнациональные конфликты, всякого рода политические осложнения.

В общем и целом мы имели дело с эффектом спада производства и с тем, что плановые органы уже начали терять контроль над общими показателями и над материально-техническим обеспечением предприятий, как это и предусматривалось Законом о предприятии. Тогда, как мне кажется, у руководителей экономики в нашей стране и возникла встречная реакция: да здравствует рынок! Да, говорили они, рыночное регулирование — вещь замечательная. То есть шли навстречу рынку, не столько осознавая, что это такое, сколько под давлением обстоятельств, чувствуя, что рынок ведет к отказу от плановых показателей и связанной с ними ответственности. Ведь к концу года их могли спросить: к каким результатам вы пришли? И у них был готов ответ: поскольку мы переходим к рынку, от плана отказываемся, то мы за достигнутые показатели и не отвечаем.

Это было видно невооруженным взглядом. Поэтому возникла вдруг такая неожиданная и дружная поддержка рынка как со стороны государственных управленческих структур, так и со стороны директоров предприятий. А на самом деле в обоих случаях она имела чисто негативную мотивацию.

И еще были благонамеренные теоретики политэкономии социализма, которые свой благонамеренный взгляд на то, как работает экономика при социализме, экстраполировали на рыночную реформу. Это интересный сюжет, и я хочу его особо отметить. Политэкономия социализма сформировала большое количество нормативных категорий, с помощью которых описывала то, что у нас происходит, точнее, то, как должно быть. И точно такими же категориями -благонамеренными, позитивными, нормативными- она вдруг стала описывать рынок, ближайший рынок. Быстро перестроившись, политэкономы вдруг начали говорить, что вот возникнут самостоятельные предприятия, они будут торговать друг с другом, и все будет хорошо.

Тут важно понять связь категориального аппарата и самой тональности политэкономии социализма с взглядами таких теоретиков на рынок и с их ожиданиями, а может быть, заблуждениями.

Ведь ясно, что наша экономика была жесткой, уродливой системой и что такой же жесткой, уродливой и деформированной она окажется в постплановый период. Между тем нормативный подход и избыточная благонамеренность присутствовали при описании достоинств перехода к рынку. И я бы сказал, что мы до сих пор еще никак не можем от этого отказаться. Как ни странно, люди не осознают, что такой подход — результат идеологической фаршировки, которой они подвергались в нашем социалистическом прошлом. Идеологическая запрограммированность сказывается даже не столько в самих используемых категориях, сколько в нормативном подходе и утопических ожиданиях. То, что у нас не было настоящего экономического анализа, подлинно экономического самосознания, сыграло с нами очень злую шутку. Закон о предприятии был прямым продолжением тех же сугубо искусственных воззрений на нашу экономику.

— *А как надо было осуществлять реформу?*

— Надо было, конечно, отправляться от существующей системы, устраняя ее деформирующие элементы. Об этом я много раз писал. Ясно, что уродливые способы руководства, принудительные методы, избыточное плановое давление и тому подобное следовало устранять. Отчасти такие явления имели социальные причины — это было пространство для воспроизводства бюрократии, — но во многом они объяснялись и необходимостью поддержания структурного равновесия в экономике. В Госплане, который занимался поддержанием этого равновесия, понимали, что, с одной стороны, нет возможности дать такой-то отрасли достаточное количество ресурсов, а с другой — для обеспечения правильных балансовых соотношений нужно, чтобы она выпустила столько-то продукции. Госплан все время приходил к таким противоречиям.

— *И что он делал?*

— Пытался достичь невозможного. Всячески ограничивая ресурсы, он пытался обеспечить выживание и все чаще и чаще жертвовал будущим ради сегодняшнего дня.

Повторю, мне кажется, вначале следовало заняться устранением искажений самой плановой системы. Но эти искажения, деформации во многом были результатом структурных диспропорций, а сами структурные диспропорции явились результатом реализации существовавшей системы приоритетов. И получается так, что начинать нужно было не со структурного упорядочения экономики. Ее структурирование и эффективная структурная политика могли бы стать возможными только при новом распределении ресурсов, а его условия — это демилитаризация экономики, проведение другой внешней политики, смена идеологических приоритетов. Источник всех бед лежал, таким образом, в области политики и идеологии, в имевшейся заданности целей существования государства и общества. Потом, уже вслед за изменениями в этой области, могло произойти новое распределение ресурсов. И тогда появилась бы хотя бы возможность для функционирования здоровой плановой системы вместо настолько в действительности искаженной, что она уже не являлась в рациональном смысле плановой. Конечно, прежняя система во многом была искусственной, в ней было много иррационального, разрушительного. И эту иррациональность следовало устранить. А уже потом или одновременно с этим, уже создав некую рациональную плановую систему, — развивать в ней какие-то механизмы самодействия. Это был бы эволюционный путь.

Таким образом, прежде всего требовались политические изменения, перегруппировка целевых установок, перераспределение ресурсов, структурная перестройка, оздоровление самого планового механизма, развитие — наряду с плановым и внутри него — некоторых отношений самоорганизации, самодействия, эквивалентности обмена, инициативы и т.д. О рынке тут говорить еще рано. Потом — постепенный переход к чему-то, я не знаю, к чему. Может быть, к тому, что мы будем называть рынком. Не знаю. Мы же остались со старыми приоритетами, со старым распределением ресурсов. Ведь на самом деле

у нас сохранилась плановая система в том искаженном, деформированном виде, в каком она была раньше, и на ее хвосте мы начали создавать механизмы самодействия, рынка и т.д.

— Мы стали создавать рынок, но делали это на наиболее деградировавшем пространстве экономики, так?

— На каком пространстве мы его создавали — об этом надо говорить особо. Но самое главное — то, что у нас не было никаких условий для самодействия, для хозяйственной свободы, потому что плановый пресс все же оставался. Точнее, оставалась объективная необходимость в плановом прессе, в том, чтобы выжимать из неприоритетной части экономики тот уровень производства, который нужен для сохранения баланса. А первый шаг к рынку заключался в том, что вдруг взяли и перестали выжимать. Но раз перестали, то экономика накренилась и начала терять устойчивость. Ведь плановые усилия, причем специфические плановые усилия, какие были раньше, при всей жесткости требований по отношению к предприятию одновременно давали и определенные гарантии со стороны государства. Они являлись совершенно необходимым элементом поддержания равновесия всей экономики. Причем вся эта система была очень напряжена, это была перенапряженная конструкция. И как только мы ослабили давление, в экономике возникли сильные диспропорции. Поэтому говорить об элементах самодействия в таких условиях просто невозможно.

Получилось так, что, с одной стороны, все факторы, под действием которых и сложилась система планирования, остались в прежнем виде (внеэкономическая нагрузка, структурные диспропорции), а с другой стороны, мы стали переходить к рынку. Надо было двигаться последовательно, начинать с головы и идти по этапам, по ступеням. Мы же начали совершенно с противоположного конца: не создав необходимых предпосылок, пытались организовать рынок в тех условиях, которые этого не позволяют.

Именно такой все время и была моя логика. А мне говорить: вы выступаете против рынка. Как можно выступать вообще

против рынка, за рынок? Я же прекрасно знаю, каковы причинные связи, действующие в нашей экономике, каковы функциональные зависимости и какое место здесь может занимать рынок. В нашей системе функциональных связей рынку места не было. А когда начались разговоры об экстренном переходе к рынку, то высказывать свои возражения было не просто. Эти возражения стали не то чтобы опасны, но не вписывались в нормы социального конформизма. Люди, которые выступали "против рынка", сразу приобретали некое политическое клеймо. Им приходилось выдерживать определенное идеологическое давление, причем не только "слева", но и "справа". Я ведь уже упоминал, что в какой-то момент правительство Рыжкова прямо таки ухватилось за идею рынка.

Я всегда говорил, что без предварительной структурной перестройки идти к рынку невозможно. Об этом я говорил, в частности, выступая на совещании в Госплане в 1988 году. Я тогда прямо сказал, что необходима демилитаризация экономики, и только потом можно двигаться дальше. Однако для высшего хозяйственного и военного руководства страны отставание нашего оборонного комплекса от США продолжало оставаться главной заботой. Поэтому, говорилось на совещании, нельзя даже и помышлять, что наша оборонная промышленность не требует дополнительных ресурсов, она их требует очень много.

— А когда, на ваш взгляд, эта позиция военных промышленников сломалась?

— Коренной поворот произошел в 1988 году. Тогда начались разговоры о конверсии. Но все это осталось только благим пожеланием, а на деле почти ничего не изменилось. Хотя и сократился военный заказ, но те мощности оборонной промышленности, которые при этом стали выпадать из производства, переходили в так называемый мобилизационный резерв и консервировались. К тому же не было издано никаких директивных актов о том, чтобы эти мощности можно было задействовать как-то иначе.

— *Это вызвано давлением военного лобби?*

— По-видимому, да. Но это отдельная тема для разговора. А в целом произносились нужные слова, демонстрировались всякого рода хорошие намерения, но сдвигов не наблюдалось. До инфляции военно-промышленный комплекс очень сильно сопротивлялся всему, что связано с конверсией. А сейчас уже нет инвестиционных возможностей поддерживать его на прежнем уровне. Неожиданным для ВПК стал 1992 год, когда правительство Гайдара³ резко снизило ему инвестиции, сократив военный заказ. Таким образом, правительство оставило ВПК, с одной стороны, без средств к существованию, но с другой — без всякой перспективы. Вот тут руководство военной промышленности, конечно, спохватилось. Если бы оно предполагало такое, то гораздо раньше пошло бы на осуществление конверсии. В результате такой акции правительства ВПК был лишен возможности перехода к конверсионным программам, что породило тенденцию к своего рода возрождению этой отрасли, то есть опять зазвучали чисто военные мотивы, касающиеся строительства оборонной системы России, содержания армии, торговли оружием.

— *Если я правильно вас понял, плановая система деградировала по двум основным причинам: военная нагрузка и иррациональная структура экономики. Как, по вашему мнению, можно было бы устранить вторую из этих двух причин?*

— Сама по себе эта иррациональная структура явилась результатом сверхвысокой нагрузки на экономику. Директивные методы планирования весьма случайно соотносились с производственным потенциалом. Плановые показатели большей частью выражали желание, намерение, но не были подкреплены реальными ресурсами. Любой директор предприятия мог пустить свое производство вразнос, чтобы выполнить план, а мог спрятать

³ *Гайдар Егор Тимурович* (род. в 1956 г.) — экономист, в 1991 г. заместитель председателя Правительства РСФСР по вопросам экономической политики, в 1992 г. первый заместитель председателя Правительства РФ по экономической реформе, затем и.о. председателя Правительства РФ.

резервы и долго их хранить. Другими словами, "сверху" шли плановые требования, а "снизу" под них формировались контрстратегии, очень часто связанные с потерями ресурсов. Особенно в сельском хозяйстве. Там это проявлялось в самых грубых формах — вплоть до разрушения плодородия почвы, то есть осуществлялась варварская стратегия: выжить сегодня любой ценой. В конечном счете все это выливалось в глобальные диспропорции, которые вынуждали на следующем этапе для поддержания равновесия еще больше усиливать административное давление. Возник порочный круг, где давление плановой системы разрушало экономику, делало ее все более неравновесной, что в свою очередь вело к еще более жесткому давлению.

Тем не менее сама система регулирования экономики полностью была функционально связана с теми механизмами воспроизводства, которые характерны для плановой системы, с необходимостью поддержания равновесия. По этой причине административное плановое регулирование очень плохо совмещалось с попыткой повысить жизнеспособность предприятий. Да в тех условиях и не было необходимости это совмещать. Я не уверен, что даже в условиях максимально сбалансированной экономики, наибольшего структурного равновесия, взаимной ответственности управляющих органов и производителей плановая система могла содержать в себе какое-либо внутреннее начало саморазвития, могла трансформироваться в систему самодействия. Мне непонятно, откуда взялись бы мотивы для этой трансформации, руководители для ее осуществления. Ясно, что плановую систему необходимо было сохранять хотя бы потому, что она обеспечивала единственный источник существования экономики. Но я считаю, что крайности, иррационализм, порождаемые плановым управлением, могли бы быть отсечены или отпали бы сами по себе, если снять внеэкономическое давление.

— *Предположим, что внеэкономическое давление было бы снято. По какому сценарию следовало бы развивать конверсию?*

— То, что сделать было очень легко, — это наладить для на-

селения производство товаров длительного пользования. Даже при неэффективной экономике конверсия помогла бы тиражировать такие товары, как холодильники, автомашины и т.п. Мы могли бы даже при не очень высоком качестве этих изделий выйти на новые потребительские стандарты. Причем этого можно было достичь очень быстро, всего за одну пятилетку.

— Правильно ли я вас понял, что мы берем, к примеру, какой-либо холодильник западного образца и требуем от ВПК, чтобы он его тиражировал?

— Да, примерно так. Таким же образом можно было бы наладить производство строительных материалов для жилья.

— А реконструировать легкую и пищевую промышленность — это было возможно?

— Нет. Их наладить гораздо труднее: здесь имеется узкое место — сельское хозяйство. Это целый комплекс: легкая, пищевая промышленность и сельское хозяйство. При изучении состояния нашей плановой экономики мы пришли к выводу, что для некоторых ее отраслей нет инвестиционного пути решения проблем. Это в первую очередь как раз сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность. Сюда же можно отнести лесозаготовки, некоторые отрасли добывающей промышленности. Здесь возникают трудности, связанные с преодолением социальных проблем, а они не решаются только инвестиционным путем.

В сельское хозяйство вкладывались большие инвестиции, но ничего из этого не вышло. По двум причинам. Первая — то, что эти инвестиции оказывались на практике в основном мистификацией: если реально оценить ресурсную наполненность инвестиционного рубля, то получится, что в сельское хозяйство направлялась не треть всех капиталовложений, а всего лишь одна десятая часть. Вторая причина состоит в том, что необходимо прежде всего социальное восстановление села. Социальные язвы там настолько глубоки, что даже крупными инвестициями выправить эту отрасль невозможно. Такие же проблемы существуют в легкой и пищевой промышленности. Это деградировавший

сектор экономики. Именно поэтому, на мой взгляд, необходим был такой порядок возрождения экономики: сначала — товары длительного пользования, затем — строительство жилья. В отношении жилья я могу сказать, что мы стояли уже на пороге осуществления жилищной реформы. В нашем институте была отработана концепция обновления гражданской экономики на базе конверсии, и мы направили ее Горбачеву. Кроме того, мы создали план и по жилищной стратегии.

— *Какова главная идея этого плана?*

— В социальном аспекте центральная идея заключалась в переходе к платному получению жилья с дифференцированным кредитом в зависимости от уровня доходов граждан. За счет перераспределения ресурсов предполагалось существенно увеличить ввод нового жилья. Мы попытались совместить оценку потребностей в жилье с размерами очереди на его получение. Были проведены нетривиальные расчеты. Таким образом, мы смогли оценить покупательную способность населения, наши инвестиционные возможности, сложившиеся потребности в жилье. В расчетах все это было сопряжено. Тем не менее даже при Горбачеве, как только чиновникам попадались слова "платное получение жилья", они эту идею блокировали. Ведь сами они всегда получали его только бесплатно.

— *Вы считаете, что этот фактор заблокировал вашу программу?*

— В весьма существенной мере.

— *Мне кажется, реализация вашей программы строительства городского жилья несла в себе определенную опасность. Таким способом была бы закреплена и усилена нерациональная структура расселения, когда продолжали бы расти города-миллионники (ведь чем больше город, тем быстрее он растет). В конечном итоге все население страны могло съехаться в Москву и несколько других крупнейших городов. Не так ли?*

— Вы правы. Мы этот вопрос также прорабатывали. Нами была выдвинута программа так называемого второго, то есть сель-

ского, жилья. С нашей точки зрения, пар можно было выпустить путем широкой раздачи земельных участков, строительства коттеджей, развития личных подсобных хозяйств (своего рода фермерства) и т. п. Такая программа отвечала нашим представлениям о необходимости воссоздания социальной структуры села, пополнения его генофонда. Но сдвига в этом вопросе нам добиться не удалось.

– *Что реально можно было осуществить, кроме расширенного выпуска товаров длительного пользования и решения жилищной проблемы, в рамках предлагаемого вами инвестиционного сценария?*

– Поскольку правительство Рыжкова с самого начала исключило возможность проведения конверсии, то идея производства ТДП — товаров длительного пользования — отпала. Причем правительство опиралось на популистские идеи, что людей надо сначала накормить и одеть. Но это была чистая демагогия, потому что без социального возрождения села этого сделать нельзя. А для решения задачи возрождения села было бы очень эффективно наращивать производство ТДП, используя имеющиеся технологические возможности, а также осуществлять строительство сельского жилья (в том числе для горожан) и сельской инфраструктуры — дорог и прочего. Требовалось восстановить трудовой потенциал сельского хозяйства. Это же очевидно, но никто не желал этого понимать.

– *Как мыслило тогдашнее правительство?*

– Оно видело первоочередную задачу в том, чтобы повысить степень наполнения доходов населения. Грубо говоря, оно стремилось к тому, чтобы рос товарооборот.

– *И какие же идеи в этой связи выдвигались?*

– Рыжков возлагал большие надежды на сферу услуг. Он говорил, что с ее помощью мы и наполним доходы. Ему казалось, что это можно сделать, не вкладывая в сферу услуг больших инвестиций, что люди не задумываясь будут оставлять там свои доходы.

Это, конечно, была очень слабая идея. Во-первых, в ней ска-

зывалось традиционное представление о том, что можно получить что-то из ничего. Во-вторых, есть определенная последовательность в реализации спроса, так что спрос на услуги наступает уже после удовлетворения более насущных потребностей — в товарах, жилье. Конечно, иногда услуги замещают товары, — например, люди могут не покупать новые ботинки, а ремонтировать старые, но вряд ли на такие вещи стоит делать крупную ставку. Попытка неоправданного раздувания сферы услуг в конечном счете привела к их вырождению: предприятия этой сферы превратились в своего рода дополнительную торговую сеть. Они стали выполнять план по сбыту дефицитных товаров, если такие товары появлялись. Причем цены на них соответственно повышались, что и становилось специфическим источником наполнения доходов, а точнее — выполнения плана по товарообороту. Правда, надо отметить, что эта идея, в целом довольно слабая, привела и к некоторым положительным сдвигам — сфера услуг все же расширилась.

Второй стратегической идеей в то время стало производство товаров со знаком "Н" (новинка), на которые разрешалось устанавливать высокие цены. В результате инфляция, уже наблюдавшаяся в период перестройки, фактически оказалась во многом связанной именно с резким увеличением удельного веса этих товаров. Вскоре стало видно, что рост цен на них очень сильно обгоняет их качество. Эта идея оказалась также несостоятельной. Она вылилась в некую хитрость, обман потребителя.

— *Можно ли сказать, что вместо того, чтобы в планово-административном порядке подтянуть качество продукции, правительство Рыжкова открыло возможности для бесконтрольного роста цен?*

— Все дело в том, что у нас не существовало возможностей для резкого повышения качества продукции легкой и пищевой промышленности. Ни машиностроение, ни сырье не позволяли внедрять новые технологии. Кроме того, легкая промышленность являлась отраслью, которая вырождалась во всех отношениях. В

ней не был развит, например, дизайн. Ее работники, конечно, старались как могли, но все их усилия были малоэффективны.

— Тут я хочу напомнить вам ваши же слова, что, мол, ракеты и спутники делаем, а кроссовки — не можем.

— Да. Кроссовки делать не могли, так как здесь отсутствовали необходимые технологические заделы по всей производственной цепи. В лучшем случае — что мы и делали — можно было закупить технологические линии на Западе. Но они оказывались в нашей экономике совершенно чуждым элементом и, попадая в нашу очень "едкую" экономическую, технологическую и социальную среду, очень быстро в ней "разъедались", подобно тому как жемчуг мгновенно разъедается кислотой. Именно по этой причине — из-за "едкой среды" — оборонные предприятия и жили всегда автономно, производя все, что им нужно, в своей же отрасли, имея независимые от остального хозяйства технологические цепи. Таким образом, они сами себе создавали необходимую социально-технологическую среду для производства своего главного продукта, поскольку понимали, что среда гражданской экономики все у них только разрушит.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Структурная ловушка, в которую попала страна. Бремя милитаризации и дезинтеграция власти. Их взаимообусловленность. О системе приоритетов. Неадекватное представление об экономической мощи. Существовавшие идейные подходы к реформированию экономики. Их несостоятельность. Рыночная реформа как продукт технократического мышления. Специфика тоталитарного мышления – упование на чудо. Реформа как следствие этого упования

— *Давайте снова вернемся к 1985 году. Существовали ли тогда реалистичные сценарии выхода из экономического кризиса?*

— Нет, конечно, потому что истоки этого кризиса лежали за пределами экономики: отчасти в сфере политики, отчасти в институциональной сфере — я имею в виду процесс автономизации суперведомств. Страна попала в структурную ловушку, и никто не хотел этого осознавать (плохое осознание ситуации — тоже один из факторов неотвратимости кризиса).

— *В чем же заключалась структурная ловушка?*

— Я уже говорил об этом и повторю еще раз. Вся гражданская сфера, вся система жизнеобеспечения страны была страшно ресурсорасточительна. Мы все время что-то строили, закачивали в эту сферу колоссальные объемы ресурсов, но поскольку они были низкого качества, то все, что мы строили, почти сразу разваливалось. Вследствие этого мы продолжали строить, в громадных масштабах перепотребляя первичные ресурсы. Экономика не могла выдержать такого режима. Взять, к примеру, производство зерноуборочных комбайнов: простор их выпуска,

прирост единичных мощностей лишь компенсировал сокращающийся срок службы этих комбайнов, не более. То же относится и ко многим другим сферам. Все гражданские инвестиции, гражданское машиностроение, гражданское строительство, эксплуатационные системы стали гигантской сферой ресурсорасточительства.

Повторяю, причины этого были внеэкономические. Мы пытались бросить вызов всему миру, и прежде всего — развитым странам. Не буду здесь обсуждать, хорошо это или плохо. Я констатирую факт. И еще я констатирую, что примерно до конца 60-х годов такая задача соответствовала нашим возможностям, хотя в долгосрочном плане все равно была нереалистичной. Нас подвели амбиции, сформировавшиеся после второй мировой войны и в последующие два десятилетия. Атомная бомба и ракеты очень подогрели эти наши амбиции. Мы попытались бросить технологический, милитаристский вызов всему миру, и мы проиграли. Проиграли холодную войну. Развязав гонку вооружений, мы уже не смогли из нее выйти. Страны Запада в ответ на наш вызов поставили своей целью нас уничтожить, и они своего добились. А мы оказались не в состоянии своевременно понять, что нам надо выходить из игры.

Как ни странно, здесь нас подвело ослабление централизующей роли партии. Военные суперведомства стали работать в автономном режиме. Если задачу военного противостояния принять как рациональную, то их деятельность решению этой задачи уже не отвечала. С рациональной точки зрения вопрос должен был стоять так: каков наиболее адекватный ответ на очередной технологический вызов Запада? Но фактически он так уже не стоял. Продолжалось бессмысленное с военной точки зрения наращивание производства танков и всевозможной другой боевой техники, неадекватной новой военно-технологической обстановке.

Таким образом, я вижу два основных фактора кризиса. Первый — гонка вооружений — это чисто экзогенный фактор. Вто-

рой, с моей точки зрения, был внутренним. Конечно, это гипотеза, ее надо проверять, но меня не оставляет ощущение, что в военно-промышленных структурах сложился свой собственный механизм воспроизводства, бюрократического воспроизводства. Ясно, что первоначальный импульс давали шедшие с Запада технологические инновации. Если за рубежом создавалось что-то новое, мы немедленно начинали разрабатывать это у себя. Сначала эти вновь возникавшие производственные структуры были маленькими, затем они росли, потом происходило резкое их расширение, своего рода взрыв. Было бы очень интересно проследить эволюцию этих структур, их зарождение и экспансию. Мне кажется, что как раз в тот момент, когда смысл их существования утрачивался, экспансия становилась самой большой. Они начинали размножаться, создавая себе уже искусственное пространство для роста.

Так или иначе, всевозрастающий ресурсный и технологический отрыв военно-промышленной сферы от гражданской привел гражданскую экономику к ускоряющейся деградации. Этого, собственно говоря, и добивались западные страны, искусно играя на наших слабостях.

Определенную аналогию здесь можно провести с процессами деградации в Римской империи. В какой-то момент в ней тоже ослабла центральная власть и возникла конкуренция между главными военачальниками. Императорская власть перестала контролировать собственную армию и потому пыталась удержаться за счет политического маневрирования. Основной ее задачей стало разослать военачальников вместе с их армиями в разные части света — пусть воюют кто в Малой Азии, кто в Испании, кто еще где-нибудь. Если же они собирались в Риме, то устраивали взаимную резню и начинали творить такое, что Рим готов был заплатить любую цену, лишь бы они убралась куда-нибудь подальше. Армии, естественно, требовали снабжения, поэтому пресс налогообложения давил все сильнее. В результате исконные римские территории, на которых и возникла эта цивилизация, деградиро-

вали быстрее других. Наше обществоведение как-то до сих пор не в состоянии понять, что войны могут иметь мотивации, весьма далекие от стремления к военным захватам. Вот и в нашей стране гонка вооружений приобрела иррациональный, ведомственный характер. Разница только та, что в Риме эти процессы развивались в территориальной форме, а у нас — в отраслевой.

Если вернуться к 1985 году, то прежде всего надо сказать, что тогда существовало очень мощное политическое и идеологическое давление, поэтому фактически этот год не мог стать каким-то конструктивным рубежом нашей истории. Я отдаю себе отчет в том, что мой сценарий реформирования экономики в известном смысле условен, так как институциональный фактор (ослабление централизованной власти) блокировал возможность его осуществления. Мы жили по тем же прошлым канонам. Более того, в 1985 — 1986 годах возникла ничем не обоснованная эйфория — ожидание, что с приходом Горбачева мы станем жить лучше. Эта эйфория нашла свое выражение в идее "ускорения". В то же время экономисты настолько были придавлены политическим прессом, что никто из них не мог публично заявить о несостоятельности этой идеи, хотя между собой, "на кухне", все без исключения говорили, что "ускорение" — это глупость.

Правительство, которое в тот период было назначено Горбачевым, находилось под воздействием идеи "ускорения". Считалось, что необходимо все оживить, ускорить, так как все "заржавело", "засохло". Никакого механизма в основу данной идеи заложено не было. Это чисто технократическая идея, не имевшая не только глубокого обоснования, но и хотя бы его имитации. Если до 1985 года в ходу были прогрессистские аргументы, связанные с задачей реформирования хозяйственного механизма, то в этот период, как ни странно, они высказывались крайне слабо.

Предложенный правительством сценарий базировался на перераспределении ресурсов в пользу гражданского машиностроения, которое до 1985 года было очень обделено (даже по такому не очень выразительному показателю, как объем капитальных

вложений). К тому времени и даже раньше уже было осознано, что экономика живет в режиме пожирания ресурсов, ресурсорасточительного инвестирования, ресурсорасточительной технологии. Это предполагало в обозримом будущем огромные масштабы спада производства. Перепотребление ресурсов являлось тем самым компенсационным механизмом, о котором мы говорили. Но коэффициент компенсации быстро падал, а себестоимость первичных ресурсов стремительно росла. Находясь в таком режиме, мы захотели уйти от его законов, однако так, чтобы сохранить полученные результаты, сохранить милитаризованный сектор экономики. Вот здесь уже очень сильно проявился эгоизм, с одной стороны, хозяйственных ведомств (тех самых суперструктур), а с другой — странного союза ведомств и экономистов-либералов, неоднократно заявлявшего о себе за время реформ.

— *В чем это проявилось?*

— Это проявилось в следующем. Страна могла существовать, только пожирая ресурсы, что привело к форсированному режиму деятельности многих министерств. Это им, конечно, очень не нравилось. Отсюда рассуждения о том, что наша экономика очень металлоемкая, энергоемкая, что ей не нужно ни столько металла, ни столько энергии. Хотя эти рассуждения и были, на первый взгляд, справедливыми, но по сути они являлись демагогическими. Получалось, что, не меняя макроструктуры экономики, не снижая военной нагрузки, мы вдруг можем начать снижать металлоемкость и энергоемкость. Такой подход к решению проблемы был явно несостоятельным. Другими словами, идея внедрения технического прогресса при существующем положении дел в экономике являлась технократической иллюзией. Таким образом, сплетение технократических иллюзий и злонамеренного консерватизма вело к рассуждениям, что все дело не в макроструктуре экономики, не в военной сверхнагрузке, а в недостаточном внедрении технического прогресса.

На мой взгляд, технократические идеи в тот период сыграли зловещую роль. Попытка компенсировать с позиций голого

технократизма все изъяны общества могла привести только к еще большему кризису в экономике. Но на этих идеях стал процветать целый букет профессионалов, в каком-то смысле либералов, писавших о том, как хорошо в Соединенных Штатах, потому что там внедрены прекрасные технологии и руководители там умные люди, хорошо разбирающиеся в своем деле, а у нас — в основном тупые начальники, не понимающие значения техники. Они предложили ограничить производство металла в стране и начать приспособливаться к его ограниченному потреблению. Надо сказать, что этих либералов — технократов очень внимательно слушали в министерствах, связанных с производством металла и других первичных ресурсов.

Очевидно, что нам нужно было либо жить по законам того режима, в котором функционировала наша экономика, либо менять все очень по-крупному. Попытка же, с одной стороны, сохранить всю систему приоритетов, а с другой — снизить ресурсоемкость нашего производства за счет внедрения новых технологий была химерична. Тем не менее эту идею взяли на вооружение ведомства, уже ставшие к тому времени автономными. Например, Министерство черной металлургии начало вести совершенно злонамеренную политику, очень похожую на ту, которую проводит сейчас Министерство нефтяной промышленности. По этой причине масштабы инвестиций перед 1985 годом сдерживались недостаточными объемами производства черного металла. Косыгин в свое время отказал тем, кто предлагал построить еще один металлургический комбинат за Уралом. Это была роковая ошибка. Если мы хотели все-таки развивать экономику в имевшихся условиях функционирования, то, конечно, требовалось производить металл, так как ставить в то время вопрос о снижении оборонной нагрузки было нереально.

Драма состояла в том, что, с одной стороны, правила игры остались прежними, а с другой — объем первичных инвестиционных ресурсов относительно снизился. К тому же сильно возросла капиталоемкость энергетики, так как, используя уже все

самые эффективные месторождения, мы тогда вышли к менее эффективным, но более труднодоступным, что само по себе предполагало дополнительные инвестиции. Сельское хозяйство в тех условиях также не могло обходиться без дополнительных инвестиций. В этой ситуации первоочередной жертвой стало машиностроение, а в результате — и сама черная металлургия, так как без необходимой продукции машиностроения ее основные фонды быстро обветшали. Если схематично рассмотреть, к чему же привела в структуре экономики такая политика, то вырисовывается следующая картина: сельское хозяйство и энергетика были сдавлены снижением машиностроительных и металлургических инвестиций, вследствие чего рост гражданской экономики даже в тех вырожденных, уродливых формах, какие все-таки имели место раньше, практически остановился.

Поэтому в сюжетах развития экономики, появившихся после 1985 года, идея восстановления адекватного распределения ресурсов в машиностроении и черной металлургии зазвучала достаточно сильно. К сожалению, речь больше шла об инвестировании машиностроения, а не черной металлургии, так как идея ресурсосбережения, о которой я уже говорил, все-таки продолжала доминировать. В поисках источника ресурсосбережения технократическая мысль обратилась к электронике: предполагалось, что развитие различных регулирующих устройств, автоматизированных комплексов и тому подобного даст необходимый сберегающий эффект (совершенно утопическое представление!). Для реализации этого замысла обратились за помощью к оборонной промышленности, и на базе выделенных средств началось создание гражданской электроники. Как упоминалось ранее, все осело в незавершенке после ухода Силаева из Совмина СССР. Так что попытка обновить гражданское машиностроение и тем самым при относительно сужающейся ресурсной базе создать импульсы для экономического роста, ничего больше не меняя, оказалась вполне химеричной. Без снижения военной нагрузки и без смены общей системы приоритетов это было нереально.

— *Опишите, пожалуйста, систему приоритетов более подробно.*

— В предыдущих беседах я, пожалуй, высказался не вполне точно, говоря об абсолютном доминировании военно-промышленных приоритетов. Дело в том, что предпочтение отдавалось не только им, но и, так сказать, развитию общей экономической мощи страны. Отсюда развитие производства цветных металлов, качественной стали и т.п. Эти производства работали на упреждение потребностей оборонного комплекса, но прямых связей с его развитием тут не было, а были некие стандарты экономической мощи, характеризующиеся наличием современных видов материалов, энергетики и т.д. Другими словами, в экономике существовали некоторые направления так называемого технического прогресса, работавшие на упреждение спроса со стороны оборонной промышленности. Я бы сказал, что существовал некий технологический образ современного государства, который и поддерживался безотносительно к каким-то реальным конечным экономическим нуждам.

— *По каким направлениям шел этот процесс?*

— По разным. Это не только сырьевой фронт, но и образование, особенно высшее, которое охватывало очень широкий спектр знаний, начиная с фундаментальной науки. Сюда же относится использование и новых видов энергии, таких, например, как солнечная. В гражданском машиностроении некоторые производства все-таки занимали приоритетные позиции, повышая общий технический потенциал нашей экономики. Таким образом, наука, ряд отраслей машиностроения, производство металлов (особенно цветных, редкоземельных), энергетика — все это развивалось достаточно широким фронтом для создания заделов под будущее развитие. Здесь мы ориентировались на экономику Соединенных Штатов, на лучшие образцы мирового производства. Но я бы не сказал, что в этом вопросе все было благополучно.

Для примера можно взять нашу химическую промышленность, которую мы стали создавать довольно искусственно. В какой-то мо-

мент было осознано, что химия является базой для многих технических изменений. Мы стали культивировать производство химических изделий. Были получены конструкционные пластмассы — важный элемент современной индустриальной системы. Не сделав такого рывка в то время, мы бы сейчас очень отставали и в оборонной сфере, и в гражданской экономике. Но начали мы развивать химическую промышленность только по той причине, что это соответствовало мировым стандартам современной индустриальной системы, и не более того. В тот момент, когда мы вкладывали гигантские инвестиции, в том числе валютные, в химическое производство, у нас не было для этого особых оснований.

В свое время я пытался выяснить, почему в Америке так широко стали внедрять пластмассы. Оказалось, что там существует гораздо более высокий уровень унификации и специализации производства. Это позволяло изготавливать из пластмасс большие партии изделий. Собственно, только в этом случае и может быть выгодно делать из пластмасс соответствующее оборудование, например для производства машиностроительных деталей. В нашей же стране уровень специализации оставался очень низким, имела место микроавтаркия, а значит, машиностроение было совершенно не подготовлено к переходу на новый вид изделий из химического сырья. Кроме того, в США существует высокий уровень зарплаты станочников, связанный с большими трудовыми издержками при обработке металла. И этот фактор тоже сильно стимулировал переход к выпуску изделий из пластмасс. А мы в 60-е годы еще не подошли к тому порогу, за которым экономия труда могла бы стать важным фактором производства. Таким образом, наше машиностроение не было подготовлено к химизации. Тем не менее мы вступили на этот путь. Я думаю, что это было одним из сильных проявлений технократического мышления.

Конечно, тотально технократический подход к ассортименту производства, к направлению научных инвестиций имел целью поиск таких линий развития, которые нам нельзя было упустить в гонке за мировое лидерство. Поэтому наряду с той системой про-

изводства, которая вытекала из уже сложившихся приоритетов в виде конкретных военных программ, существовала еще некая система тотальной технической экспансии. Мы, конечно, не выдерживали такой гонки. Только когда задачи этой экспансии накладывались на какую-либо конкретную военно-промышленную программу, дело двигалось быстрее. В остальном приходилось очень сильно напрягаться и "размазывать" ресурсы, чтобы подержать эту тотальную технократическую экспансию.

Но тут был и свой резон. Экономическое соревнование с развитыми странами, в которое мы вступили в 60-е годы, составляло доминанту всей жизни нашей экономики. В результате мы все время боялись что-то упустить и, обнаруживая где-то крупный провал, впадали в панику. В такие моменты возникали мощные идеологические кампании. Немедленно находились люди, которые использовали эту панику в своих интересах и подогревали ее. В итоге провал начинал возмещаться с большими издержками, потерями, извращениями, я бы сказал — с элементами шизофрении. Такие явления трудно объяснить в рамках рациональных экономических категорий. Это особая черта тоталитарных систем, которую, по идее, должны объяснить социологи.

— *Но вы сами только что сказали, что в такой политике был некий резон. В чем же он заключался?*

— В этом и состояла реальная действительность: сплав вполне рациональных мотивов с иррациональными способами их реализации.

— *Что это значит?*

— Помимо всего прочего, структура нашего общества предполагала постоянную идеологическую подкормку, которая должна была давать некий заряд оптимизма. С этой целью использовалось все что можно — например лозунги электрификации всей страны или химизации народного хозяйства. Пропагандисты и идеологи кормились на этом, они были заинтересованы в таких кампаниях и раздували их до невероятных масштабов.

— А в процессе реального воплощения таких задач тоже присутствовал элемент шизофрении?

— Конечно. В суперведомствах всегда в таких случаях появлялись люди, которые, используя подобного рода панику властей, продвигали свои идеи. Примером могут служить те академики — их было не меньше трех, — которые стали широкоизвестными в кампанию химизации. И они представляли собой еще не худший, умеренный вариант технократического лоббирования. Ведь находились люди, которые писали книги о том, как можно делать станки целиком из пластмасс, включая даже станину.

Появление безголовых, но агрессивных технократов — это важный и отчасти трагический момент нашей истории. Они выдают себя, как правило, за спасителей отечественной экономики и каждый раз предлагают чисто технократическое решение ее проблем. Например, если помните, выдвигалась идея создания всеобъемлющих сетей связи, гигантских всесоюзных сетей передачи информации. Это была совершенно шизофреническая идея, но она осуществлялась в широких масштабах. Правда, реальных ресурсов под нее давали очень мало, поэтому реализовалась она в основном как гигантская бюрократическая и идеологическая фикция. Тем не менее на этой фикции сделал себе карьеру академик Глушков, да и не только он. Далее, идея оптимизации народного хозяйства — тоже одна из технократических идей. Ее пытались воплотить в жизнь на совершенно пустом ресурсном пространстве, но с большой идеологической помпой.

Честно говоря, механизм возникновения и дальнейшей экспансии таких программ остается для меня не до конца ясным. Вероятно, эти вопросы относятся к области социальной психологии или психологии государственного регулирования. Тут не просто влияние лоббистских группировок. Мне кажется, все гораздо сложнее. Технократические идеи, с одной стороны, подкармливались психологией соревнования со странами Запада, а с другой — часто казались спасительными, разрешающими наши внутренние противоречия. Попытка с помощью технократичес-

ких решений выйти из этих противоречий была проявлением некоей внутренней потребности в чуде. Возможно, сами руководители в правительстве, будучи технократами, всерьез отнормались к подобным идеям. Как бы то ни было, но главной причиной появления глобальных технократических рецептов стало усиление кризисных ситуаций в стране и отсутствие каких-либо перспектив их преодоления.

В подобных ситуациях, когда необходимы действительно сильные решения, всегда находятся люди, предлагающие всякого рода псевдорешения, якобы очень эффективные и, как правило, чисто технократические. Их рецепты спасения берутся на вооружение. Спустя какое-то время становится очевидной несостоятельность этих рецептов, в которых многие даже не очень проницательные люди с самого начала видели очередную химеру. Я подозреваю, что и многие проводники таких химер тоже так думали, понимали, что к чему, но им очень уж хотелось получить под свои идеи определенные инвестиции, а благодаря инвестициям добиться роста собственного социального статуса. Были еще люди, которых очень устраивал очередной идеологический бум. Но были и те, кто искренне верил в эти иллюзорные технократические программы, объективно наносившие стране колоссальный вред.

Справедливости ради замечу, что такого рода программы, как правило, не возникали на пустом месте, не были абсолютно бессмысленными. Если взять ту же программу химизации, то необходимость создания заделов в этой области, безусловно, существовала. Был свой резон и в идее организации современных систем автоматизированного управления и связи. Даже знаменитая кукурузная кампания не была абсолютно бессмысленной — она имела в своей основе совершенно реальную необходимость укрепить кормовую базу животноводства. В каких-то пределах расширение посевов кукурузы могло оказаться вполне разумным решением. Но Хрущев придал этой идее гигантские, абсурдные масштабы (отчасти здесь сказался его темперамент).

Таким образом, в предлагавшихся идеях технократического характера можно различить реальную и фиктивную составляющие. Соотношение между ними в разных случаях оказывалось различным. Чем больше та или иная программа соответствовала насущным потребностям военно-промышленного комплекса, тем значительнее был в ней удельный вес реальной ресурсной составляющей. Как пример назову программы развития мощностей для производства цветных металлов. Они не всегда соответствовали насущным производственным нуждам, часто реализовывались с упреждением, с проявлением своего рода гигантомании, но все же заканчивались вводом вполне реальных мощностей. Однако по мере перехода от нужд военно-промышленного комплекса к гражданским нуждам элемент фикции становится в таких идеях все больше, вплоть до разработки чисто фиктивных программ, обещавших спасение страны как бы из ничего, без каких-либо ресурсных вливаний.

Именно под этим углом зрения я хотел бы высказаться о самой идее экономической реформы как продукте такого технократического мышления. Дело в том, что экономическая реформа для многих технократов стала очередной "новеллой" в списке технократических рецептов спасения страны. Они всегда были готовы к восприятию таких рецептов. При их способе мышления достаточность подобных мер никогда не подвергалась сомнению. Из-за узости своего кругозора эти люди подходили к любой идее экономических преобразований особым, характерным для них образом, оценивая ее так же, как они оценивали чисто технические задачи. Проблемы адекватности намечаемой реформы живой экономике для них не существовало.

Свойственное нашему обществу постоянное стремление найти какой-то частный и в то же время универсальный рецепт спасения страны наложило, конечно, свой отпечаток и на идеи хозяйственной реформы. Для примера можно сослаться на такие безумные нововведения, как изменение показателей учета продукции (это громадное поле для экспериментирования). Но

вместе с тем были предприняты попытки выработать и вполне разумные идеи, ориентированные на совершенствование хозяйственного механизма, механизма управления.

Возможно, причины не совсем разумного подхода к реформе коренятся в самих законах существования управленческого аппарата, который должен был создавать иллюзию прогресса там, где его не было, прибегая в нужный момент к его имитации. Не имея реальных результатов, аппарат всегда шел по пути предвосхищения будущего прогресса. Такие программы, как всеобщая химизация или информатизация страны, собирали, можно сказать, дивиденды наперед. В хозяйственной сфере, как и в политической, мы все время использовали эту идеологию. Поэтому при обсуждении таких программ в средствах массовой информации создавалась иллюзия реальной жизни, движения, поиска. Так как за всеми этими идеями все-таки стояли некоторые реальные проблемы, то всегда находилось какое-то количество "истинно верующих". В определенных пределах необходимы были и химизация, и информатизация, и даже кукуруза. Но все это были лишь частные изменения, имеющие свои пределы и весьма ограниченное значение. Тем не менее в силу не до конца понятных причин относительно локальным проблемам придавался глобальный смысл, раздувалась очередная идеологическая кампания.

Я уже говорил, что это нельзя объяснить чисто экономическими факторами (например, порядком инвестирования), скорее всего тут проявляются некие законы управления тоталитарной системой, требующие имитации действий, прогресса и поддержания надежды на чудо. Я не могу назвать той области знаний, которая бы адекватно и достаточно четко описала историю экономических решений в период, предшествовавший перестройке.

Наша беда заключалась также и в отказе от того, чтобы жить в рамках скучной, но последовательной, рациональной жизни, какой мы реально могли бы жить и какой жило, допустим, немецкое общество в условиях социализма. Отсюда и колоссальная растрата ресурсов.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Уникальность советской системы как социально-экономического объекта. Следствие из этого: необходимость собственного пути эволюции и развития. Многоуровневая экономика. Сравнение с экономикой Китая. Структурная реформа советской экономики: последовательность и сценарий

— *Как вы относитесь к идеям экономического либерализма? Применимы ли эти идеи к нашей стране?*

— Я считаю, что эта школа экономической мысли имеет свои корни на Западе, в первую очередь в Англии, США, но она полностью чужда тому типу общественного устройства, который сложился у нас. Я читал много западных теоретических трудов и могу сказать, что все они никак не корреспондируют с нашей действительностью.

Как ни странно, гораздо больший интерес вызвали у меня труды совсем другого направления экономической мысли, а именно — так называемой исторической школы. Здесь можно назвать много имен, среди которых я особо отметил бы немецкого экономиста прошлого века Фридриха Листа. Фридрих Лист — это идеолог протекционизма, и я согласен со многими его аргументами. Представители исторической школы осознавали, что существуют разные типы экономики и разные типы общества. Их отличал очень большой интерес к этим различиям в экономике, которые они прослеживали на обозримом для них географическом пространстве (в основном это была Европа) и в пределах обозримого исторического периода (начиная

со средних веков и кончая новым временем). Их труды о средневековых экономиках, да и о более поздних, чрезвычайно интересно читать. С исторической точки зрения хорошо видно, что так называемая либеральная экономика — это всего лишь один из типов общественного устройства, который исторически сложился в некоторых странах, в первую очередь в Англии, откуда был перенесен в США. Очень жаль, что в XX веке историческая школа была полностью вытеснена либеральной и погибла. Большую роль здесь сыграл итальянский и германский фашизм, который взял на вооружение лозунг создания национальной экономики и тем самым во многом дискредитировал саму эту идею.

Во всяком случае, плохо ли, хорошо ли, но у нас сложился совершенно особый тип общественного устройства, которому трудно подобрать какие-то исторические аналогии. Это была огромная производственная система, со своими собственными способами самоконструирования. Очевидно, что те люди, которые занимались так называемой советской экономикой у нас и отчасти на Западе, употребляли слово "экономика" в неправильном значении, допускали семантическую ошибку. По сути это слово означает определенные формы обмена, присущие западным странам. Какие-то рудименты такой экономики сохранились и у нас — деньги, зарплата, найм рабочих, госкапитализм. Но для нашего производственного организма не это было и остается главным, так как его отрасли развивались административным путем. С этой точки зрения важно понять, почему в нашей производственной системе получили развитие те, а не иные отрасли, те, а не другие инвестиции, какие функции они выполняли в глобальной системе структурного равновесия. Ясно, что все эти вопросы не имеют строгого отношения к тому пониманию экономики, какое существует на Западе.

Например, у нас была мощнейшая энергетическая отрасль. С точки зрения западных экономистов, ее функция — производство энергии в целях удовлетворения спроса на нее. А если исхо-

дить из законов самоконструирования нашей системы, то все выглядит иначе: энергетическая отрасль держала равновесие в большом производственном комплексе, ее функция, с точки зрения адаптации, заключалась в поддержании экономического равновесия. Огромные транспортные системы, огромные мощности по переработке сырья, множество технологических линий — все это требовало колоссальных энергетических затрат. Поэтому развитие энергетической отрасли должно было быть противовесом всему этому и соответственно инвестироваться. Таким образом, у каждой отрасли, с одной стороны, были прямые технологические функции, а с другой — особые, опосредующие данную экономическую систему. Я еще в 1968 году написал работу о функциях отдельных отраслей, где изложил свои взгляды по этому вопросу.¹ Там рассматривались функции машиностроения, строительства, энергетики.

Таким образом, в каком-то смысле нашу систему нельзя считать экономической. Это производственный организм, в котором, в отличие от какой-либо другой экономики, не было системы экономических оценок, так как его развитие не базировалось на чисто экономическом обмене. Оно осуществлялось путем затрат, независимо ни от каких экономических оценок, исходя из особенностей технологии и связанных с ней нагрузок. Можно, конечно, рассматривать это как особый тип экономической динамики в некоей производственной системе, где экономические оценки отсутствуют — ведь цены не играли никакой роли при наращивании производства в тех или иных отраслях. Но распределение капиталовложений тем не менее не было чисто волюнтаристским: когда какие-то отрасли начинали работать с перегрузкой, экономический организм улавливал соответствующие сигналы и реагировал на них. Главными

¹ Вероятно, речь идет о параграфе 2 "Содержание межотраслевых экономических процессов" главы IV в коллективной монографии "Научные основы экономического прогноза" М., 1971, с. 217—227.

критериями распределения капиталовложений были, с одной стороны, сохранение устойчивости системы, а с другой — целевые установки, направленные на обеспечение передовых технологических рубежей в базовых отраслях и передового военного производства.

Какая область знания могла бы описать эту систему? Наверное, отчасти экономика, так как здесь все-таки имеет место производство; отчасти социология. Такого объекта для изучения в экономической истории раньше никогда не было.

Поскольку я осознавал, что собственно экономическая теория не может дать адекватного понимания нашей экономики, мне приходилось обращаться к некоторым другим областям знаний, таким, как теория организаций, общая теория систем. Казалось, что они помогут разобраться в наших проблемах, но на самом деле они мало чем помогли. На первый взгляд, в области системного анализа, в общей теории систем есть ответвления, которые имеют подходящие для данного случая категории, но при более глубоком рассмотрении выяснилось, что предмет исследования все равно уплывает.

— Все же в какой мере решения о развитии отраслей экономики были детерминированы или, напротив, волюнтаристичны? И какие импульсы здесь преобладали — внутренние или внешние?

— Я думаю, что принимаемые решения носили в основном детерминированный характер. Ясно, что жизнь во многом диктовала свои условия. Но, конечно, пространство для волюнтаристских решений тоже имелось и было достаточно велико. Это в свою очередь позволяло различным фантазиям и мифам еще более осложнять ситуацию.

Наше хозяйство представляло собой большую производственную систему с определенной целевой функцией, пусть даже сама цель была во многом иррациональной (производство вооружений, строительство армии, великого государства). В свою очередь на все это имел влияние целый ряд других факторов,

таких, например, как поддержка наших идеологических партнеров за рубежом.

Но нельзя полностью отрицать и наличие в нашей системе какого-либо экономического механизма. Существовал своеобразный экономический механизм, связанный с иерархическим распределением потребительских благ, с тем, в какой мере те или иные отрасли приближены к наиболее значимым, приоритетным целевым установкам. В зависимости от этого и ранжировались потребительские блага, усиливая тем самым мотивации. Люди, вовлеченные в производство, проходили некую систему фильтров и, попадая на более высокие иерархические ступени, получали соответственно все большую сумму благ, но в свою очередь должны были отвечать особым требованиям. Таким образом, имелась определенная мотивационная система. Кроме того, осуществлялось воспроизводство самой бюрократии как автономного социального организма. Оно осуществлялось иррациональным способом — через расширение производственного пространства соответствующей отрасли.

Можно сказать, что наименее приоритетные отрасли экономики — сельское хозяйство, строительство, торговля — жили как бы в режиме рыночной экономики, то есть сами искали для себя ресурсы, обменивались ими между собой. В этой части экономики действовали и цены. Здесь уже складывалось гетерогенное пространство, были представлены разнородные мотивы и факторы. Тем не менее основная часть производства — гигантская тяжелая промышленность — жила по другим законам. Она, как уже говорилось, служила противовесом растратной части экономики, которой являлось все гражданское инвестирование.

В принципиально другой экономике при возникновении дисбаланса требуются умеренные усилия для его ликвидации. А у нас структурные дисбалансы были гигантскими, и для устранения их последствий или даже для принятия превентивных мер тоже требовались гигантские усилия. Мы так и жили. Все упреки в адрес нашей экономики, что она переинвестирована, сверхтяжелена, вполне справедливы, но надо иметь в виду, что функ-

ция отраслей тяжелой промышленности заключалась в поддержании равновесия.

Отсюда ясно, что должен был существовать так называемый процесс замещения — повышения технического уровня и качества инвестиций. К примеру, в добывающей промышленности, в энергетике замещение выражалось в добыче ядерного топлива и в переходе на атомную энергетику. Даже машиностроение, хотя и на примитивном уровне, перешло к производству изделий для атомной промышленности. Наши котлы для атомных электростанций отличались от западных тем, что их можно было производить не на специализированном оборудовании, а на обычном. Отсюда и их ненадежность. Другими словами, здесь имел место технический прогресс, который обслуживал экстенсивное развитие. В результате качественные инвестиции, направленные на поддержание структурного равновесия, стали конкурировать с инвестициями, предназначенными для оборонной промышленности.

Особенно это проявилось после того, как были исчерпаны самые обильные нефтяные, газовые и угольные месторождения. Тогда и возникла необходимость взять новые технологические барьеры для того, чтобы освоить уже более труднодоступные источники сырья. В этот момент расширение производства перестало быть собственно экстенсивным. Возникла дилемма: или очень сильно наращивать трату массовых ресурсов при падающем коэффициенте компенсации, или в той же степени повышать замещающие усилия. Поскольку технологические возможности замещающих воздействий были ограничены и в то же время коэффициент компенсации резко падал, то мы стали все больше и больше растрчивать массовые ресурсы. Например, вместо того чтобы использовать новую технологию бурения (горизонтальное бурение), мы наращивали бурение скважин старым способом, получая от каждой скважины все меньше нефти. То есть происходило снижение эффективности капитальных вложений, а отсюда шло снижение темпов экономического роста и благосостояния.

Я уже говорил, что мы попали в структурную ловушку, структурный тупик, который вел экономику к деградации. Однако в мышлении наших либеральных экономистов эта деградация получила совершенно неправильную трактовку. Когда началась перестройка, все беды стали объясняться отсутствием у нас эффективного хозяйственного механизма. Но это неверно. Мы жили совсем другой жизнью, и проблемы хозяйственного механизма не имели никакого отношения к той экономике, в которой мы жили. Необходимо было сначала менять всю структуру экономики — и тогда уже создавать соответствующий хозяйственный механизм, другие институты, другие социальные отношения. А идея перестройки нашей хозяйственной структуры с помощью экономических реформ являлась очередным мифом.

— *Можно ли сказать, что в нашей экономической политике мы просто копировали мировую технологическую структуру?*

— Мы не копировали мировую технологическую структуру, потому что не могли ее копировать. Тем не менее мы старались это делать в тех отраслях производства, которые были связаны с оборонным потенциалом, научным потенциалом, то есть там, где, как считалось, обеспечивался рост нашей экономической мощи.

— *В какой мере такое понимание экономической мощи было адекватным?*

— В том-то и дело, что никакого адекватного понятия экономической мощи не было — ведь если бы оно существовало, то реконструкция нашей гражданской промышленности началась бы вовремя. Представления о достижении экономической мощи оставались у нас опять-таки чисто технократическими. Реальное понимание того, как работает наш экономический механизм, было недоступно руководству нашей промышленности.

Еще в начале 70-х годов я говорил и писал, что усиление экономической мощи может быть достигнуто у нас только при условии модернизации гражданского производства. Но, к сожалению, этого не происходило. Развивались только те виды

производства, которые непосредственно, очень конкретно были связаны с какими-то узкими целевыми задачами, якобы выражавшими экономическую мощь. Логическая цепь последствий такой политики никем не просматривалась, так как спонтанное инвестирование этих производств персонифицировалось и приобретало некие институциональные формы. Появлялись сильные мотивы к автономизации таких производств, их саморазвитию. В одних случаях это вело к экспансии, но иногда и к неоправданному ограничению. Здесь все зависело от того, какая политика была предпочтительнее для тех или иных ведомственных руководителей. Госплан в определенном смысле пытался найти какую-то меру народнохозяйственных потребностей, общего интереса, пытался по возможности уравновесить претензии ведомств в соответствии с той ситуацией, которая объективно складывалась в экономике. Но каждое из ведомств тянуло в свою сторону, правда с неравными силами.

— *Но ведь были же люди на достаточно высоком уровне, которые понимали, что происходит. Например, вы. Так почему вас не послушали?*

— Когда я сейчас говорю об этих вещах, они представляются совершенно очевидными. А в то время они не были очевидны, как ни странно. И я их осознал тоже с большим трудом примерно во второй половине 60-х годов — тогда я еще был всего лишь старшим научным сотрудником.

— *А в Госплане работали люди, которые мыслили так же, как вы?*

— Нет. Их там никогда не было. Может быть, я несколько превозношу свои достоинства, но в то время никто не рассуждал так, как я. Мы существовали в рамках очень бедных экономических понятий. С одной стороны, теорией служила марксистская политэкономия, политэкономия социализма, к которой я не мог серьезно относиться. С другой стороны, наука о планировании отражала лишь практику планирования. Была еще наука о воспроизводстве, но очень замусоренная всякими догмами, та-

кими например, как закон опережающего роста первого подразделения над вторым подразделением, производство товаров группы А и группы Б. Интересно, что даже сейчас некоторые наши прогрессивные экономисты мыслят в той же системе понятий, утверждая, например, что нам необходим опережающий рост производства продукции группы Б.

Были еще ученые, которые осваивали западную науку, пытаясь приложить ее методы анализа к нашей системе. Это получило широкое распространение. Но я не разделяю их взглядов. Конечно, изучение западных методов было для нашей науки очень полезно. Хотя бы потому, что отвлекало мысль наших ученых от догматических теорий. Прикладной анализ, который присутствовал в книгах западных авторов, мог быть использован для нужд нашего планирования в виде межотраслевого баланса. Но в то же время чтение этих книг как-то заслоняло нашим ученым видение собственной экономики. Это очень вредный эффект, мешавший адекватному пониманию нашей действительности.

— *В таком случае возникает следующий вопрос: если наша система не вписывается в традиции мировой экономической мысли, означает ли это, что необходимо создание особой теории для ее описания?*

— Наша система не подлежит рассмотрению в рамках чисто экономической теории. Тут нужна теория существования большой производственной системы. Мне кажется, что в настоящее время в мировой науке нет такой дисциплины, которая была бы адекватна описанию этого объекта.

— *Но вы мне говорили, что нашли что-то созвучное вашим мыслям у Чемберлина²?*

— У него я нашел представление о том, что западная экономика тоже иерархически сегментирована, качественно сегмен-

² Чемберлин Эдуард (1899—1967) — американский экономист, автор теории монополистической конкуренции, получившей широкое признание в зарубежной экономической науке.

тирована. Эта мысль показалась мне очень интересной. К сожалению, у него нет никаких выводов о том, как такая сегментация связана с самим экономическим ростом, но некоторые его высказывания свидетельствуют, что компенсационный механизм, подобный нашему, там тоже действует.

— *В чем состоит основной смысл вашей собственной теории?*

— Я не знаю, можно ли это назвать теорией, но считаю, что мне удалось разглядеть некие универсальные механизмы, которые могут быть описаны в терминах компенсации и замещения. Я думаю, что действие этих механизмов просматривается во всем мире, но особенно явно оно видно в многоярусных экономиках Японии и Китая. В связи с этим я хотел своей книге, написанной в 70-е годы, дать название "Многоуровневая экономика", но в издательстве "Мысль" на меня посмотрели как на ненормального и дали название "Структурные изменения в социалистической экономике".

— *Мне кажется, что некоторые аналогии с тем, о чем вы говорите, можно найти в книге Мюрдала "Драма Азии"³.*

— Да, у него кое-что об этом есть, но все-таки там больше присутствует социальная проблематика. На меня произвела большее впечатление книга того же автора "Мировая экономика". Идеи, высказанные в ней о разных уровнях технологии, о правомерности использования низких технологий в одних условиях, а высоких технологий — в других, мне очень близки. В частности, они помогли мне в понимании того, что сейчас происходит в Китае. В этой стране проблемы экономического роста решаются за счет использования массовых ресурсов — огромного населения, то есть там на данном этапе успешно используются низкие технологии.

Например, китайский крестьянин работает в системе неко-

³ Мюрдаль Гуннар Карл (1898-1987) - шведский экономист, нобелевский лауреат, автор книг по вопросам международных экономических отношений, экономики развивающихся стран.

его государственного феодализма. Он обязан поставлять государству часть произведенной продукции, а остальное выбрасывает на рынок. Причем полученный от продажи доход крестьянин, грубо говоря, делит на две части. Одна идет на приобретение у государства сельскохозяйственной техники, инвентаря, товаров длительного пользования, а другая тратится на деревенском рынке в своем регионе, в первую очередь — на строительство жилья. На сельское домостроение в Китае работает целая отрасль мелкой сельской промышленности: каменоломни, производство цемента, черепицы, кирпича. Она функционирует на основе очень трудоемкой технологии и примитивного оборудования, потребляя огромное количество рабочей силы.

Я говорю о Китае не только потому, что это моя любимая тема. Сопоставление нашей страны с Китаем позволяет провести некоторые аналогии и в то же время сделать определенные противопоставления. В обеих странах приходилось применять принудительные механизмы распределения трудовых ресурсов. Я не имею в виду сталинских зек, я говорю о брежневской эпохе. Тогда сохранялся искусственный перепад в условиях жизни между городом и деревней, и часть людей попадала из деревни в город через систему "лимита", о чем у нас уже шла речь в одной из бесед. Это был тяжелый, напряженный процесс. Цена, которую приходилось платить за такой способ перераспределения трудовых ресурсов, — то есть жилье, обеспечение доступа к городской инфраструктуре и даже довольно высокая зарплата — была, с одной стороны, высока, а с другой — явно недостаточна. Общеизвестно, что "лимитчики" плохо работали, демонстрировали свой негативизм. Это был трудный, плохо управляемый контингент. "Лимитчик" хорошо осознавал, что он дорого стоит, так как нужен позарез, и поэтому кроме как за жилье себя не предлагал. Собственно, люди и шли в город, ориентируясь в основном на получение жилья. Другими словами, в 70-е годы приходилось добирать остатки трудовых ресурсов с большими усилиями, да еще необходимо было их сторожить. Одних экономических

мер для этого не хватало, поэтому применялись всякого рода административные меры: жесткая прописка, договора, контракты.

В Китае ситуация совершенно иная. Если наша деревня исчерпала свои ресурсы уже к началу 70-х годов, то в Китае она не только жива, но и представляет собой доминирующий по численности занятого населения сектор экономики, причем между деревней и городом существует большое число промежуточных ступеней. Это открывает возможность для экономического роста путем медленного, постепенного продвижения людей вверх по ступеням социальной иерархии. Если в нашей стране получить "лимитчика" можно не иначе как за городское жилье, то в Китае для создания мотивации социального продвижения достаточно платить совсем небольшую цену, имея при этом высокую трудовую отдачу. Образно говоря, нам приходилось выкачивать остатки трудовых ресурсов тяжелыми насосами, а в Китае в это время бил фонтан. Тут видна очень большая разница между нашей и китайской социальной средой.

Дело не только в избытке рабочей силы у китайцев, а в самом социальном и экономическом динамизме нации. Пружина социальной стратификации в Китае туго взведена и, медленно раскручиваясь, дает высокую отдачу. В Китае есть условия для социального конкурса, селекции кадров, в результате чего наверх выходят люди веселые, светлые, талантливые. Я много раз бывал в Китае и видел таких людей (хотя встречаются и приспособленцы).

У нас наверху таких людей практически нет. Иллюстрацией качества отбора, который происходит у нас, может служить хотя бы парламент. Там преобладают серые люди, "троечники", если даже не "двоечники". Они-то и доходят до самых верхов. На этом примере исчерпанность нашего человеческого потенциала проявляется как бы визуально. Цвет нации мы пропустили через системы принудительного труда — армию и "лимит", привив людям мафиозные инстинкты и асоциальные навыки.

— *Учитывая описанные вами различия двух стран, при-*

меним ли у нас китайский опыт проведения экономической реформы?

— Я хотел бы сначала еще кое-что сказать об отличиях. В Китае существует более стабильная социальная среда. Почти у каждого городского жителя есть в деревне родственники, имеющие хозяйство. Далее, партийное руководство Китая гораздо лучше, чем бывшее наше, приспособлено к выполнению управленческой функции. Хотя они тоже пережили разного рода катаклизмы типа "культурной революции", во время которой все бывшее руководство было загнано вниз, но эти же люди впоследствии смогли вновь вернуться наверх. После выпавших на их долю серьезных испытаний, когда им пришлось заниматься рытьем каналов и другими тяжелыми работами, они в чем-то изменились (включая и Дэн Сяопина, который тоже где-то мыл полы в период "культурной революции"). Я думаю, что если бы у нас после 1956 года в руководство пришли люди из сталинских лагерей, они бы тоже вели себя более ответственно. Но у нас на верхние этажи власти их не пустили. Урок, который преподавал Мао Цзэдун своим руководящим кадрам, во многом пошел им впрок, чего, к сожалению, не произошло у нас. Китайские руководители, например, снизили военную нагрузку на экономику, что говорит об их здравом уме.

Далее важно отметить, что взаимные обязательства между теми, кто руководит экономикой и обществом, и теми, кто находится внизу, могут основываться либо на патриархальных отношениях, либо на буржуазном рационализме и демократии. Может быть, к буржуазному рационализму мы еще не пришли, но феодально-патриархальные отношения у нас разрушены. Китайское же общество пока базируется на своей патриархальности и еще долго будет базироваться.

Таким образом, можно назвать две главные отличительные особенности Китая по сравнению с нами: во-первых, это очищение партийного руководства в горниле "культурной революции" и, во-вторых, патриархальные отношения, в рамках которых живет основная часть населения страны. Оба эти фактора созда-

ют предпосылки для сохранения и относительной стабильности такого управляющего института, как партия.

Не надо забывать, что и у нас партия, руководившая страной, возникала в условиях патриархальных отношений. Затем наше общество по своей психологии все больше и больше обуржуазивалось, рационализировалось, но партия при этом сохранялась как патриархальный институт. Одна из причин, приведших нас к кризису, может быть, и заключается в том, что партия не перестроилась, а в прежнем ее виде для нее в социальной психологии общества уже не оставалось места. Общество становилось все более рациональным, а партия продолжала играть с ним в иррациональные игры, утверждая, что партийный секретарь — это "родной отец".

Итак, ясно, что мы сильно отличаемся от китайского общества. Тем не менее это не означает, что никакие элементы китайского опыта для нас не годятся. Конкретно их экономическая политика привела к созданию двухсекторной экономики, со всеми ее достоинствами и недостатками. С одной стороны, существует система крупных социалистических предприятий, с другой — огромное количество предприятий мелких, частных, коллективных, смешанных и т.п. Эти мелкие предприятия находятся в условиях не совсем свободных цен. Цены регулируемые, но при этом двухуровневые: в государственном секторе — одного уровня, в негосударственном — другого. В государственном секторе сохраняются фондирование продукции, плановые показатели.

Хотя экономика Китая и наша по своей структуре несхожи, тем не менее они имеют одно и то же социалистическое прошлое, одно и то же наследие. Поэтому эволюционный путь китайской экономики мог бы оказаться для нас приемлемым. Другими словами, мы должны ориентироваться на двухсекторную экономику, одна часть которой живет по плану, лимитам, а другая — свободная. Но у нас в полной мере этого не произошло. У них двухсекторная экономика представлена в явном виде, а у нас на данном этапе — ни то, ни се.

— В 50-е годы структура нашей экономики была схожа с экономикой Китая начала 80-х годов. Но за эти три десятилетия у нас в стране произошли огромные изменения. Возможно ли было в середине 80-х годов говорить о создании двухсекторной экономики в нашей стране?

— В начале 80-х годов мы вполне могли бы перейти на такую модель. Но китайский опыт, пусть даже с запозданием, может быть использован при определенных условиях и сейчас. Я думаю, что он и будет использован.

— Какую двухсекторную экономику вы бы стали строить в 1985 году?

— Мы с вами уже выяснили, что в 1985 году ничего строить заново было нельзя, не изменив цель нашего государственного существования, его доминанту. Мы продолжали создавать военную, милитаризованную экономику в целях политической экспансии. Поэтому изменение приоритетов в экономике, перераспределение нагрузок в ней было невозможно. В той политической среде мы ничего не могли переставить — все это оказалось бы несостоятельным. А кризис, разразившийся в политической сфере, привел к тому, что мы начали реформу, не изменив экономическую среду.

— Я помню, вы говорили, что сельскому хозяйству надо дать экономическую свободу. Что вы имели в виду?

— Здесь я имел в виду совсем не китайский вариант, а то, что государство должно было вначале вступить в коммерческие отношения с колхозами и совхозами, затем снизить нагрузку обязательных закупок, заключить договорные обязательства, по которым все собранное зерно (корма, хлеб) шло бы по назначению на коммерческой основе. Иными словами, необходимо было постепенно восстановить ценовой паритет между сельским хозяйством и другими отраслями экономики, прекратить принудительное изъятие сельскохозяйственной продукции (что и сделано в Китае). Но мы такую систему отношений с колхозами и совхозами не создали, считая, что но-

вые отношения надо развивать с фермерами, а колхозы и совхозы — ликвидировать.

Такова была идеология, но она (это было очевидно с самого начала) оказалась несостоятельной. Поэтому колхозы и совхозы сохранились под вывеской акционерных обществ. С ними государство торгуется по поводу цен, но ни о каких реальных договорах речь не идет, поскольку нет индексации той денежной выручки, которую сельхозпредприятия получают от продажи своей продукции. Ясно, что при этих условиях они добровольно свою продукцию продавать не будут. Государство опять занимается террором по отношению к сельскому хозяйству под предлогом, что председатели колхозов и директора совхозов — плохие люди, бывшая номенклатура.

— *Какие отрасли, по вашему мнению, могли бы образовать второй, коммерциализированный сектор?*

— Конечно, у нас, в отличие от Китая, создание двухсекторной экономики не может быть генеральной линией. Главное для нашей экономики — процесс коммерциализации государственных предприятий, так как они являлись заложниками старой системы, находились как бы за колючей проволокой, а теперь им нужно хозяйствовать. Все эти предприятия сразу приватизировать и выпустить на свободу очень трудно. Значит, должен быть продуман процесс их коммерциализации (включая также колхозы и совхозы). Одновременно мог бы формироваться второй сектор, представленный сферой услуг, мелкими, средними и даже крупными предприятиями, какой-то частью крупных корпораций. Но этот процесс должен проходить без ущерба для госсектора, то есть предприятие должно выпадать из него безболезненно для общего экономического баланса. Таким образом, возможно, медленно, но контингент госсектора все-таки стал бы таять.

Легко представить себе целый ряд производств, которые не завязаны на системе централизованного распределения ресурсов, на народнохозяйственных балансах. Вот они и могут

вступить в коммерческие отношения с госсектором. При этом с самого начала нельзя допускать разницы в уровне оплаты, как это произошло у нас: в кооперативах он один, а на госпредприятиях — другой. Здесь необходимо какое-то регулирование.

Но самое опасное в двухсекторной экономике — это даже не разница в зарплате, а наличие двух уровней цен. Оно порождает спекуляцию и коррупцию. По этой причине китайское руководство не в восторге от своей двухсекторной экономики, полагая, что двухуровневая система цен ведет к тяжелым нравственным потерям. Такое положение дел подталкивает руководство Китая к размышлениям о дальнейших шагах экономической реформы. С одной стороны, существующая малоподвижная плановая система составляет основу стабильности Китая, но с другой — пожирает ресурсы и является источником социальной напряженности, так как порождает коррупцию и спекуляцию.

— Мне кажется, что в обществе с ярко выраженной патриархальной компонентой такие явления менее опасны. А вот в наших условиях второй сектор быстро разрушил бы устой первого, государственного — что, собственно говоря, и сделали кооперативы.

— Я разделяю ваши опасения. Вообще мнение о том, что китайцы прекрасно живут в условиях своей двухсекторной экономики, несколько наивно. Тем не менее эта страна за последние пятнадцать лет добилась очень крупных успехов, и в ней обеспечивается социальная стабильность.

— Могли бы вы более четко обрисовать ваше видение двухсекторной экономики в наших условиях?

— Попытаюсь это сделать, но вы сами понимаете, что такой сценарий неизбежно должен быть смешанным: экономика и политика выступают в нем вместе.

Наша новая экономическая жизнь предполагала прежде всего снятие военной нагрузки, что означало бы изменение политического и социального способа нашего существования. Я считаю, что был сценарий, который мог основываться на ком-

промиссе, на здравом смысле, на условии сохранения самой нашей системы и свойственного ей образа жизни. Другими словами, должны были быть сохранены административная экономика, Госплан, партия и все остальное, но при этом — начата структурная перегруппировка, способная существенно улучшить существующую систему. Ведь она обладала определенными возможностями улучшения. Эти возможности заключались в расширении той части потребительского сектора, которая была эластична к определенным инвестиционным усилиям. Неэластичным оставалось сельское хозяйство, а эластичной — сфера строительства жилья и производства товаров длительного пользования.

— *Но ваши предложения о производстве ТДП несоизмеримы с масштабами проблем, которые стояли перед страной.*

— Да, несоизмеримы. Это было бы лишь частичное улучшение положения дел. Тем не менее, если бы таким образом удалось повысить уровень мотиваций потребления, то этот сдвиг явился бы первым существенным шагом реформы. В сельское хозяйство не имело смысла направлять хорошую зарубежную технику, так как там нет адекватных ей специалистов, зато много воров. Тиражировать в первую очередь нужно было именно товары массового спроса и длительного пользования. На мой взгляд, это единственно реальный конструктивный шаг. Он соответствует жизненному опыту людей, их реальным мотивациям и в то же время был бы достаточно масштабным. Можно привести как пример Японию. Там очень плохо обстояло дело с жильем, с жилой средой, но они раскрутили производство ТДП и подняли затем все остальное.

— *Итак, если я правильно вас понял, производство товаров длительного пользования и строительство жилья были предназначены для восстановления разрушенной социальной среды в сельской местности и на всем пространстве гражданских отраслей?*

— Да, совершенно верно. Относительно жилья нами были подготовлены детальные расчеты. Их прекрасно сделал Виталий Найшуль, работавший тогда в нашем институте. Было определе-

но, какая у нас будет очередь на жилье, какие необходимы объемы долгосрочных кредитов, особенно для молодежи. У нее появились бы стимулы для приобретения жилья в кредит. Другими словами, жилье должно было стать стержнем новой трудовой мотивации. Бесплатное получение жилья — это анахронизм и дикость. Масштабная жилищная реформа в городе стала бы революцией для всего нашего существования. Таким образом, производство товаров длительного пользования, жилищная реформа и второе жилье (приусадебные участки) — эти три фактора очень сильно могли бы продвинуть нашу экономику. Одновременно, не затягивая, надо было создавать заделы для новых инвестиций, искать для них эффективные сферы приложения.

— Вы говорите об инвестициях, которые высвободились бы в результате конверсии?

— В первую очередь о них. Я вполне отдаю себе отчет в том, что эти инвестиции появились бы не сразу. Производство ТДП и строительство жилья можно было развернуть очень быстро, для этого имелись все необходимые технологические возможности. Но это был бы лишь первый, наиболее очевидный этап конверсии. Следующие этапы — я уже говорил об этом — не столь очевидны, и трагедия состояла в том, что их никто не прорабатывал. О них вообще никто не думал, так как эта тема находилась под запретом. В целом же военное производство очень специфично, и перестроить его для гражданских нужд не так просто. Кроме того, важно было правильно определить эффективные сферы приложения инвестиций, чтобы они не ушли в песок и не вылились в маниакальные проекты типа поворота сибирских рек.

Вообще конверсия — это сложное дело, и над ее программой должны были думать лучшие умы в стране. На первом этапе конверсия явилась бы не источником, а потребителем инвестиций. Частично военная промышленность могла бы осуществлять конверсию за счет самоинвестирования (такой опыт был в ГДР⁴), но это был бы довольно медленный процесс. Делу могли бы помочь внешние инвестиции, скорее всего западные, так как страна рас-

полагала лишь ограниченными внутренними возможностями. Так или иначе, конверсию следовало осуществлять постепенно, шаг за шагом, тщательно продумывая шаги.

Я думаю, что для проведения глубокой структурной перестройки военно-промышленного комплекса потребовалось бы лет десять-пятнадцать. Примерно через десять лет этот сектор из потребителя инвестиционных ресурсов превратился бы в мощный источник инвестиций, с помощью которого удалось бы ликвидировать структурное и технологическое неравновесие в народном хозяйстве.

Это лишь одна, так сказать, технократическая часть сценария. С другой же стороны, необходимы были меры по созданию полноценной социальной среды, способной стать реципиентом новых инвестиций. Для этого требовалось создавать потребительское пространство, которое послужило бы источником новых мотиваций и, главное, остановило бы процессы социальной дегенерации. Ведь повальное пьянство в значительной мере развилось из ощущения бесперспективности существования и еще потому, что в условиях инфляции пустеющее потребительское пространство все больше заполнялось алкоголем. Наша идея заключалась в том, чтобы дать людям реальную перспективу улучшения их жизненного уровня. Это означало, что они могли бы по мере роста своих доходов улучшать жилищные условия, обстановку квартир, приобретать автомашины, гаражи, строить дачи и обставлять их, вести подсобное хозяйство и оснащать его малой техникой. Все это находилось в зоне реального.

Мы считали, что структурные изменения в условиях нашей социально-экономической среды возможны. Насыщение рынка товарами длительного пользования было чисто инвестиционной задачей, вполне реальной, решаемой в наших условиях путем тиражирования даже одной какой-то модели по каждому или по многим видам продукции. Ведь запросы наших людей по сравнению с западными стандартами были очень невелики. Население устроило бы и ограниченный набор относительно дешевых товаров массового производства. Подтверждение возможности

проведения такой реформы давал опыт экономики ГДР, Чехословакии. В этих относительно благополучных социалистических странах механизм, о котором я говорю, работал, стимулируя их продвижение к обществу потребления. Потому там и не было такого развала социальных структур, как у нас. Таким образом, некоторые пусть частичные, но вполне эффективные шаги могли бы как-то трансформировать нашу систему.

Но я повторяю, что описанный мной сценарий во многом условен, потому что я меньше всего склонен недооценивать силу институциональных факторов, которые противодействовали бы его реализации. Живя по инерции гонки вооружений, государство уже слабо контролировало себя. Военно-промышленный комплекс давил со страшной силой. Если бы мы жили в системе умеренных оборонных нагрузок, наш сценарий вполне можно было бы реализовать. Но мощная откатка ресурсов на нужды обороны шла постоянно. Другая беда — автономизация министерств и ведомств. Возможно, эта вторая беда была следствием первой. Тут вырисовывается следующая схема: чем больше нагрузка на экономику, тем больше дефицит, а чем больше дефицит, тем благоприятнее становились условия для автономизации нижестоящих структурных звеньев экономики (ведомств, территорий, предприятий) и шантажа с их стороны. Отсюда увеличение центробежных сил и возникновение условий для существования автономных бюрократических монстров.

Еще одним фактором, делавшим иллюзорной надежду на реализацию конструктивного сценария, явилось разрушение организационной структуры, социальное разложение, особенно на верхнем уровне, вырождение целых социальных слоев, например торговли. Тенденции упадка проявлялись очень сильно, и нужно было очень ясно их осознавать, чтобы приступить к реализации наших предложений. Но логика развала оказалась в каком-то смысле неостановимой. Нарастающие дефициты и связанная с ними напряженность положения в экономике парализовали остатки конструктивного мышления. Даже в 1991 году, в

пору моего сотрудничества с Горбачевым, министр экономики Щербаков заявлял мне: "Ну что ты твердишь о каких-то товарах длительного пользования? Сначала накормить людей надо". Таков был уровень понимания у министра экономики. Другими словами, извечные наши дефициты, которые требовалось побыстрее заткнуть, мешали формированию любого долгосрочного решения, имевшего какой-то стратегический смысл.

Поэтому весьма трудно сказать, мог ли наш сценарий вообще быть реализован в тех институциональных условиях. К примеру, та отрасль, которая обладала способностью производить видеомэгафоны, имея для этого соответствующую производственную базу, возможно, отказалась бы это делать, а другие отрасли просто не смогли бы их производить. Я уже говорил вам о том, что все руководство страны было озабочено в первую очередь проблемой нашего военного и технологического отставания от США. По этой причине я понимаю, что в описанном мной сценарии есть какой-то оттенок прекрасодушия. Тем не менее это была единственная, насколько я могу видеть, конструктивная альтернатива той жизни, которой мы в то время жили.

Добавлю, что, и в научной, и в чиновничьей среде встречались, конечно, люди, которые считали наш сценарий консервативным, антидемократическим и т.д. Они противопоставили ему свой подход — хозяйственную реформу, включавшую идею самостоятельности предприятий, инициативы, стимулирования. Но все это было декорацией и составной частью пропаганды. Если наш сценарий предполагал плавное осуществление реформаторских идей в реальной социально-экономической среде, то в мышлении наших оппонентов проблема такой среды просто отсутствовала. Не зная действительности, они занимались конструированием утопий, причем заимствовали понятийный аппарат все из той же коммунистической доктрины. Вместе с тем они поддерживали у власти и населения веру в возможность возникновения чуда — быстрого роста уровня жизни "из ничего".

— *Могли бы вы назвать сферы приложения качественных инвестиций в случае высвобождения их из военно-промышленной сферы?*

— Я уже говорил, что снижение военной нагрузки никаких инвестиций сразу не высвобождает. Просто в этой сфере собран колоссальный человеческий капитал, который необходимо было рационально использовать. Кроме того, она способна создавать новые технологии. Реально там имеются военные технологии, но это еще не инвестиции. Для того чтобы военно-промышленный комплекс стал источником инвестиций, он сам должен предварительно получить качественные инвестиции. Поэтому процесс структурной реформы, связанной со снижением военной нагрузки, поначалу мог быть лишь очень медленным. Он шел бы по экспоненте, лишь постепенно набирая скорость. Так что тут пришлось бы пережить период медленного сдвига, привлекая отчасти самоинвестирование внутри данного сектора, отчасти — западные инвестиции, а также, по возможности, качественные инвестиции из гражданского сектора. Этот процесс растянулся бы, как я уже говорил, примерно на десятилетие.

— *А что потом?*

— Потом — нормализация экономики. Прежде всего инвестиционная нормализация. Нам необходимо было обновить все парки гражданского машиностроения. Это тоже долгий процесс. Затем — обновление всех парков в гражданских отраслях, производство технологического оборудования новых поколений.

— *А не могло бы случиться так, что эти качественные инвестиции омертвелись где-то в заделах, на промежуточных стадиях, — короче, не дошли бы до конечного потребления?*

— Ваши опасения мне понятны, я и сам неоднократно их высказывал. Чтобы не допустить этого, нужно было правильно расставлять приоритеты, создавать и реализовывать целевые программы, как, собственно, и делалось в военном секторе с упорством, достойным лучшего применения.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Механизм экономического роста: процессы компенсации и замещения. Ресурсы, пригодные для замещения, передавались военно-промышленному комплексу. Деграция гражданского сектора экономики. Исчерпание "социальной пружины" экономического роста

— *Вы работаете экономистом более тридцати лет. Что вы открыли за это время и что важное вы поняли?*

— К сожалению, я не уверен, что открыл что-то новое. Скорее что-то понял. В моей работе меня всегда смущало то обстоятельство, что этого понимания я достигал в полном одиночестве. Я отдаю себе отчет в том, что настоящая наука не делается на пустом месте, а всегда имеет какие-то начала в общем постижении предмета, какую-то преемственность. Иными словами, любая научная работа должна опираться на определенную традицию. Поэтому я настойчиво искал аналоги, предшественников в области экономической мысли — читал все, что было в этом плане для меня доступно. Но, к сожалению, аналоги я находил скорее в биологических науках, в системных исследованиях, но не в книгах по экономике. В экономической литературе мне не встретилась родственная душа. К тому же я сам сомневался, является ли предмет моего исследования наукой. Многие весьма достойные люди не проявили интереса к направлениям моих поисков. Впрочем, были и такие, кто меня поддержал, но это уже относилось к тому периоду, когда я занимал достаточно прочное положение в научной иерархии.

Главное, что я понял, заключается в том, что есть некие механизмы формирования технологической структуры экономики, то есть существует некая макротехнологическая структура. В силу этого уровни технологии и само экономическое развитие реализуются через взаимодействие крупных технологических составляющих экономики. Более того, существуют определенные законы взаимодействия этих технологических составляющих, и экономический рост осуществляется через такое взаимодействие. Мне даже кажется, что отчасти я понял, как они взаимодействуют, и для меня это явилось большим открытием.

Раньше мы — я имею в виду отечественных экономистов — описывали механизм экономического развития следующим образом. Есть норма накопления, есть капиталоемкость (норма отдачи), и если увеличивается норма накопления, то темпы роста повышаются, а если уменьшается, то темпы роста снижаются. Далее, было понятно, что увеличение нормы накопления связано со снижением отдачи. По этой причине нельзя расширять норму накопления больше определенных пределов, иначе получаемый положительный эффект будет погашен снижением отдачи. Отсюда и возникли представления об оптимальной норме накопления, в пределах которой ее увеличение, сопровождаемое снижением отдачи, не приводит к снижению темпов роста. Все эти рассуждения, в общем, справедливы, и за ними стоят реальные процессы. Но недостаток этой схемы заключается в том, что экономика рассматривается в ней как "черный ящик". Лично мне такой подход никогда не казался достаточным. Мне всегда хотелось проникнуть во внутренние механизмы функционирования нашей экономической системы, которую я рассматриваю как исторический объект, живущий по своим собственным, специфичным законам. Таким образом сфера моих интересов не ограничивалась изучением "входа" и "выхода" этого "черного ящика", а охватывала взаимосвязи и процессы, происходящие внутри экономики. Такая постановка задачи меня весьма вдохновляла.

– Вы изучали процессы, которые происходили в разных отраслях экономики?

– Не совсем так. Конкретные отрасли — это технологии. Мне думается, то, что я понял, относится к неким универсальным механизмам, которые являются составной частью общей системы знаний. Тем не менее, не владея конкретикой, не изучая конкретный материал по самым различным отраслям, сделать какие-либо значимые выводы было бы трудно. В своей книге¹ я попытался описать те выводы, к которым пришел.

– Какую идею в своей книге вы считаете главной?

– Главное заключается в том, что технологическая структура экономики применительно к нашему народному хозяйству имеет пирамидальное строение. Эта пирамида может быть представлена в виде технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов. Речь идет не только и даже не столько о приоритетах, выраженных в количественных соотношениях, то есть в объемах выделяемых средств, сколько о приоритетах в области распределения качественных, квалифицированных ресурсов. Нижнему уровню технологической пирамиды соответствуют массовые ресурсы, дешевые, доступные, но некачественные, дающие низкую отдачу. Более высокие технологические уровни опираются на ресурсы более высокого порядка.

Низкая отдача массовых ресурсов приводит к тому, что страна, форсирующая свой экономический рост, начинает потреблять их в огромном количестве, быстро вычерпывая их запасы даже на пространстве такой огромной страны, как наша.

Ограниченность запасов массовых ресурсов вынуждает заменять их ресурсами и технологиями более высокого технического уровня. Этот процесс я назвал "замещением". Таким образом, в экономике возникают некие замещающие потоки, которые

¹ Имеется в виду упомянутая выше монография "Структурные изменения в социалистической экономике" (1981).

способствуют сдвигу всей системы вверх по иерархии уровней технологического развития. Образно говоря, экономика сама себя тянет за волосы. К тому же этот "мотор" служит поддержанию технологического равновесия. Дело в том, что структурное и технологическое равновесие постоянно нарушаются из-за дефицита массовых ресурсов, но посредством пересмотра приоритетов и благодаря возникающим на этой основе процессам замещения равновесие восстанавливается. Такова, с моей точки зрения, общая схема экономического развития.

Специфика нашей ситуации состояла в том, что качественные ресурсы, ресурсы высокого технического уровня, почти полностью изымались из гражданского сектора экономики и передавались военно-промышленному комплексу. Это приводило к возрастающей нехватке замещающих ресурсов. К тому же начиная с 70-х годов массовые ресурсы стали исчерпываться с катастрофической скоростью. Исчерпался источник трудовых ресурсов — крестьянство, вырубил лес, выбрали наиболее доступные источники минерального сырья, быстро падало плодородие почв, все более критической становилась экологическая ситуация. Нехватку замещающих ресурсов пытались компенсировать усиленной эксплуатацией ресурсов массовых, что ускоряло процесс их исчерпания, причем коэффициент компенсации непрерывно падал. Совокупный эффект замещения и компенсации был недостаточен, так как не обеспечивал конечных народнохозяйственных потребностей. В результате началась инфляция, которая выражалась в том, что выделявшиеся отраслям финансовые средства не обеспечивались ресурсами. Инфляция имела обратную сторону: объемы производства гражданских отраслей в стоимостном выражении росли, но это был чисто фиктивный рост, поскольку не росло реальное количество продукции, а качество ее падало. И, конечно, следствием растущего структурно-технологического неравновесия стало наряду с инфляцией множество других явлений — разрушение производственного аппарата, деградация рабочей силы и т.д.

В определенном смысле роковую роль сыграло для нас резкое повышение мировых цен на нефть в 70-е годы. Именно в тот момент, когда потребность в усилении замещающих воздействий объективно назрела, наша страна получила возможность осуществлять такие воздействия не через внутреннюю структурно-технологическую перестройку, а путем крупномасштабных закупок по импорту. Это позволило сохранить сложившуюся систему приоритетов в распределении ресурсов, хотя жизнь диктовала необходимость ее изменения. На протяжении десятилетия нефтедоллары помогали затыкать дыры в нашей экономике, но они же способствовали деградации отечественных воспроизводящих отраслей. Деградация сельского хозяйства компенсировалась возрастающими закупками зерна — этот пример настолько общеизвестен, что нет смысла на нем останавливаться.

Можно привести и другие примеры. Так, в нашем институте мы довольно подробно изучили ситуацию с дорожно-строительным машиностроением. В крупных городах импортные экскаваторы составляли 10 — 15 процентов парка таких машин, но на них выполнялось 60, а может быть, даже около 70 процентов дорожно-строительных работ. Качество отечественных экскаваторов за 70-е годы упало катастрофически. Масло в их гидравлические системы приходилось заливать ведрами, но оно все равно вытекало. Страна, производившая уникальные гидравлические системы для запуска ракет, для всевозможной боевой техники, не могла обеспечить гидравликой собственное дорожное машиностроение.

Падение цен на энергоресурсы в середине 80-х годов наряду с резким возрастанием затрат на их производство оказало шоковое воздействие на нашу экономику. Сразу стала видна иллюзорность нашего экономического роста. Десятилетие, в течение которого могла быть произведена структурная перестройка, было упущено. Структурно-технологические диспропорции возросли, массовые ресурсы исчерпались, но страна не имела собственных производственных мощностей для их технологического замещения. К сожалению, даже эта объективно тяжелей-

шая ситуация не привела к отрезвлению тех, кто влиял на развитие нашей экономики. Амбиции военных ведомств остались прежними. Делиться ресурсами с гражданским сектором они не желали, и никто не мог им этого приказать. Сохранение табу на ресурсы военных ведомств, собственно говоря, и явилось первопричиной политики перестройки. Это была своего рода имитация попытки решить стоящие перед страной проблемы.

То, о чем я сейчас говорил, должно проиллюстрировать, что в результате моих изысканий у меня сложился определенный образ нашей экономической системы и соответствующий понятийный аппарат. До некоторой степени это относится и к китайской экономике, но с оговорками, поскольку многое в ней устроено иначе, чем у нас. Наша экономика находилась в движении, а китайская — большей частью в стагнации, так как их массовые ресурсы, трудовые ресурсы села, были и остаются почти безграничными. Сравнивая СССР и Китай, можно сказать, что социальная и технологическая структура нашей экономики уже давно перестала быть пирамидальной. Она стала скорее "бочкообразной", то есть низшие социальные слои и примитивные технологии количественно в ней уже не преобладают. Китайская же экономика — это классическая пирамида, с широким основанием и узким острием, где сосредоточены высокие технологии и квалифицированная рабочая сила. Такое социальное устройство создает в Китае много проблем, но в то же время служит источником развития, который исчерпан у нас.

Выработанная мной схема, основанная на понятиях компенсации и замещения, при всей ее абстрактности, все же позволяет понять нашу экономику гораздо лучше, чем другие теоретические схемы. Каким концептуальным аппаратом располагала наша экономическая наука? Это были марксистские политэкономические схемы, основанные на понятиях "первое и второе подразделения". Даже реальная межотраслевая разбивка этих понятий мало что могла добавить к их пониманию. Западные экономические теории тоже имели в нашей стране своих привер-

женцев. Но эти теории, при всех их различиях, парадоксальным образом базируются на одном и том же постулате, который заключается в том, что экономика якобы имеет дело с однородными, технологически однопорядковыми ресурсами. Применительно к нам это в корне неверная предпосылка. Она закрывает доступ к пониманию нашей экономики. Всякие межотраслевые и макроэкономические ее описания, исходящие из предпосылки качественно однородных ресурсов, неадекватны ей.

В рыночной экономике различия в качестве ресурсов отражаются в ценах (хотя и не только в них), и это позволяет западным экономистам рассматривать данный фактор имплицитно — сквозь призму цен, что затушевывает его значение. Кроме того, западная экономика технологически гораздо более однородна, чем наша, и это тоже дает возможность не ставить проблему неоднородности ресурсов во главу угла. Но в нашей стране мы имеем дело с совершенно иными реалиями. Для нас является фактом выраженная качественная иерархия ресурсов.

— *К каким экономическим последствиям это привело?*

— Структурное неравновесие нашей экономики ставило проблему соотношения двух типов приоритетов.

С одной стороны, существовали долгосрочные, стратегические приоритеты, вытекающие из идеи наращивания экономической мощи, как ее понимали наши руководители. Эти приоритеты диктовали необходимость развития технологически передовых отраслей — электроники, цветной металлургии, химии и т.д. Технократически интерпретированная идея наращивания экономической мощи находила свое отражение в распределении капиталовложений, валютных ресурсов (закупок по импорту). При этом, как я уже говорил, создание соответствующих заделов часто опережало объективные потребности нашей экономики. С другой стороны, реализация стратегических приоритетов оголяла ресурсное пространство всех остальных секторов экономики. Им приходилось функционировать за счет массовых ресурсов. Все, что могло компенсироваться массовы-

ми ресурсами, компенсировалось. И только там, где их исчерпание ставило объективный предел такому способу функционирования, начиналось замещающее воздействие. Были целые сектора экономики, где процессы замещения осуществлялись только в том случае, если не хватало массовых ресурсов.

Эта проблема имеет, кстати, и свой социальный разрез. Перегрузка экономики порождала дефицит трудовых ресурсов, которые использовались в качестве разменной монеты в неприоритетных секторах, где доминировал ручной труд. Система привлечения кадров по "лимиту" — это по сути тот же ГУЛАГ, только в более мягкой форме. Точнее, она в 70-е годы выполняла у нас ту же экономическую функцию, что и сталинский ГУЛАГ в свое время. Преобладание полупринудительного труда на широком пространстве экономики было неизбежным следствием сверхконцентрации высоких технологий в приоритетном секторе.

Итак, существовала система долгосрочных приоритетов, ориентированных на стратегические цели. Она тоже была неоднородной. В ней присутствовал элемент конкуренции между созданием фундаментальных технологических заделов и чисто военными целевыми программами. Но это разграничение в данном случае не так важно. Важнее другое — то, что наряду с долгосрочными существовали текущие приоритеты, формируемые различными неотложными потребностями. Такие потребности постоянно возникали из-за неустойчивости и неравновесности функционирования экономики. Парадоксально, что покрывались они не путем повышения технологического уровня обрабатывающей промышленности (на чем я всегда настаивал), не путем снижения технологического неравновесия, а путем закачки в экономику дополнительного количества сырья. Все больше инвестиций шло в добывающие отрасли, туда же шли даже технологические резервы. Внешне это могло иметь видимость создания долгосрочных заделов, но на самом деле являлось чисто компенсационным эффектом.

Наряду с приоритетами в распределении инвестиций существовали приоритеты, связанные с текущим распределением

производственных ресурсов, прежде всего — различных видов сырья. Ясно, что дефицитные виды ресурсов в каких-то количествах поставлялись и в неприоритетные сектора экономики (например, это могли быть незначительные объемы цветных металлов, если того требовала технология). Но приоритетные ведомства имели на своих фондовых заявках так называемую “красную черту”, которая означала, что их потребности в случае возникновения дисбаланса должны удовлетворяться в первую очередь. Иными словами, они имели не только большее по объему, но и гарантированное снабжение. Предприятия неприоритетных отраслей таких гарантий не имели. Поэтому уровень устойчивости их работы был гораздо ниже. В результате — сбой технологии, ухудшение качества продукции и т.д.

Таким образом, постепенное нарушение макроструктурно-экономического равновесия, приводившее к глобальным диспропорциям, в свою очередь проявлялось в виде текущих диспропорций в неприоритетных секторах. И при отсутствии гарантий в текущем распределении ресурсов эта проблема переходила на уровень производства, где ее приходилось решать директорам предприятий и даже рабочим. Ваши интервью² и знаменитые производственные дневники Алексева³ дают красочную картину того, каким образом она решалась. Планы, как известно, выполнялись любой ценой. Погоня за количественными показателями вела в неприоритетных секторах экономики к страшному разжижению ресурсов, снижению качества, вплоть до всякого рода мистификаций. Ясно поэтому, что наша инфляция носила весьма асимметричный характер, то есть проявлялась в основном в неприоритетных секторах экономики.

² См.: Производственные интервью. Отв. ред. С.А. Белановский. Вып. 1,2,3,4. М., ИМП РАН. 1991-1992.

³ *Алексеев Андрей Николаевич* - социолог, который, используя метод включенного наблюдения, провел в 80-х годах исследование технологического и социального процессов на одном из промышленных предприятий г. Ленинграда. Результаты этой работы остались неопубликованными.

— *Почему не менялась система приоритетов?*

— 70-е годы характеризовались тем, что в этот период под давлением социальных требований стало происходить номинальное изменение приоритетов. Постановлениями съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС гражданским секторам выделялись растущие объемы инвестиций. Однако реальное распределение ресурсов оставалось прежним, хотя деньги и шли по-другому. В частности, сельскому хозяйству давали денег намного больше, чем могло быть подкреплено имевшейся там производственной базой. Это вело к инфляции, к обесцениванию денег, а объяснялось такое положение дел тем, что реальные приоритеты оставались прежними, хотя номинально они и поменялись. То есть возникло несовпадение реальных и номинальных приоритетов — еще одна фикция. Инфляционные процессы, о которых я говорю, носили локальный характер. Обесценивались, например, сельскохозяйственные инвестиционные деньги, или водохозяйственные, или еще какие-то. Как правило, они имели свой внутренний кругооборот, а потом возвращались в бюджет, поскольку даже то, что шло на заработную плату, обеспечивалось самым примитивным образом, например водкой. Но часть этих необеспеченных денег, конечно, утекала в другие сектора, в том числе и в теневую экономику, порождая уже вторичные инфляционные эффекты.

Таким образом, во многих секторах экономики, а в сельском хозяйстве особенно, проявилось действие инвестиций ресурсорасточительного характера. В конце концов это стало сказываться и в оборонной промышленности. Внутри самого оборонного хозяйства, мне кажется, использование даже качественных ресурсов было далеко не самым экономным. Там тоже существовала своя иерархия и были попытки совместить несовместимое. Например, какое-то время мы пытались держать огромную армию против Китая и одновременно противостоять технологически передовой Америке. Решить одновременно обе эти задачи было более чем сложно. И мы все свои резервы ценой отчаянного перенапряжения пускали на осуществление подобных сверхзадач.

Конечно, тут нам помогали некоторые мощные демпферы — допустим, избыток нефти. Но интересно, что подключение таких демпферов создавало опасность нарушения последовательности в реализации замещающих технологических сдвигов, в реконструкции технологической пирамиды. Без демпфирующего влияния закупок по импорту мы вынуждены были бы более реально смотреть на то, что нас ждет впереди и какие технологические заделы нам надо создавать. В технологической реконструкции производственного аппарата была бы некая единая логика. Подключение внешних ресурсов нарушало эту логику. В результате мы не создали технологической базы ни в легкой промышленности, ни в пищевой, ни в строительном комплексе. А после потери этих внешних источников у нас стали разрушаться целые сектора экономики, так как, не имея заделов, мы не могли быстро восполнить сокращение импортных поставок.

Говоря обобщенно, расширение экономики за счет внешних ресурсов для реализации каких-то сверхзадач порождало в конечном счете ее неустойчивость. Получалось так, что если за счет нефтедолларов в оборонной промышленности осуществлялся некий прорыв, то в гражданских секторах потребность в компенсационных эффектах нелинейно возрастала. Это приводило к разрушению целых экономических блоков (правда, в некоторых из них оно предотвращалось импортом). Мы не успевали подтягивать наши технологические тылы, а отсюда — серьезная аритмия и антицикличность в формировании технологических структур, в частности, из-за растущей зависимости от объемов наличных экспортных ресурсов.

— *Каковы были социальные последствия нарастающего технологического неравновесия?*

— Вся социальная структура нашего общества в какой-то степени была подстроена под структуру распределения ресурсов, коррелировала с ней. Примером может служить прежде всего прямое распределение потребительских благ. Причем речь идет о процессе воспроизводства потребительских благ в соот-

ветствии с необходимостью ранжированного обеспечения ими предприятий, находящихся на разных уровнях нашей экономики. Так, для атомной промышленности создавались целые благоустроенные города, например возле Челябинска, с соответствующим качеством обеспечения. Другими словами, там, где были производственные потребности высокого ранга, там создавалась и соответствующая социальная среда. Можно сказать, что существовала иерархия социальных сред. На верхних уровнях технологической пирамиды гарантировалось обеспечение как производственных нужд, так и определенного комфорта. В целом же у нас существовала иерархически построенная система социальных гарантий, где эти гарантии по мере перемещения по технологической пирамиде вниз уменьшались от уровня к уровню. Правда, растущая мобильность населения снижала эффективность системы, но все же она действовала.

Главное же заключалось в том, что в нашем хозяйстве невозможно было ни в какой отрасли создать необходимую массу замещающих ресурсов, обновить технологию и сформировать соответствующую социальную среду. Страна все время находилась в состоянии кризиса, и совершенно естественно, что его последствия влияли даже на самые высокие уровни технологической пирамиды, где тоже шло разложение социальной среды.

Те слои населения, которые обслуживали низшие технологические уровни, находились фактически вне системы социальных гарантий. По сути дела они жили на самообеспечении. Ныне в этой ситуации находится вся наша экономика. Иначе говоря, модель социального существования, характерная для нижних уровней экономики, сейчас распространилась на все народное хозяйство в целом. Раньше на самообеспечении жили малые и средние города, а также деревня. Их жители имели собственные дома и кормились во многом за счет подсобного хозяйства. Здесь по сути дела существовал хозрасчет, то есть возможное потребление жестко лимитировалось доходами. Очевидно, что инфляция больше всего ударила именно по этому уровню, где

практически не делалось никаких капиталовложений. В крупных городах, в сильных отраслях, имевших гарантии, в том числе и благодаря капиталовложениям, зависимость от первоочередных нужд не столь ощутима. Поэтому обесценивание сбережений сказалось прежде всего на тех гражданах, которые и раньше были социально ущемлены в наибольшей степени.

Конечно, "острова привилегий" остаются и сейчас. В привилегированном положении находятся крупные чиновники, члены правительства, депутаты. Но круг людей, которым придется теперь жить вне системы социальных гарантий, резко увеличился.

— Если обратиться к примеру западной экономики, то там тоже, по-видимому, имеется механизм мобилизации качественных ресурсов. Могут ли в этой экономике возникать схожие эффекты?

— В развитых странах Запада качественная дифференциация технологий хотя и существует, но имеет существенно меньшие масштабы. Иными словами, технологии у них качественно более однородны. Конечно, разница между техникой в космической области и в сфере услуг очевидна. Соответствующая дифференциация существует и у нас, и на Западе. Но там она не столь резко проявляется. У них нет такой ситуации, чтобы целые отрасли деградировали из-за мощной откочки ресурсов. Экономика США легче переносила бремя военных расходов, поэтому она и не сталкивалась с необходимостью такой откочки в значительном объеме. Но в принципе механизм централизации ресурсов везде один и тот же, только у нас он осуществлялся путем прямого их распределения, а в западной экономике для этого используются финансовые рычаги — налоги.

— Существуют ли в условиях рынка внегосударственные механизмы сосредоточения качественных ресурсов в секторах экономики с высокими технологиями?

— Мне кажется, да. В Японии иерархичность технологий безусловно существует. В США ее также можно заметить. Низшие сектора, такие, как сфера услуг, сельское хозяйство, во многом

существуют за счет самоэксплуатации людей, избыточных затрат, компенсации недостатка технических средств большим трудовым усердием владельцев соответствующих предприятий, отчасти — за счет более низкого уровня потребления. В свете всего этого, можно, вероятно, говорить о технической дифференциации. Но здесь она опосредована социальным механизмом. Нижние технологические уровни представлены самостоятельными мелкими и средними хозяйствами, где владение имуществом — семейное, либо это небольшие, технически отсталые производства со значительной текучестью кадров и низкими качественными характеристиками работников. Понятно, что речь идет в основном об отмирающих отраслях или о вырождающихся регионах, сохранение которых объясняется стремлением избежать социальных катаклизмов как результата резких перемен. Как и у нас, они в избыточном количестве потребляют первичные ресурсы. Технологическое отставание и перерасход первичных ресурсов ведут к понижению социального статуса людей, занятых в этих секторах, к возникающему у них чувству обреченности. Молодые, трудоспособные кадры уходят из таких отраслей, а сами отрасли постепенно отмирают либо становятся прибежищем для социально неприспособленных людей.

Таким образом, как я себе представляю, пирамидальное расположение технологических составляющих экономики существует и в развитых странах Запада, но там оно, повторю, во-первых, не столь резко выражено, а во-вторых, соотносено с социальным статусом работников, обслуживающих соответствующие технологические уровни.

Добавлю, что экономику СССР правильнее было бы сравнивать не с американской, а со всей мировой экономикой. Ведь развитые страны обеспечивают технологическую однородность своей экономики именно за счет того, что перемещают низкие технологии и связанные с ними компенсационные эффекты в страны, отстающие от них по уровню развития. Если проранжировать с этой точки зрения национальные экономи-

ки, то в итоге мы получим многоуровневую экономику, сходную с той, которая имеется в нашей стране и для которой характерны процессы межуровневого взаимодействия — компенсация и замещение.

В послевоенные годы развитые страны в возрастающей мере концентрировали у себя технологии высших уровней, интеллектуальные ресурсы, НИОКРовские заделы. Производство и эксплуатация тяжелого оборудования все больше перемещаются в страны среднего уровня развития, а производство сырья и экологически грязные технологии переходят в слаборазвитые страны. Об этом процессе нельзя судить только по технологическому уровню производства, так как очень часто технология может быть сравнительно высокой, но компенсационный эффект осуществляется не в виде больших трудозатрат, а в виде экологического ущерба и, соответственно, ухудшения здоровья населения. Например, в какой-то период фабрики по обработке кож сконцентрировались в Индии и стали отравлять там реки. Ясно, что у Индии не было возможности приобрести добротные технологии, поэтому страна расплачивается за экономический рост своей природной средой и здоровьем нации. Именно в этом и состоит компенсационный эффект, который не хотят на себе испытывать развитые страны.

Мировое сообщество, представляя собой многоуровневую хозяйственную систему, является стратифицированным, по сути дела — сословным. Роль сословий здесь выполняют граждане стран, имеющих неодинаковый уровень развития. Аналогия с сословными обществами прошлого в этом случае очевидна. Правда, сословия в рамках национального государства пользовались единым языком и до известной степени обладали единой культурой — с поправкой, конечно, на ее сословные модификации, которые были очень существенны. Культурная однородность облегчала процессы социальной мобильности в те исторические периоды, когда для этого возникали объективные предпосылки. Сегодня вертикальная социальная мобиль-

ность в значительной мере приобрела характер межстрановой миграции, что создает, конечно, много проблем, связанных с взаимной чужеродностью разных культур. Но альтернативы этому, с моей точки зрения, нет.

Периодические попытки западных стран приостановить иммиграцию являются полумерами. Они напоминают неэффективные усилия бывших советских властей приостановить миграционный приток в Москву: определенное сдерживание этого процесса, конечно, происходило, но не более того. Прекращение или резкое сокращение миграции технически осуществимо, но следствием будет то, что развитым странам придется принудительно загонять на низшие технологические уровни какую-то часть своего собственного квалифицированного населения. Это хорошо видно на примере нашей экономики. Не будет преувеличением сказать, что в определенном смысле мы искусственно превращали часть своего населения в алкоголиков, чтобы затем, пользуясь снижением уровня социальных притязаний этих людей, загнать их на низкостатусные рабочие места.

— *Вы говорили о том, как в нашей стране процесс откачки ресурсов из гражданских секторов экономики сделался в 70-е годы бесконтрольным и вел к быстрому разрушению этих секторов. Было ли у вас чувство, что так долго продолжаться не может?*

— Я не ожидал столь быстрых перемен, но ощущение, что это добром не кончится, конечно, испытывал. Было очевидно, что нельзя до бесконечности повышать коэффициент компенсации. Массовые ресурсы быстро исчерпывались, равновесие нарушалось, и впереди неизбежен был крах. Поэтому экономисты в те годы совершенно правильно писали об исчерпанности возможностей экстенсивного роста, о необходимости интенсификации экономики. Мы в свое время неоднократно посылали соответствующие доклады Брежневу, стараясь выразить это на понятном ему языке. К сожалению, даже само обсуждение вопроса о конверсии было строжайше запрещено, поэтому тезис об интенсификации экономики переинтерпретировался в верхах как по-

вышение напряженности производственных норм, укрепление трудовой дисциплины и т.п. С помощью таких вот совершенно несостоятельных мер пытались "подтянуть" гражданские сектора экономики. В итоге их только разболтали, увеличив в них элемент фикции и окончательно дезорганизовав систему планирования, — об этом очень ярко рассказывала ваш респондент Антонова⁴.

Так что, повторяю, понимание бесперспективности ситуации у меня, безусловно, было. Но мне казалось, что кризис будет иметь длительный, затяжной характер, с нарастанием социальной деградации, упадком здоровья нации, экологическими бедствиями и т.д. Сценарий революции представлялся мне нереалистичным. Советский политический режим казался очень прочным.

Почему он так внезапно рухнул? Отчасти потому, что Рейгану удалось форсировать гонку вооружений. Он показал нашим военным красную тряпку, и те, как бычки, бросились на нее, не видя ничего вокруг. Действия Рейгана мы, конечно, во многом спровоцировали сами, вторгнувшись в Афганистан. Другой фактор — стремление Горбачева действовать по принципу "и волки сыты, и овцы целы". Сама "перестройка" поначалу ничего неожиданного не предвещала, она была очередной идеологической кампанией. Но эта кампания повлекла за собой некоторые политические сдвиги, которые сделали ситуацию неуправляемой. Они показали, до какой степени все прогнило.

— *А в Китае — другая ситуация?*

— Поскольку в Китае запасы традиционных массовых ресурсов практически безграничны, там есть возможность обеспечения колоссального компенсационного эффекта, главным образом в сельской промышленности — в пригородах, деревне. Потенци-

⁴ Антонова Евгения Александровна - сотрудник Дальневосточного филиала НИИ труда (г.Владивосток), беседы с которой включены в сборник «Производственные интервью», вып.4.1992.

ал развития этой страны основывается на избыточности населения. Вместе с тем в Китае имеются возможности наращивания технологической пирамиды. В результате при росте этой пирамиды, ее "утолщении", потребности в замещающих воздействиях там пока еще очень незначительны. В этом смысле у китайцев есть объективные условия для социальной и технологической консервации. Их успехи можно объяснить прежде всего тем, что они расширяют основание технологической пирамиды, точнее, ту ее часть, которая лишь немного выше самой нижней, традиционной сельской ступени. Я имею в виду трудоемкие сборочные технологии, легкую, пищевую, перерабатывающую промышленность, огромные объемы сельского жилищного строительства.

Что касается нашей экономики, то мы не могли уже наращивать верхние уровни пирамиды, расширять их и тем самым сдвигаться вверх без изменения технологической базы на нижних уровнях. Отсюда и индустриализация 30-х годов, которая предполагала создание сельхозмашиностроения. Отчасти, конечно, это был идеологический шаг, связанный с искусственной урбанизацией. Индустриальный облик, который в результате такого шага мы приобрели, означал довольно быструю урбанизацию, и для этого нужны были сильные компенсационные эффекты внизу.

В Китае же не так. Эта страна развивается более гармонично. Но двухсекторная экономика ведет к тому, что госсектор живет сам по себе, а свободная экономика — сама по себе. Надо отметить, что рынок, который возник в пригородной экономике, дает компартии Китая очень многое. Развитие китайского рынка идет не в селе и не в городе, а в пригороде, который взаимодействует с городом и потребляет сельские ресурсы. Этот уровень технологии в описанной мной схеме расположен ниже средней зоны, но некоторое смещение его вверх, безусловно, происходит. Рынок и пригородная экономика развиваются сейчас в стране настолько хорошо, что компартия Китая просто «раздобрела» на этом. В результате партийные чиновники пересели с "Волг" на японские автомобили, тогда как всего три года назад ездили только на "Вол-

гах". Таким образом, рынок оказался для них очень полезным и явился поистине благом.

— *Давайте вернемся к тезису о том, что России следует заимствовать китайский вариант развития. Насколько это реально и правомерно?*

— Китайский опыт для нас приемлем не полностью хотя бы потому, что у нас нет избыточных ресурсов, которые есть в Китае. Там это прежде всего трудовые ресурсы, причем их потенциал должен оцениваться исходя не только из численности, но и из той стратификационной системы, в которой они находятся. Дело в том, что Китай — сословное общество, с очень большими перепадами в статусах, уровнях потребления, социальных гарантиях. Избыточная армия труда в Китае — это не люмпены, которые болтаются без дела. Это деревенские люди, которые очень много трудятся. Однако их труд малопродуктивен и малоодоходен. В китайской деревне существует обширный шлейф полезного, но малопродуктивного и необязательного труда, — например, сборщик экскрементов для удобрения полей (старик ходит по дороге с ведром и собирает лепешки экскрементов) или сельский житель, вычерпывающий корзиной для тех же целей ил из пруда. Это обширная ниша, обеспечивающая занятость крупных контингентов сельского населения, но одновременно тот резервуар, из которого можно быстро мобилизовать трудовые ресурсы в случае появления более эффективных, технически оснащенных сфер приложения труда. Такие сферы формируются в городах и особенно в пригородах, где условия работы лучше, оплата, быт и социальный статус гораздо выше, чем в деревне. Как я уже говорил, пружина социального развития в Китае туго взведена, энергетический потенциал стратификации очень велик. Существует большая масса людей, которые хотят сделать шаг вперед, и это потенциал будущего развития, источник динамизма нации.

Что же касается нашей страны, то в ней в 70-е годы стратификационный ресурс был исчерпан.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Конверсия оборонной промышленности как источник структурной перестройки. Подходы к этой проблеме. Упущенный шанс. Цели структурной перестройки: ликвидация социальных долгов. Необходимость многоуровневой системы потребительских стандартов. Эксплуатация социальных долгов. Мотивационный двигатель нашей экономики и возможный потенциал социального и экономического развития.

— В вашей концепции преобразования существовавшей у нас экономики центральное место занимает конверсия оборонной промышленности. Военная промышленность должна была стать источником качественных инвестиций, позволяющих приступить к восстановлению деградировавших отраслей гражданской промышленности. Но здесь возникает много вопросов. Я предлагаю более подробно рассмотреть этот сценарий, его возможности и границы.

— Конечно, реструктурирование нашей экономики — задача необычайной сложности. И начать я бы хотел с того, что такая задача не была своевременно даже поставлена. В этом сказались низкий уровень нашего экономического самосознания. Люди, управлявшие нашей экономикой, не дошли в своем понимании дел до того, какую роль оборонный сектор может и должен играть в структурной перестройке, какие здесь имеются возможности. По сути дела у нас была поляризованная экономика, причем на одном из полюсов были сосредоточены уникальные экономические ресурсы, огромные производственные, интеллектуальные мощности, а другой полюс представлял собой почти вырожденное про-

странство. Отсюда следует, что в свое время должна была быть разработана продуманная программа использования потенциала имеющихся уникальных ресурсов для переструктурирования всей экономики. Но ничего подобного не произошло.

Понятно, что при решении данной проблемы возникли бы большие трудности, особенно с осуществлением инвестиций высокого качественного уровня. Эта проблема сохраняется и поныне. Как ни странно, к ее решению уже давно призывают наши западные партнеры, упрекая нас в том, что даваемые нам кредиты мы тратим на затыкание дыр, а не на реализацию четких адресных программ. Другими словами, они ждут от нас конкретных предложений по использованию предлагаемых ими инвестиций. У нас же нет никакой целостной концепции переструктурирования экономики, нет национальной программы конверсии. Существует определенный инвестиционный барьер, который мы не можем и практически никогда не могли взять. Даже при Горбачеве определялось только направление развития — и более ничего. Не было сделано никаких попыток дать общую оценку ресурсам, изучить существующие возможности. Например, в той же оборонной промышленности есть мощное машиностроение. Значит, и эта сфера сама могла отчасти стать источником необходимых для конверсии инвестиций, в ней в каком-то объеме могли создаваться новые производства и даже происходить оснащение соответствующим оборудованием.

В свое время в ГДР, имея ограниченные возможности внутреннего переструктурирования, пошли на такой шаг. Там внутри военной отрасли, непосредственно на заводах, появились подразделения по производству новейшего оборудования чуть ли не кустарным способом. Предполагалось оснастить им предприятия и, тем самым, собственными силами осуществить структурную перестройку. Таким образом, ГДР использовала имевшиеся возможности для выхода из тупиковой ситуации.

В нашей же стране считалось, что гражданская экономика неэффективна по причине порочности самой плановой системы,

а оборонную промышленность трогать нельзя исходя из высших стратегических интересов. Поэтому оборонная промышленность сохраняла свой "статус кво", и на уровне руководства не делалось попыток осмыслить хотя бы гипотетические возможности ее трансформации. А экономисты значительную часть своих усилий тратили на то, чтобы убедить руководство страны в необходимости создания такой национальной программы реструктурирования экономики, где существенное место занимала бы конверсия. Замечу, что точка зрения нашего института на конверсию имеет существенные особенности по сравнению со взглядами и западных экспертов, и наших военных, и технократического аппарата министерств. Суть в том, что нужно использовать потенциал оборонного сектора нашей экономики для ее реструктурирования, то есть для ликвидации структурного и технологического неравновесия. По моему мнению, это единственно верный подход к решению проблемы.

Попытки осуществления конверсии в нашей стране можно разделить на три направления. Первое — бюрократическое, когда министерствам и предприятиям сверху спускалось задание произвести на базе конверсии определенный вид продукции. Например, Лигачев¹ в свое время распределил по военным заводам задание — произвести определенное количество сеялок, веялок, давал указание производить машины по переработке масличных культур. Действительно, такие машины начали делать и даже довольно успешно, но это уникальный случай. Тот же бюрократический подход использовался и раньше, когда различным оборонным предприятиям давались задания по выпуску товаров длительного пользования (в виде своего рода натурального налога). Например, Омский танковый завод на базе тарного цеха производил кухонную мебель. Производства такого рода были очень

¹ Лигачев Егор Кузьмич (род. в 1920 г.) — член Политбюро ЦК КПСС в 1985-1990 годах, председатель Комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной политики в 1988-1990 годах. .

далеки от основного профиля предприятия. Другими словами, тут налицо попытка чисто бюрократическим путем использовать потенциал оборонной промышленности для невоенных нужд.

Теперь, уже как бы со стороны, отчетливее видны преимущества и недостатки такого подхода. Вся беда заключалась в том, что он оставлял в стороне научный и кадровый потенциал оборонной отрасли. Работы по обеспечению "натурального налога" велись рядом с основным производством, сбоку от него, другими людьми. То есть предприятия вынуждены были брать на себя соответствующие обязательства, но в то же время старались дистанцироваться от навязанного им производства.

Второе направление конверсии — технократическое. В рамках этого направления весьма увлеченные директора, инженеры пытаются понять, как можно использовать собственные технологические заделы для производства гражданской продукции. При этом фантазия у них разыгрывается необычайно. К примеру, у меня был разговор с одним из хозяйственных руководителей страны. Я спросил, что он думает по поводу конверсии на Омском танковом заводе, и сказал, что там, наверное, надо производить тракторы. На что он мне ответил: "Ну что вы... Ведь у них наиболее ценной технологией является литье башни. Вот это и нужно использовать в конверсии. Данную технологию следует использовать для производства специальных батискафов, с помощью которых можно будет добывать с морского дна конкреции" (конкреции — это образования в виде глыб, содержащие некоторые ценные рудные скопления). Вот вам пример работы инженерной мысли! Поразительно, что подобные фантазии реализуются сейчас — если не в металле, то по крайней мере в планах или же в образцах, удивляющих весь мир своей уникальностью. Как правило, подобные идеи направлены на создание всякого рода уникальных приборов и установок, например связанных с очисткой окружающей среды, с медициной, с конечной переработкой пищевых продуктов — сушкой, консервированием и т. п. Таким образом, конверсия является в этом случае

своего рода красивой нашлепкой, кокетливым бантиком к существующему устаревшему и рассыпающемуся производственному аппарату. Конечно, при условии модернизации основных технологий подобные проекты могли бы иметь какой-то смысл. Но в нашей технологической среде они никак не могут и не должны стать генеральным направлением конверсии. Это идеалистический путь, не имеющий, кстати, никакого маркетингового обоснования, что подтверждает полную экономическую несостоятельность и прожектерство его сторонников.

Более практичные люди, узнав что-то о западном рынке, начали с ориентацией на него производить у нас в стране какие-то уникальные вещи. Как правило, такое производство налаживается на крупных заводах, имеющих почти полное самообеспечение — станки, пластмассы, оснастку, разнообразные непрофильные цехи. Часто на базе непрофильных производств они могут выпускать обширный ассортимент товаров, находящих сбыт на западном рынке. При этом используются уникальные современные технологии, довольно масштабные.

К примеру, предлагается использовать космические технологии для анализа и улучшения химического состава почв. Полученные с помощью аэрокосмической разведки данные обрабатываются на компьютере и в виде карты закладываются в специальный агрегат, заполненный разными химическими веществами. Этот агрегат движется по полю и в соответствии с данными, отмеченными на карте, вносит в землю необходимые микроудобрения. Можно сказать, что это проект XXII века, подобный фантастике Жюль Верна. На Западе пока еще никто не изъявил желания купить такую технологию, но наши оборонщики тем не менее над нею работают. Неизвестно, найдет ли она покупателя, но в принципе подобные фантастические технологии и даже гораздо более простые изделия могут иметь сбыт на западном рынке. В таком случае они создадут основу для экономического благополучия немногих высокотехнологичных предприятий и одновременно поставят барьер на пути подлинной конверсии.

Другими словами, эти предприятия смогут выжить, не меняя своей основной технологии, законсервировав ее. Если же их мощности окажутся глубоко затронутыми, то есть на Запад будет экспортироваться довольно масштабный продукт упомянутых производств, то подобные предприятия станут анклавом западной экономики, уже не имеющим отношения к нашей стране. Их научный потенциал будет как бы вырезан из отечественной экономики.

Такой способ конверсии имеет два основных последствия. Первое — это затягивание процесса, консервация военно-технологических целей, а второе — присоединение отечественных предприятий к западному хозяйству и фактический выход их из состава нашей экономики. Внешне все выглядит весьма прогрессивно — увеличивается экспортный потенциал. Но по существу страна ничего от этого не получит, кроме валютных отчислений в виде налогов с данного предприятия. В гипотетическом варианте развития подобные предприятия могли бы быть успешно задействованы для внутреннего переустройства нашей экономики.

Люди, склоняющиеся к технократическому варианту конверсии, ориентируются на идеологию Запада. Там конверсия действительно предполагает максимальное использование оборонных технологий для производства гражданской продукции. И это понятно, потому что западный рынок — это плотный рынок, который уже заполнен, и в него необходимо втиснуться с минимальными издержками. В этом случае технократический подход адекватен. Но нашей гигантской сверхзадаче технической реконструкции отечественной гражданской экономики он не отвечает.

На мой взгляд, смысл конверсии не в том, чтобы использовать оборонные предприятия для производства гражданской продукции, а в том, чтобы попытаться использовать ресурсы, сконцентрированные в оборонном секторе, для реструктурирования всей нашей экономики. Главное здесь — сохранение и

эффективное задействование человеческого капитала оборонных отраслей, их социальной, транспортной и энергетической инфраструктуры, сферы НИОКР. Специальное оборудование и специальные технологии, которые сейчас имеются в оборонном секторе, конечно же, нужно в основном выбрасывать, потому что ни на что кроме изготовления оружия они не годны.

Какой же должна быть реалистичная программа конверсии? Прежде всего, это должна быть общенациональная программа, а не сумма программ отдельных предприятий. Инвестиционные затраты для реализации такой программы, в том числе валютные, требуются большие. Необходимы централизованные капиталовложения. Собственно военное производство в тех объемах, в каких оно будет сохранено, должно быть сосредоточено лишь на некоторых предприятиях, а на всех остальных — прекращено. Состав мощностей, создаваемых на конверсируемых предприятиях, должен определяться встречной программой, которая учитывала бы потребности трансформации нашего производственного аппарата во всех остальных секторах экономики. Эти разработки (анализ возможностей и потребностей) должны сойтись, соединиться, создав тем самым общую программу структурной перестройки, в которой существенное место занял бы оборонный комплекс.

К сожалению, такой план конверсии никогда всерьез у нас не рассматривался. Прежде всего потому, что оборонный комплекс сопротивлялся этому. Но и в Госплане, и в Министерстве экономики, где всегда боялись посягать на права оборонного сектора или иметь дело с Министерством обороны, с Военно-промышленной комиссией, подобные мысли тоже не возникали.

В 1992 году оборонный сектор был лишен заказа и оказался как бы за бортом. Сейчас он возрождается в новом обличье, получая кредиты, сравнительно большие по нынешним временам, но недостаточные для настоящей конверсии. Эти кредиты и не являются адресными, предназначенными для реализации какой-либо целостной программы. По сути их дают лишь ради обеспе-

чения выживания оборонных предприятий. Тем не менее такие кредиты позволяют консервировать сегодняшнюю ситуацию. Оборонные предприятия в какой-то мере снова ожили, так как военный заказ увеличился. Это позволяет им с помощью растущих кредитов как-то устроиться на то время, пока они не найдут себе ниши для экспортной продукции. К сожалению, существенную часть их экспорта занимает оружие. Идеологом подобного направления экспорта является советник президента Малей². Но данный вариант плох для нашей экономики, так как тем самым мы окончательно лишаем оборонный сектор возможности участвовать в гражданском производстве. Надо еще учесть, что рынки сбыта оружия сужаются. Таким образом, этот сценарий ведет в тупик. Мы утрачиваем перспективу перестройки нашей гражданской промышленности. Конечно, продажа оружия могла бы быть составной частью более широкой стратегии конверсии, но начинать и кончать этим — недопустимо.

Понимание конверсии оборонного потенциала как использования накопленных в оборонном секторе экономических ресурсов, как экономической конверсии, никак не укладывается в головах тех, кто сейчас находится у власти. Директора предприятий, руководители министерств являются в основном технократами. По этой причине они с трудом усваивают предлагаемый нами экономически ориентированный вариант конверсии. И дело тут, конечно, не в их субъективных особенностях, а в том, что все они хотят сидеть на двух стульях, то есть хотят такой конверсии, при которой сохранилось бы производство вооружения, гарантирующее бюджетное финансирование. При этом они сохранили бы свое социальное и материальное положение. Одновременно они пытаются диверсифицировать производство, чтобы производить какие-то новые виды продукции для экспорта

² Малей Михаил Дмитриевич (1941 – 1996) – государственный советник, затем советник Президента РФ по вопросам конверсии с ноября 1991 по сентябрь 1993 года.

или на внутренний рынок. Этот путь становится преобладающим. Понятно, что диверсификация поддерживается отсутствием новой оборонной стратегии и инерцией того влияния, которое имели Военно-промышленная комиссия, армия. В итоге потенциал оборонного сектора расплывается, не принося практически никакой пользы народному хозяйству.

— Какие сферы экономики могли бы быть эффективными реципиентами конверсионного потенциала?

— Сейчас наше сельское хозяйство несет огромный урон из-за разрушенных связей с Восточной Европой. В частности, я имею в виду ввоз сельскохозяйственного оборудования из бывшей ГДР. Технический уровень поставок из ГДР как раз соответствовал возможностям и спросу нашего сельского хозяйства, отвечал задаче постепенной технологической модернизации этой отрасли. Образно говоря, уровень сельскохозяйственного оборудования ГДР являлся той ступенью, на которую эта отрасль готова была взойти. Если бы сейчас наше сельскохозяйственное машиностроение удалось реконструировать с помощью производственных мощностей оборонной промышленности, чтобы оно производило сельхозтехнику такого уровня, какой был в ГДР, то наше село вполне могло бы эту технику воспринять.

Еще недавно мы импортировали очень много строительной техники. Необходимо наладить и ее производство на базе конверсии.

Что касается модернизации перерабатывающих предприятий, возможно, здесь не следует опережать события, но какие-то первые шаги реальны и уместны.

Для нашего гражданского машиностроения конверсия оборонных производств во многих случаях является подходящим плацдармом.

Но самое главное направление в использовании конверсионного потенциала — это производство товаров длительного пользования. Вот где можно безгранично наращивать качество выпускаемой продукции.

Тем не менее есть такие сферы экономики, где качество труда, рабочей силы совершенно не позволяет использовать технику высокого уровня. Но я считаю, что при проведении конверсии в начале этого процесса и не следует ориентироваться на образцы производства самого высокого уровня. Конверсионные задачи нужно ставить очень сознательно, учитывая специфику заказчика. Ведь все наши предприятия работают, как правило, на традиционного заказчика и приблизительно знают его возможности. Проблемы и определенные трудности могут возникнуть, например со сферой торговли, которая очень отстала. Культура ее работников и их социальные инстинкты таковы, что новые технические средства будут внедряться там с большим трудом.

— *На какие приращения от проведения конверсии мы в конечном итоге могли бы рассчитывать?*

— Наше общество сильно деградировало в социальном отношении. Разрыв между потребительскими стандартами и возможностью их реализации разрушал трудовую мораль и трудовую мотивацию, что подрезало корни эффективности производства. Поэтому я считаю, что в тех условиях, к 80-м годам, наиважнейшее значение имело создание потребительского общества, но адаптированного к нашей реальности.

— *Пожалуйста, объясните механизм развала трудовых мотиваций. Как это произошло?*

— У нас был создан целый ряд секторов, обеспечивавших приемлемые условия жизни, включая квартиры, снабжение товарами и т.п. В крупных городах концентрировалась своего рода привилегированная часть населения. Там создавалась некая целостная среда с определенными стандартами жизни — жилищными и потребительскими. Кроме того, в период нефтяного бума был сделан слишком сильный нажим на импорт западных товаров. Существовали и другие каналы распространения у нас западных стандартов — например, работа многих людей за границей. Но все же главное — это наш внутренний процесс:

чрезмерный перепад между сформировавшимися потребительскими стандартами и возможностью их реализации.

Сейчас, когда у нас происходит повышение доходов угольщиков или нефтяников, то вслед за этим начинается рост доходов в остальных частях экономики. Как только повышаются доходы одной группы населения, так включается невидимый мотор, который влечет за собой общий рост доходов. То же самое происходило и раньше, только гораздо медленнее и не всегда через деньги, а через материальные ценности или возможность доступа к ним.

Существовала определенная дифференциация уровней потребления, иерархия потребительских стандартов и способов распределения благ. К примеру, в Москве заработная плата была несколько выше, чем, скажем, в Ярославле, но основное различие в качестве жизни определялось не этим. Денежные выплаты занимали скромное место во всей системе благосостояния. Они не были привязаны к таким существенным потребительским благам, как жилье, медицинское обслуживание, снабжение товарами, рекреация. Денежный механизм был лишь одним из элементов в системе распределения. Но вся эта система стремительно устаревала. Многие элементы потребительских стандартов становились универсальными. Наиболее яркий пример — жилье. В нашей стране сохранилось много коммунальных квартир, но свое проживание в коммуналке люди перестали считать нормальным. Возник новый стандарт представлений: отдельная квартира со всеми удобствами, пусть даже в таких квартирах общая площадь стала меньше, а потолки — ниже.

Наступил такой период, когда в силу возросшего уровня образования, квалификации, самосознания люди просто не хотели добросовестно работать за ту оплату и то наполнение доходов, которые не соответствовали их представлениям о том, на что они по справедливости могут претендовать. Здесь берут начало моральная деградация, упадок, коррупция, хотя это и не исчерпывающее объяснение возникновения подобных явлений. Тем

не менее, мне кажется, если бы в свое время были предприняты усилия по сокращению разрыва между системой потребительских стандартов и уровнем потребления, то равновесие социальных отношений могло бы сохраниться, а условия жизни нашего общества оказались бы на какой-то период более благоприятными. При всей необходимости технологических перемещений вверх первоочередным шагом все же должен был стать процесс обеспечения сформировавшихся стандартов потребления, погашения социального долга населению. При этом надо понимать, что повышение уровня потребления в данном случае означает не просто удовлетворение неких потребностей, а нормализацию расстояний внутри иерархии стандартов. Я имею в виду создание многоуровневой системы потребительских стандартов, которая отвечала бы стратификационному расщеплению нашего общества и создавала бы стимул для социального продвижения.

— В чем должна была заключаться нормализация этих расстояний?

— Общеизвестно, что даже в крупных городах не было возможности обеспечить всех нуждающихся жильем; выстраивались огромные очереди на покупку автомобилей. Что же касается некоторых отраслей и некоторых территорий, то реализация в них даже этих скромных потребительских стандартов выглядела весьма отдаленной перспективой. Другими словами, в стране накопился колоссальный социальный долг.

В той же очереди на жилье не существовало твердых гарантий. Гарантии были созданы для привилегированных отраслей. Но целая группа отраслей, прежде всего сельское хозяйство, их не имела. Такое положение дел и создавало миграционный отток, в первую очередь из села. Автомобили вошли для многих в потребительский стандарт, но часто оставались недоступными, прежде всего из-за непомерных очередей. Психологически наше общество уже было готово к той стадии автомобилизации, которую прошла вся Европа, но этот процесс искусственно сдержи-

вался ограниченным производством. Товары длительного пользования и одежда оставались слишком дорогими и имели ограниченный ассортимент. Наша легкая промышленность очень отстала, поэтому у многих людей, особенно женщин, выработался некий психический комплекс, доходящий до шизофрении, в приобретении модной одежды.

Я в основном говорил о проблеме накопленных долгов, но главное, конечно, заключалось в необходимости создания через доходы населения потребительского механизма экономического роста. У нас же существовал фактически натуральный способ распределения потребительских благ. Но мы подошли к тому, чтобы даже в рамках нашей неэффективной системы создать механизм экономического роста, включающий и рост доходов, и их реализацию, и комплекс потребительских стандартов и т.д. Для этого требовался только один шаг. Потребительский механизм экономического роста должен был включать в себя платное приобретение жилья с длительной рассрочкой, кооперативное строительство, "народный автомобиль" и целую систему других потребительских благ, приобретаемых на денежные доходы в виде заработной платы. Натуральный механизм распределения благ и построения социальной иерархии стал слишком тяжеловесен, неэффективен, неизбирателен. Исторически сложилось так, что стимулы создавались по отношению к целым секторам, отраслям, предприятиям. В новых условиях такая иерархическая система социальных гарантий, потребительских стандартов требовала избыточных затрат для своего поддержания. Реализация этой же системы через денежные доходы явилась бы следующим естественным шагом в эволюции нашего хозяйства. По моему убеждению, у нас был собственный путь эволюции, была возможность развития. Можно утверждать, что постепенная денатурализация (как теперь говорят — монетаризация) нашей иерархической системы распределения в потребительском секторе позволяла естественным образом подойти к денежному хозяйству.

— *Какие дисфункции порождались социальными долгами и в какой мере потребительский рост мог их устранить?*

— Я бы начал с того, что надо различать сами социальные долги и механизмы, которые их воспроизводили, наращивали, а отчасти, как ни странно, эксплуатировали. К сожалению, очень трудно разделить наши долги и наш способ существования в условиях уже надвигавшихся катаклизмов. С какого-то момента мы начали эксплуатировать собственные болезни в отчаянных попытках поддержать равновесие.

Существовавшие перепады в потреблении, с одной стороны, разрушали трудовую мораль, создавали избыточные миграционные потоки, а с другой — без этих перепадов было бы очень трудно сохранять приток молодого населения в добывающие отрасли на востоке страны и вообще в сырьевые отрасли, а также в строительство. Ведь молодой человек, отслуживший в армии, уже не хотел возвращаться в деревню. Это обстоятельство и использовалось для освоения наших бескрайних просторов. Таким образом поддерживался относительно некапиталоемкий вариант освоения восточных территорий. Если бы на западе страны были приличные условия существования, то вряд ли кто-нибудь отправился бы осваивать наш восток.

Ситуация возникла сложная. С одной стороны, социальные язвы разрушали наш трудовой потенциал: речь идет о его избыточной мобильности, отсутствии такой социальной структуры, которая была бы ориентирована на структуру отраслевую и профессиональную, о текучести рабочей силы и неконструктивных направлениях этой текучести. С другой стороны, без всего этого невозможно было заданным способом поддерживать структурное равновесие, то есть закачивать в экономику большее число первичных ресурсов.

— *Нужен был замещающий эффект, который бы компенсировал перепады уровня жизни?*

— Да, он был абсолютно необходим, но он же требовал огромных вложений. Эта проблема имела народнохозяйственный

масштаб и решаться могла только комплексно. Мотивационный двигатель нашей экономики, как например и в Китае, долгое время опирался на большие перепады в уровне и качестве жизни. У нас стратификационная система распалась. В Китае люди, повышающие свой доход, одновременно повышают свой социальный статус и держатся за него. А в нашей стране социальная мобильность имела демографический, возрастной характер и не вела к созданию каких-то устойчивых социальных структур. Поэтому восстановление у нас социального равновесия с помощью замещающих воздействий, конечно, должно было бы идти рука об руку с восстановлением структурного и технологического равновесия во всей экономике. Ведь восстановление только социального равновесия (к примеру, обеспечение в европейской части страны жильем всех нуждающихся) ставило бы при одновременном сохранении гигантского спроса на сырьевые ресурсы из-за существования ресурсорасточительного инвестирования неразрешимый вопрос. Вопрос такой: как поддерживать структурное равновесие, если люди почувствуют себя достаточно комфортно в европейской части страны и не пожелают ехать в восточные регионы добывать сырье? Наша бедность имела, к сожалению, некоторое функциональное начало, то есть до определенного уровня наше общество не могло быть иным, чтобы, эксплуатируя свою бедность, существовать.

Конечно, запас у такого типа существования был ограничен, хотя оно могло еще продолжаться довольно долго, если бы Рейган и другие на нас не давили.

Можно сказать, что у нас были определенные резервы социального и экономического развития, то есть была некоторая возможность логического продолжения нашего способа существования. Не исключалась попытка осуществить некий конструктивный сценарий выхода из кризиса, хотя и нет уверенности, что этот сценарий удалось бы достаточно успешно осуществить, потому что кризис зашел слишком далеко, имел свою инерцию и усугублялся внешними факторами. Время ра-

ботало против нас. 70-е годы — наш исторический шанс — были потеряны. К началу 80-х годов резко усилилось внешнее давление, а инерция деградации приобрела автономный характер. Я не берусь безусловно утверждать, что наш сценарий восстановления структурного и социального равновесия позволил бы эффективно противостоять действию этих факторов. Динамика кризиса и внешнее давление в конечном счете могли все сломать, если бы их действие оказалось несоразмерным нашему внутреннему потенциалу. И все же — снова повторю — я считаю, что потенциал развития у нас был и мы имели шанс им воспользоваться.

— *Описанный вами сценарий во многом реалистичен, но хотелось бы заметить вот что. На мой взгляд, в 70-е годы наше государство утратило способность экономически целесообразным способом использовать трудовые мотивации. Повсюду процветала фикция. Это уже стало нормой не только для рабочих, но и для ИТР, научных работников и даже для руководителей производства. Технологические сдвиги, то есть конверсия, позволяли увеличить производство товаров длительного пользования. Эти товары, несомненно, повысили бы качество жизни, что могло несколько снизить социальную напряженность. Допустим, что рост предложения таких товаров стимулировал бы желание людей заработать больше денег. Но для этого требовалось создать не просто легальную, а еще и экономически эффективную сферу приложения труда. Мне кажется, что государство в 70-е годы уже разучилось делать такие вещи. Рост товарного предложения привел бы лишь к двум неконструктивным эффектам: росту наполненности всевозможных теневых доходов (вероятно, значительная часть товаров длительного пользования уехала бы в Закавказье) и механическому, инфляционному росту зарплаты во всех отраслях. Что вы думаете по этому поводу?*

— Вы поставили много вопросов, и трудно ответить на все сразу.

Конечно, у нас была мафия, и были ее теневые доходы. Но все же, если трезво взглянуть на так называемый период застоя, то надо признать, что система не до конца разложилась. Определенный строй жизни существовал и поддерживался. Мы дошли до сильной деградации в основном потому, что непростительно пренебрегали человеческой компонентой нашего производства, долго эксплуатировали и разрушая наш трудовой потенциал. Если бы мы в этом вопросе вели более здравую и осмысленную политику, то какой-то уровень социального равновесия мог поддерживаться. Например, в ГДР и ЧССР была та же неэффективная социалистическая экономика, но там к своему населению относились не столь хищнически, как принято у нас, в наших российских традициях, и потому там все же сохранялся приемлемый уровень социального равновесия.

Нужны аргументы, доказывающие, что наше общество вступило уже в какое-то необратимое состояние. Масштабы социальных язв были значительны, разрушения — существенны, потери — огромны. Но нет достаточных оснований заявлять, что мы не смогли бы преодолеть все это с помощью изменения каких-то пропорций, задействования замещающих механизмов, прежде всего — связанных с воспроизводством социальных структур. Такие заявления по меньшей мере спорны. Причины необратимости нашей деградации лежали, может быть, не в нас самих, а в области внеэкономической нагрузки. В какой-то момент нам пришлось создавать дополнительную систему обычных вооружений, разворачивать войска по китайской границе, да еще строить БАМ, который явился самым ярким примером действий под влиянием внешних причин. Эта дорога, можно сказать, свалилась нам на голову: ее срочно решили строить после столкновения с китайцами на острове Даманский.

— Меня смущает некоторая фундаментальная неясность: какой все-таки должна была бы быть социальная стратификация нашего общества, чтобы она, как в Китае, служила мотором экономического развития? Ведь основание этой стратификационной системы — село — у нас исчерпалось.

— Мне кажется, мы здесь сами себе закрыли дорогу для естественного процесса, достаточно очевидного. А именно, мы не использовали тот ресурс, который использовали другие страны — нашу национальную периферию. Если взять США, то туда за последние двадцать лет въехало пять миллионов человек, частично из Европы, частично из Латинской Америки, что дало возможность заполнить все низкостатусные рабочие места. И так поступают все развитые страны. Мы прошли такой же индустриальный путь, как они, и ответ на вопрос о дальнейшем пути развития известен. Во всем мире он однозначен. Мы давно переступили ту черту, за которой стало необходимым, как в США, Англии, Франции и Германии, привлекать дешевую рабочую силу из менее развитых стран. У нас же был искусственно поднят жизненный уровень в бывших союзных республиках, за что мы и поплатились. В колонию превратился центр России, и тем самым были подорваны корни нашего собственного динамизма. На места, занимаемые во всем мире малоквалифицированными рабочими, набираемыми извне, мы привлекли свое собственное, более образованное население.

Было бы естественно, если бы в 80-е годы, восстанавливая благосостояние центра, мы стали бы добиваться такого положения вещей, при котором с опережением в экономическом росте шла бы Россия. Необходимо было восстановить адекватную дифференциацию в межрегиональном благосостоянии. Средняя Азия или даже Китай могли бы при этом стать источником трудовых ресурсов для нижних этажей нашей экономики. И другого пути нет до сих пор.

— *Вы стали рассматривать социальную стратификацию снизу. А кто мог бы образовать верхние страты, чтобы они были не паразитическими, а конструктивными?*

— Ответ на этот вопрос достаточно ясен. В современном мире доминантой экономического развития являются высокие технологии. Элитой должны были стать социальные слои, создающие и обслуживающие эти технологии.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Низкостатусные рабочие места и проблема их заполнения. Деградация трудовых ресурсов России. Формирование самовоспроизводящейся жизненной среды как фактор стабильных мотиваций и оздоровления экономики. Дезинтеграция верхнего уровня управления. Квазиэкономика на нижних этажах хозяйственной структуры. О работе Госплана. Ресурсное перенапряжение как причина роста числа балансов. Бессодержательность макроэкономических показателей экономического роста в условиях структурного неравновесия

— *Продолжим обсуждение вопроса о замещении неквалифицированных рабочих мест иностранными рабочими. Что будет, если, например, в Москве скопится в результате такой политики критическая масса, скажем, азербайджанцев?*

— Но таков мировой опыт, и пока не придумано ничего другого. Наиболее распространенной здесь является практика контрактов. Люди приезжают из-за рубежа и работают по ним. Это не то же, что "лимитчики", которые переезжали в большой город, оставаясь в той же стране. Люди из другой страны и устраиваются по-другому. Правда, в нашем случае, при отсутствии достаточно существенной разницы между уровнем жизни национальных окраин и центра, говорить о центре как о сильном полюсе притяжения не приходится. У нас не было нормальной межрегиональной дифференциации благосостояния.

Нам в своем экономическом развитии следовало бы прежде всего соблюдать рациональную дифференциацию регионов, которая создает определенные динамические силы. Из-за того,

что это не было сделано, наша страна сама превратилась в колонию и перемолола значительную часть собственного трудового потенциала.

Я уже говорил, что миллионами иммигрантов США заполнили все низшие этажи своей экономики, сохранив при этом свой собственный потенциал развития. Может быть, в этом и заключается одна из причин опережающего роста этой страны. Она как бы снимает сливки со всего мира. Во всех других странах низкостатусные места заполняются этнически более чуждыми элементами, а в США — достаточно образованными и культурными кадрами. Но США — уникальное явление. Это становится понятно, если принять во внимание иерархию рабочих мест и способы их заполнения. Тогда обнаружится разница в тех процессах, которые происходили в США и в европейских странах.

В Китае, стране с гомогенной культурой, такой проблемы нет, поскольку там имеется в большом количестве свое собственное неграмотное население. Но тем не менее и там контрактные отношения между деревней и городом очень развиты.

— Если предполагается ввозить в страну людей чуждой культуры, то возникает вопрос: они будут интегрированы в нашу культуру или мы их используем, а затем отторгнем?

— Учтите, что мы уже потратили огромные средства на замещение труда в малопривлекательных рабочих местах. Например, в коммунальном хозяйстве для устранения бытовых отходов и т.п. закупалась дорогая импортная техника, хотя проще было бы иногда нанять дворников. Такое техническое замещение очень неэффективно, капиталоемко, особенно для нашей страны, в ее нынешнем напряженном состоянии. Вообще это большая проблема, с которой сталкивается весь мир. И если выбирать из двух зол: качивать ли в низшие слои технологической пирамиды свое собственное население или привлекать на эти места представителей этнически чуждых групп, — то меньшим злом является тот путь, по которому пошла Европа. Альтернатива, как я уже сказал, — это создание огромного слоя собственных граждан с ограничениями

в правах. Они могут стать материалом для заполнения низкостатусных рабочих мест. Например, в Москве водители машин, убиравших снег, посыпающих дороги песком, вывозящих мусор, наверняка рассчитывают на рабочие места более высокого статуса, которые дали бы им более широкие права. Есть, правда, люди ущербные, ни на что не претендующие, алкоголики, олигофрены, которые являются своего рода амортизатором, но нельзя же делать на это ставку.

Я, например, нашел в библиотеке книгу о труде олигофренов в сельском хозяйстве, написанную с большим чувством, где о них говорится как о весьма значимом источнике трудовых ресурсов на селе. Такие категории людей на определенном этапе функционально необходимы. Но как только их существование становится функцией, сразу вступает в действие механизм воспроизводства. И для нашего общества в норму превратилась эксплуатация социальных болезней. Так что же — искусственно продуцировать социально ущербных людей? Такая альтернатива вас устраивает? Ведь технологически ликвидировать все низкостатусные рабочие места нереально.

Мы уже прошли определенный этап откатки населения центра России для заполнения индустриальных рабочих мест. В результате в некоторых регионах образовался вакуум любого вида труда. Есть много земли, но нет для работы на ней трудовых ресурсов. По этой причине в центре России не только в торговле и в сфере услуг, но и в сельском хозяйстве, сельском строительстве появляется большое количество мигрантов — армян, чеченцев, корейцев, азербайджанцев. Они арендуют земли и завозят туда своих людей. Это уже массовое явление. Оно стимулируется наличием у данного контингента, в отличие от русского населения, больших денежных средств, позволяющих давать властям взятки за аренду земли. Но главная причина все же в том, что эти земли опустошены. Конечно, тут есть определенная опасность для нашей культуры с ее традициями. Люди, жившие в условиях восточной деспотии, приобрели эффективный навык подкупа и укореняют его в нашей жизни.

– Но в результате у нас может возникнуть совсем другое общество. И здесь, как мне кажется, очень опасно отсутствие частной собственности на землю при наличии чиновничьего аппарата, который легко подкупить.

– Как раз частная собственность и ускорила бы распродажу русских земель и скупку их на огромные теневые деньги торговцев из юго-восточных республик. Но я хочу сказать немного о другом, а именно: существует чисто механическая опасность перелива юго-восточных этносов в пределы центральной России, так как в ней образовались большие обезлюдившие пространства. Уже сейчас в любом малом российском городе есть кавказская торговая мафия, что является признаком вырождения этих городов. Процесс перемещения южных народов на север мог бы цивилизованно регулироваться, но, боюсь, теперь это уже невозможно.

– На мой взгляд, дело в том, что своему населению у нас не дают землю и второе жилье, а представители южных народов получают все это за взятки.

– Но нельзя все объяснять только взятками. Например, имеются пастбища, а работать на них просто некому. И в такой ситуации пришлые люди, южане, предлагают свои услуги за аренду этой земли. Значит, все упирается в местный дефицит рабочей силы — при избытке ее и одновременно дефиците сельскохозяйственных площадей там, откуда пришли эти люди. Они реально могут привезти на новое место других людей своего круга и заставить их работать. Пока еще идет маятниковая миграция, но постепенно вновь прибывшие оседают здесь и заводят семьи. Мне кажется, этот процесс диффузии юга на север имеет колоссальное значение, у него огромный потенциал.

– На каких конкретно территориях происходит эта диффузия?

– Я думаю, что в Московской области, во всех областях центра европейской части России и к северу от него. Это можно рассматривать как продолжение исторического процесса,

который прослеживается еще со времен Византии, когда в VII – VIII веках восточные народы отсекали у нее христианский Египет, Северную Африку, Междуречье. А в XV веке мусульмане захватили и саму Византию, продолжая двигаться дальше на север, и только в XVII – XVIII веках Россия остановила их движение. Таким образом, первым актом драмы явился конец первого тысячелетия нашей эры, вторым – середина второго тысячелетия, а сейчас разыгрывается третий акт. Этот процесс несколько раз останавливался, но и неоднократно возобновлялся. Царская Россия поставила барьеры на пути продвижения восточных народов, в чем и заключалась ее историческая миссия. И вот – очередной прорыв. Наша страна этнически очень ослабла, поэтому такое и стало возможным.

– *Но тогда стоит ли усиливать процесс, о котором вы говорите, еще и дополнительным ввозом трудовых ресурсов из южных регионов в города центральной России и севернее?*

– Этот процесс идет стихийно, помимо нашего сознательного воздействия. И сейчас, когда Россия ослабла, возможны колоссальные перемены, вызванные мощным историческим движением юго-восточных народов в Центральную Европу. В результате наш центр может быть для нас потерян или население в нем станет настолько гетерогенным, что национальное лицо России во многом утратится.

– *Но предлагаемый вами цивилизованный вариант ввоза трудовых ресурсов не отменяет стихийного переселения южных народов в центр России.*

– Если бы сохранилась дистанция в уровне экономического развития между Китаем и Россией, то китайцы могли бы стать для нас мощным источником временно привлекаемых трудовых ресурсов. Но сейчас уровень доходов китайского и нашего населения сильно сблизился. По валютному курсу это соотношение уже даже в пользу китайцев.

– *Если чуждые русским этносы наберут критическую массу, – что произойдет в этом случае?*

— Сейчас нам предстоит пережить кризис всей системы расселения, и, перестраивая ее, мы, может быть, решим эту проблему. Из-за чрезвычайной концентрации экономики, культуры, производства, из-за культивирования только магистральных связей между центрами регионов периферия (сельская местность, малые и средние города) у нас деградировала. Поэтому путь возрождения страны проходит не только через центры, но и через подъем малых и средних городов с помощью строительства местной дорожной сети, децентрализации экономической и культурной жизни. Может быть, при определенных обстоятельствах этот путь будет для нас закрыт. Тем не менее на этом пути возрождение русской нации приобретает определенную перспективу.

Наверное, в некоторых разделах экономики существуют алгоритмы для определения оптимального темпа сокращения рабочих мест и оптимального темпа децентрализации производства. Можно людей привлекать в крупные города, а можно рабочие места создавать на периферии, где гораздо легче впитать эту рабочую силу. Например, вызывает удивление, что Япония, очень развитая страна, до сих пор практически не испытала проблемы дефицита трудовых ресурсов. Только сейчас она начинает понемногу ввозить рабочую силу. Но сами японцы говорят, что этот процесс для них неизбежен.

— *Когда в Японии возник дефицит труда на конвейере, они автоматизировали конвейерное производство, но не стали ввозить иностранцев.*

— Я и говорю, что есть некий оптимальный темп механизации рабочих мест и некие оптимальные масштабы децентрализации производства, которые позволяют использовать до определенного предела свое собственное население. Опыт Японии об этом свидетельствует. Причем японское население очень образованно и гомогенно по культурному цензу. Главным критерием дифференциации работников там служат личные способности, талант.

В Японии очень сильна децентрализация производства. Раньше японская экономика была многоярусной, как и наша, и

предполагала существование некоторого количества нижних, относительно трудоемких, этажей производства. Но они были пространственно отделены друг от друга, к тому же плотность населения в Японии достаточно высока. У нас же — огромная территория, которую можно охватить только транспортными сетями. Создать же всасывающий механизм с соответствующей мощной инфраструктурой нам очень сложно. Вот почему у нас появилась маятниковая миграция с системой электричек, рабочих поездов, общежитий и массой других механизмов концентрации труда в больших городах. Во многом это объясняется огромными масштабами нашей территории. У Японии же более благоприятные географические факторы для решения данной проблемы.

— *А в Европе была некоторая социалистическая лень, мешающая решению этой проблемы за счет внутренних ресурсов?*

— Может быть. Европейцы пошли иным, как им казалось — более легким, путем. Сейчас они ощущают последствия этого, но полностью миграцию не останавливают.

— *Теперь я хочу спросить вас о другом. Все-таки я сомневаюсь, что производство потребительских благ могло бы стать мотором нашего экономического подъема: мне кажется, не прослеживаются конструктивные реципиенты этих потребительских благ. Уровень потребления возрос бы, но какое приращение получило бы в результате производство?*

— Не надо забывать, что у нас уже была создана определенная структура производства товаров народного потребления, во многом скопированная с западных образцов. Это производство являлось важным элементом стабильности всей нашей социальной системы. Поскольку речь идет об укреплении, развитии и постепенной трансформации созданной нами системы, то в данном процессе производство потребительских благ, расширение этого сектора экономики должны были играть роль определенного катализатора. С одной стороны, у нас накопились социальные долги, а с другой — они и возникли потому, что появля-

лись передовые отрасли, новые потребительские образцы наверху нашей производственной пирамиды. Другими словами, сначала появлялись новые города, новые жилые кварталы с улучшенной планировкой и только после — социальные долги.

Например, в первые послевоенные годы речь ни о каких социальных долгах не шла, все жили одинаково. Но по мере того как возникали и расширялись отраслевые привилегии, появлялись и социальные долги. Сначала оторвались одни отрасли, затем другие, следом город оторвался от деревни. Где-то в середине 50-х годов стало понятно, что деревня в прежнем состоянии жить дальше не может. Появилась необходимость рассматривать положение в деревне как социальный долг. Но это случилось после того, как город сильно опередил деревню по части снабжения, цен, всякого рода гарантий.

Таким образом, социальные долги — это обратная сторона привилегий и предпочтений, на которые в свою очередь опирается избранный нами способ экономического развития.

— Я согласен, что ликвидация социальных долгов — необходимая мера для поддержания социальной стабильности, отчасти для поддержания трудоспособности нации, ее здоровья. Но мне все же непонятно, как должен был проявиться мотивирующий эффект роста потребления. Не впадаем ли мы здесь в ту самую "благонамеренность" политэкономии социализма, о которой вы говорили? Ведь в свое время не только от вас можно было услышать, что людям надо дать больше потребительских благ — и они станут лучше работать. А на самом деле они больше пили, в том числе и на работе, гонялись за импортным ширпотребом. Разваливались семьи, снижалась мотивация к получению образования, квалификации, зато возрастал интерес к сексу, к "красивой жизни". Мне трудно поверить, что все эти явления могли быть повернуты вспять увеличением доходов и их товарного покрытия.

— Вы говорите о процессах социального вырождения, которые шли быстрыми темпами. Этот процесс действительно

приобретал автономный характер, превращался в независимый фактор кризиса. Но истоки его — это, на мой взгляд, отсутствие в обществе позитивных мотиваций, а их отсутствие я связываю с тем, что у нас не существовало какой-либо разумной социальной стратификации. Прежняя стратификационная система уже исчерпалась в силу исчезновения нижних ее слоев, а слои более высокого уровня не наращивались. Зато появились крупные асоциальные контингенты. В определенном смысле можно сказать, что общество стало социально однородным: стратификационные слои перемешались и превратились в некую совокупность мафий.

Я уже говорил, что наше общественное устройство представляло собой систему обособленных административных конгломератов — оборонная промышленность, армия, КГБ и т.д. Кроме того, было море людей, за которыми не стояла никакая сила. Они просто боролись за свое выживание. Центробежные тенденции в этих условиях все больше нарастали, и социальная система расшатывалась. В середине 70-х годов стало понятно, что снятие социального напряжения политическим путем уже невозможно. Но я не считал ситуацию фатальной, потому что к решению той же проблемы можно было подойти конструктивным экономическим путем. Мы резонно предлагали, с одной стороны, переместить часть квалифицированных ресурсов в те отрасли, которые перепотребляют сырье и материалы, а с другой — создать потребительские стимулы для того, чтобы люди эффективно работали. Вот два основных направления структурного оздоровления экономики, вполне реальных и возможных при условии снижения военной нагрузки.

— *Возьмем для примера строительство и ремонт дорог. Всем известно, что эта отрасль работала из рук вон плохо. Считаете ли вы, что если бы занятым в ней рабочим стали больше платить и лучше обеспечивать их товарами, то они начали бы лучше работать? Ведь в конце 70-х годов их зарплата и без того была довольно высокой.*

– Дорожные рабочие были по существу маргиналами. Их тяжелый и грязный труд не компенсировался высокой зарплатой, потому что они, как правило, жили в общежитиях. И задача для нас, если понимать ее широко, заключалась в формировании неких жизненных устоев, жизненной среды, в обеспечении людей не только товарами длительного пользования, но и жильем, системой рекреации, в ликвидации перепадов социальных гарантий между отдельными сферами. Таким образом, речь шла не о вульгарном экономическом стимулировании, как часто писали наши политэкономы, а о создании упорядоченной, самовоспроизводящейся социальной среды, в которой действовали бы стабильные мотивации, влияющие на механизм экономической динамики.

– *А как обстояло бы дело с верхними эшелонами управления?*

– Мы с вами с помощью Антоновой уже раньше пришли к выводу, что централизованные, во многом хаотичные, часто неточно адресованные плановые воздействия разрушают организационную среду предприятий. Разрушают до такой степени, что рациональные управленческие установки замещаются иррациональными, отражающими взаимодействие предприятий с соответствующими более высокими эшелонами управления. Это становится производственной и организационной нормой. Между тем очень часто пространство для рациональных организационных действий остается свободным.

Нашей бедой была дезинтеграция верхних уровней управления, ничем не сдерживаемый ведомственный эгоизм. Очевидно, что амбициям сильных ведомств требовалось поставить твердый предел. Тут нужна была определенная централизация, восстановление единой экономической воли. Наряду с этим могла осуществляться и децентрализация, но иная, сопряженная с ответственностью за свои действия. Однако свернуть шею суперведомствам было в те годы чрезвычайно трудно — они сами могли свернуть шею кому угодно. Осуществить эту задачу мог только очень сильный человек, незаурядный политик. Некоторые счита-

ют, что таким человеком мог стать Андропов, но мне трудно об этом судить.

— *Предположим, у нас нашелся бы политик, который сумел бы остановить гонку вооружений и снять с экономики военную нагрузку. Естественно, что тогда встал бы вопрос о разумном использовании экономического потенциала, сосредоточенного в военно-промышленном комплексе. Но не думаете ли вы, что в этом случае усилилась бы опасность осуществления неких магнакальных проектов, наподобие поворота сибирских рек? Ведь гонка вооружений ставила перед промышленностью достаточ-но конкретные цели и тем самым сдерживала лоббистские группировки, требовавшие ресурсы под размахистые программы, которые вы сами назвали шизофреническими. За примерами ходить недалеко: вспомним хотя бы проект строительства в Западной Сибири крупнейшего в мире нефтехимического комплекса. Реализация этого проекта была остановлена во многом благодаря вашим усилиям¹. Не опасаетесь ли вы, что наша экономика стала бы ареной борьбы ведомственных структур, отстаивающих поподобные суперпроекты и обещающих золотые горы от их реализации?*

— Конечно, квазиэкономика, о которой вы говорите, производная от всякого рода технократических замыслов, представлений, самоутверждения бюрократических слоев управления, существовала. Но она имела место по большей части там, где принимались номинальные решения, не подкрепленные ресурсами, и приоритет таких решений был относительно низким. Конеч-

¹ Речь идет о принятом Советом Министров СССР в конце 1988 г. решении начать совместно с американскими и японскими фирмами строительство в Западной Сибири пяти крупных нефтегазохимических комплексов и объектов их обеспечения. По инициативе Ю. В. Яременко в Академии наук СССР была проведена экспертиза этого проекта. Ее результаты нашли отражение в письме группы видных ученых и специалистов "Еще одна "стройка века"?", опубликованном газетой "Известия" 4 апреля 1989 года. Авторы письма доказывали, что реализация проекта нанесла бы тяжелейший удар по нашей экономике. В результате серьезной критики проекта правительственное решение было отменено.

но, там произрастала буйная чиновничья поросль. Как можно, например, поднять сельское хозяйство, не обеспечивая его реальными капиталовложениями? Это самогипноз, шизофрения, но они проявлялись в той сфере, которая с самого начала занимала очень низкое место в нашей производственной иерархии. Вообще квазиэкономика разрослась на нижних этажах хозяйственной структуры, где мы были не в состоянии вкладывать замещающие ресурсы, а только имитировали этот процесс. Ресурсное наполнение вытеснило бы имитацию. Правда, иногда псевдоэкономика расширяла свои границы, но все же, повторяю, в основном она существовала на нижних уровнях приоритетов, главным образом из-за отсутствия адекватных действий в распределении ресурсов.

— Но ведь в высших эшелонах власти, аппарата управления положение занимали самодовольные, ленивые, низкоквалифицированные люди, на которых не было никакой управы. Неужели вы могли бы ожидать, допустим, от Брежнева, что он станет принимать разумные, квалифицированные решения, заботясь при этом о благе всей страны?

— Вы во многом правы. При Сталине была создана управленческая система, обладавшая способностью мобилизовывать ресурсы, особенно в чрезвычайных ситуациях. Эта мобилизация осуществлялась очень жестким путем, с большими человеческими жертвами, но поставленных целей зачастую достигала. В послесталинскую эпоху единая централизованная воля стала исчезать, все более сменяясь системой борющихся клик. Законы, по которым жила сама партийная верхушка, — законы мафии, стали — это особый предмет для изучения. На верхних этажах власти, в партийной среде происходила селекция кадров, в результате которой всплывали серые люди. И эта серость влияла на управление хозяйственной деятельностью. Понятно, что люди, прошедшие процесс отбора в партийной среде и делегируемые на различные посты в армии, промышленности, КГБ, порождали там те же самые нормы партийного отбора. В результате возникала существенная граница между исполнителями и высшим руководством.

Таким образом, слой высших руководящих работников, растекаясь с партийной вершины и покрывая практически все общество, сильно сдерживал наше развитие, так как исполнители вынуждены были взаимодействовать с этим руководством. Людям приходилось тратить на такое взаимодействие свой труд, силы и таланты. Все наше общество было поражено этим пороком. Но я считаю, что этот порок не был смертельным. Мы жили под мертвым колпаком, но под ним продолжалась живая жизнь, происходило какое-то развитие. Вы сами много раз мне рассказывали, каких незаурядных людей встречали среди хозяйственных руководителей, и что их довольно много². Считать, что эти люди не оказывали никакого влияния на принятие хозяйственных решений, совершенно неправильно.

Конечно, при Сталине административная система была примитивной и не столь огромной по своим масштабам. В более позднее время она превратилась уже в особую культуру, что качественно изменило ее воздействие. Ситуация стала в этом отношении более тяжелой, чем была при Сталине.

— Правильно ли я вас понял, что к середине 70-х годов наше общество подошло к такому рубежу, когда перед ним встал вопрос о некотором переустройстве системы управления?

— Мне не совсем ясно, почему вы спрашиваете именно про 70-е годы, а не, к примеру, про 60-е или 80-е. Мы жили в состоянии перманентного кризиса. Что вы имеете в виду, говоря о 70-х годах?

— Я сошлюсь на вас же. Вы говорили, что до определенного времени у нас существовало некое сословное общество, создававшее сильные мотивации перехода из одного сословия в другое. На каждой иерархической ступени происходил социальный конкурс, что являлось фактором экономического роста. Правда, можно

² Имеются в виду наблюдения, полученные С. Белановским при проведении углубленных интервью с руководителями производства. Часть этих интервью опубликована в сборниках: Производственные интервью. Вып. 2,3. М., 1991.

сказать, что любая развивающаяся страна проходит через эту стадию. А вопрос заключается в следующем: что должно было стать источником экономического роста, когда сословное общество себя исчерпало и сами сословия растворились?

— У нас исчерпались первичные ресурсы. Это и стало причиной остановки экономического роста. Все экономическое строительство шло за счет первичных ресурсов, пока они не были выбраны. Если говорить о наращивании все новых стратификационных этажей, — а это наукоемкие отрасли, — то такое наращивание возможно лишь при наличии определенного потенциала динамизма. У нас этот потенциал создавался за счет огромных по масштабам сфер малоквалифицированного труда. Когда возник дефицит такого труда, потенциал динамизма истощился. Нарушилась вся система макроэкономического равновесия. Мы могли развиваться дальше только поедая сами себя, что и стали делать в 70-е годы с большим вредом для своего здоровья, так как компенсационные затраты шли через разрушение окружающей среды и т.п. Этот процесс саморазрушения стал захватывать и верхи, поэтому их деградация связана также и с социальными болезнями самого общества.

— Можно ли сказать, что в 70-е годы качество управления обществом упало по сравнению с 60-ми годами?

— У меня осталось такое ощущение, что качество управления страной снижалось с каждым годом. Но я хотел бы возразить против упрощенной трактовки этого процесса. С течением времени наша экономика усложнилась, сильно диверсифицировалась. Отсюда существенное расширение системы управления, в частности увеличение числа планово-экономических показателей. Высказывалось мнение, что по этой причине плановые органы — Госплан, Госснаб и другие — столкнулись с информационной перегрузкой, не успевали перерабатывать поступающую к ним информацию. А поскольку управление замыкалось на них, то возникла так называемая пробка в управлении, поэтому вся эта система стала пробуксовывать. С моей точки зрения, такое объяснение сильно упрощает проблему.

Конечно, усложнение структуры экономики находило свое отражение в увеличении числа балансов. Но главная проблема заключалась не в этом. Система управления усложнялась гораздо быстрее, чем сама экономика. Причиной такого опережения было нарастание ресурсного напряжения.

Внешне все выглядело следующим образом: усложняется система производства, и это влечет за собой усложнение системы управления. Но на самом деле система производства и раньше была сложной. Рост ее сложности действительно приводил к увеличению числа балансов, однако число контролируемых экономических параметров росло гораздо быстрее, чем усложнялась сама система экономики. Приходилось все больше показателей ставить на контроль, потому что усиливалось экономическое напряжение, возрастал общий структурный дисбаланс.

За сырьевые ресурсы мы платили мощными капиталовложениями, создавая гигантские, циклопические — даже в масштабах мировой экономики — отрасли. В результате наша экономика вошла в ту стадию, когда экстенсивному расширению постоянно предшествовали технологические барьеры, не взяв которые, нельзя было двигаться дальше. Но таких замещающих воздействий мы производить не могли, поэтому увеличивался плановый, административный прессинг, выражавшийся в лозунге "Любой ценой!". Соответственно, рациональное административное начало и качество управления снижались — вопреки всем попыткам чисто технократического их усовершенствования. Эти попытки выражались, в частности, в усложнении системы управления, внедрении многочисленных АСУ и т.п. Но несмотря на прилагавшиеся усилия, мы в 70-е годы действительно вошли в полосу структурного кризиса, что нашло свое отражение в кризисе системы управления. Структурный кризис и стал первопричиной кризиса управления. А преодолен он мог быть только через изменение хозяйственных приоритетов.

— *Что вы можете сказать о динамике квалификации и качества кадров в высших управленческих органах?*

— Я был немного знаком со специалистами, которые работали в сводных отделах Госплана. Мне казалось, что в 70-е годы кадровый состав Госплана сильно разжижился. Повысился удельный вес женщин-чиновников. Но женщины большей частью занимались технической, исполнительской работой. Содержательной же работой занимались в основном мужчины, которые при первом удобном случае уходили куда-нибудь в ЦК.

Кроме того, с определенного момента времени конкурентом Госплана, его сводных отделов, стал Совмин, что вызвало сильный отток функций из Госплана. Особенно этот процесс усилился при Рыжкове. Возникло многовластие: с одной стороны — экономический отдел ЦК КПСС, думающий за всю страну, с другой стороны — сводный отдел в Совмине и, наконец, — сводный отдел в Госплане. Причем все они руководили только гражданским сектором экономики. Оборонной промышленности и ее взаимодействия с гражданским сектором они не касались — об этом думали Военно-промышленная комиссия и оборонный отдел ЦК КПСС. В результате управление было дезинтегрировано.

А вообще уровень экономического самосознания в нашей стране всегда оставался очень низким. Существовали просто очередные политические задачи, было какое-то количество ресурсов, и делались попытки увязать одно с другим. К этому сводилась вся деятельность управляющих органов.

— *Кто в таком случае управлял страной?*

— Такой гигантской страной управлять трудно. Она как-то жила и сама себя, конечно, не понимала. Единоначалие было только в период войны и какое-то время после войны. Впрочем, дело не в единоначалии. Наш способ существования в книгах не описан. Он и доныне во многом остается необъясненным.

— *Правильно ли я вас понял, что военную и гражданскую промышленность никто не координировал?*

— Да. Военная промышленность жила своей жизнью и стремилась максимально автономизироваться. У нее было все свое, начиная с лучшей строительной базы и кончая энергетикой, ма-

шиностроением, городами. У военной промышленности были даже свои золотые прииски.

– *А если вернуться к Госплану – что за люди управляли нашей экономикой?*

– Уже в 70-е годы в Госплане было очень много циников, и этот цинизм вырастал из сильнейшего идеологического давления, которое испытывали в своей деятельности органы управления. С одной стороны, они должны были управлять экономикой, то есть определять общие суммы капитальных вложений, темпы роста и т.д., а с другой стороны, вся сумма общих цифр очень часто являлась не более чем бутафорией. Реальные решения принимались на уровне министерств, на уровне ВПК. На верхних же этажах управления существовал комплекс ритуальных действий, демонстрирующих благие пожелания в виде оценок общего экономического потенциала, планирования темпов роста, общих объемов капиталовложений, их распределения между отдельными отраслями. Но при этом заранее было известно, какими должны быть все эти показатели. Например, для темпов экономического роста существовала цифра – не меньше 4-х процентов. Такого рода ритуальные цифры потом пропагандировались в печати и все больше отрывались от действительности.

– *Эти цифры были завышенными?*

– Не только. Они были бессодержательными, потому что не отражали реальных сложных процессов, происходивших в экономике. Дело в том, что экономическая динамика в военном и гражданском секторах была противонаправленной. В военной сфере концентрировались высокие технологии. Если все наше вооружение конца 70-х годов – нейтронную бомбу, рентгеновский лазер, крылатую ракету, систему «Буран» и многое другое – оценить в мировых ценах, то не исключено, что при подсчете общих темпов экономического роста мы получили бы те самые три или четыре процента. Но такой результат нельзя считать содержательным, и не только потому, что вооружение никак не работало на

экономику страны и не отражало ее конечных потребностей. Бурный рост высокотехнологичного военного производства сопровождался деградацией остальной экономики.

К тому же надо еще учитывать, что реальная ситуация маскировалась неадекватной системой цен. Спад производства гражданской продукции камуфлировался дутыми отчетами, а величина военных расходов искусственно уменьшалась посредством занижения цен. В гражданском секторе шла инфляция, а в военном — дефляция. Очень трудно сказать, какое в итоге получалось сальдо. Наверное, на этот вопрос и нельзя дать корректный ответ, потому что не ясно, на основе какой методологии следовало бы проводить такие расчеты.

Вот почему я говорю, что сводные экономические показатели становились все более бессодержательными. И однако именно они клались в основу расчетов народного хозяйства, в которых накапливалось все больше натяжек, фальши, вранья. Мои наблюдения привели меня к выводу, что разрыв между ритуальной стороной и реальными действиями в области управления экономикой с течением времени ощущимо нарастал.

— Но реальные действия по управлению экономикой все же предпринимались?

— Предпринимались, конечно, но были сильно дезинтегрированными и осуществлялись как бы на неформальном уровне. Существовал Совмин, существовали министерства, которые стали уже во многом автономными и действовали в своих отраслях каждое по-своему. Тем не менее Госплан и Совмин владели общей суммой капиталовложений и определяли общую стратегию — лимиты для всех. Это был основной рычаг воздействия на экономику. Однако чем дальше, тем больше их деятельность стала превращаться в профанацию — выведение общих цифр, изображающих некий нормативный процесс экономического роста, каким он должен был быть по замыслу идеологов. Единый контроль за экономикой утрачивался, заменяясь фикцией и освобождая пространство для действий суперведомств.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

**Современная ситуация в России: криминальная демократия.
Причины криминализации страны. Влияние внешнего давления на
институциональные структуры общества. У советской системы был
собственный путь эволюционного развития**

— Как бы вы охарактеризовали современное состояние российского общества?

— С моей точки зрения, у нас формируется криминальная демократия.

— Почему?

— Конкретная ситуация, возникшая у нас в стране, это порождение нового образа жизни в экономике.

Начинать рассмотрение данной проблемы, на мой взгляд, следует с нашего валютного курса, так как он необычайно стимулирует экспорт сырья. Практикуются вывоз в сопредельные государства, перепродажа. Валютный курс — это не вторичное явление. Имеется очень большой разрыв между внутренней ценой и денежными суммами, получаемыми в результате конвертации вырученной валюты в рубли. Это и есть валютный курс. Получай разницу и живи в свое удовольствие.

Завышенный валютный курс доллара по отношению к рублю как стимулятор экспорта, позволяющий увеличить валютные ресурсы государства, кажется в первом приближении оправданным. Такой логики придерживались и некоторые другие страны, например Польша, когда она вводила коммерческий курс национальной валюты. Но к нашей действительности эта

логика никакого отношения не имеет, поскольку страна у нас очень большая и главным экспортным ресурсом является сырье. В отличие от других товаров, сырье не нуждается в завоевании рынка с помощью искусственного валютного курса, потому что оно всегда может экспортироваться, его рынки худо-бедно, но существуют. По этой причине введение свободного валютного курса у нас ничего полезного с собой не несет. Более того, форсирование экспорта сырья с помощью такого валютного курса имеет для нашей экономики разрушительные последствия, так как целиком подменяет собой внутреннее воспроизводство стимулов к инвестиционной деятельности, к наращиванию производства.

Например, руководители нефтяной промышленности постоянно требуют от правительства больших инвестиций для приведения цен и прибыли в соответствие с их потребностями. Но при этом они ориентируют свои поставки на внешний рынок, на приобретение валюты, а полученные рублевые инвестиции остаются как бы их карманной валютой, валютой второго сорта. Отсюда получается, что воспроизводственная ценность рублей гораздо ниже, чем воспроизводственная ценность валюты. Такая ситуация начала приобретать все большие масштабы, и именно потому, что у нас был преждевременно допущен свободный валютный курс.

Второе следствие конвертируемости рубля — это существование внутри нашей экономики мощного стимула к сближению внутренней выручки с той, которая получается в результате валютных экспортных сделок. Таким образом, введение у нас свободного валютного курса расшатывает внутреннюю структуру цен, стимулируя постоянный отрыв цен на сырье от цен на продукцию обрабатывающей промышленности, чем и запускается мотор инфляции.

На самом деле экспортный потенциал у нас очень ограничен, поэтому экспортные квоты и становятся предметом подкупа и коррупции, а вдобавок возникает стремление к крупномасштабному нелегальному экспорту. Такой экспорт

оказывается чрезвычайно прибыльным, что и порождает криминальную экономику.

Наша налоговая система также становится центром криминальной экономики. Она исключительно нерациональна. Принцип множественного обложения делает многие виды продукции, как и отрасли, неконкурентоспособными. Например, даже часы на внутреннем рынке продаются с трудом из-за удвоения их стоимости. Понятно, что производители очень часто стремятся уклониться от столь тяжелого налогового бремени. В свою очередь такая система налогообложения является следствием централизованной экономики, от которой мы никак не можем уйти. Все ее компоненты у нас остались. Отличие от прошлого заключается только в попытке заменить натуральное распределение сырья, прямое распределение ресурсов финансовым централизмом. Отсюда и возникает жесткая налоговая система.

Таким образом, криминогенные предпосылки заложены уже в самом противоречивом характере нашего государства, где, с одной стороны, сохранились многие институты прежней империи, такие, как армия, система госбезопасности, ВПК, а с другой — предпринимаются попытки совместить все это с денежным хозяйством. Такие попытки и порождают совершенно уникальную налоговую систему, гигантское налоговое бремя, для многих производителей просто невыносимое. К тому же отсутствует (и это, может быть, к лучшему) система налоговых сборов, что создает условия для ухода от уплаты налогов, для теневого производства продукции, теневого оборота, на обслуживание которого уходит огромное количество наличных денег, вообще не попадающих в результате под налогообложение. Уже сейчас наблюдается развитие такого рода параллельной экономики с теневым денежным оборотом.

Есть еще и третий центр напряжения в нашей экономике. Сохранились все мафиозные, монополистические структуры, сложившиеся раньше в системе распределения и торговли. В

этом отношении наш рынок по-прежнему на четверть или наполовину остается монопольным для системы торговли. Такое положение вполне совместимо со свободными ценами, то есть существует возможность, отпуская цены, все время сохранять разницу между рыночными реальными и так называемыми закупочными ценами для системы торговых объединений. Закупочные цены все-таки назначаются и бывают гораздо ниже рыночных, а получающаяся разница делится между посредниками и руководством крупных торговых объединений. В этом смысле нереструктурированный сектор торговли превращает весь потребительский рынок в мафиозное пространство колоссальных масштабов. Мне кажется, что уже сейчас альтернатива такой торговле встречает сильное сопротивление. Сдерживаются попытки прямого выхода предприятий на потребителя, создание кооперативной торговли. Мафиозный рынок здесь является преобладающим. Более того, из сферы распределения товаров народного потребления он переместился в сферу торговли сырьем и материалами, оборудованием.

— *Если я правильно вас понял, криминализация нашей экономики обусловлена тремя основными причинами. Это валютный курс, налоговая система и сохраняющийся монополизм в сфере торговли.*

— Не только это. Можно продолжить перечисление причин, порождающих криминальный рынок. Например, огромные перепады в уровне цен и хозяйственного благополучия между отдельными территориями внутри России, что создает стимулы для миграции товарных потоков с одной территории на другую. Отсюда — возникновение крупномасштабного посредничества. Далее, неравенство прав субъектов хозяйствования, когда одни субъекты могут заниматься кооперативной деятельностью, а другим это не разрешено. В целом все элементы неравновесия, неравноправия, неравнозначности порождают теневые структуры экономики и тяжелую криминальную среду, которая уже далеко вышла за пределы розничной торговли. Наглядным при-

мером тому служат нефтяной бизнес, монополизация рынка цветных металлов. Конкуренция здесь ведет к образованию соперничающих мафиозных структур, имеющих также и национальные черты, — вьетнамские, чеченские и другие группировки. Это в свою очередь порождает сложные социальные, этнические проблемы.

К сожалению, весь этот комплекс проблем плохо осознается обществом. По-прежнему в средствах массовой информации сохраняется нормативная заданность самого предмета дискуссий, на поводу у которой идет общественное мнение. Нельзя сказать, что существует табу на обсуждение вопроса о степени и масштабах криминализации нашего общества, нашей экономики. Тем не менее эта проблема не вскрыта должным образом в средствах массовой информации, более того, ее обсуждение не поощряется. Мне непонятен механизм, посредством которого одни вопросы у нас постоянно всплывают для обсуждения, а другие замалчиваются. Но это так.

Мы все находимся под гипнозом тех, кто вещает через наши средства массовой информации, обладающие фантастической властью над сознанием и стереотипами поведения людей. Возникает парадоксальная ситуация: ты понимаешь, что тебя гипнотизируют, и тем не менее оказываешься под воздействием этого гипноза в силу подбора предлагаемых тем и того, что самое главное, самое существенное в них остается за скобками. В результате, хотя наше общество перерождается и у нас складывается криминальная демократия, но этот процесс почему-то не становится предметом изучения.

Конечно, данную ситуацию можно объяснить по-разному: журналисты куплены, демократы боятся афиширования щекотливых проблем, а остальные просто боятся мести мафиозных структур. Но в любом случае остается фактом, что должной оценки криминализации нашего общества не дано, тогда как примеры многих стран мира, и в первую очередь США, свидетельствуют о необходимости такой оценки.

Весьма показательно, что даже такая богатая, благополучная, организованная, жестко упорядоченная страна, как США, не смогла до конца справиться со своими мафиозными структурами, в частности с наркомафией, хотя расходует на борьбу с ней гигантские средства. Существующая там гетерогенная этническая и социальная среда необычайно благоприятствует возникновению и воспроизводству криминальных структур. А в Латинской Америке они приобрели просто колоссальные масштабы. Иная ситуация наблюдается в Европе, где до последнего времени сохранялась этническая гомогенность (которая, кстати, и явилась почвой для развития социалистических идей: французы, например, считают, что именно по этой причине социализм есть сугубо европейское явление). Из-за этнической гомогенности криминальная сторона капитализма Европу в значительной мере обошла.

Наша страна сейчас по многим характеристикам представляет собой весьма гетерогенное общество, что создает питательную среду для криминогенных, мафиозных структур. В этом отношении мы вполне сравнимы с США и Латинской Америкой. Так что у нас есть все основания для опасений и для обсуждения данного круга проблем. Но они, к сожалению, всерьез не обсуждаются.

— *Прокомментируйте, пожалуйста, выражение "криминальная демократия". Какой смысл вы вкладываете в эти слова?*

— Нашему народу знакомы сейчас дисциплина и нормы гражданского поведения только такие, какие были характерны для нашего прежнего общества. К сожалению, негативная реакция на прошлое у многих выливается в отрицание порядка и государственности вообще. Эти нормы отрицания сейчас преобладают. Непонятно, когда у нас сложатся новые и приемлемые нормы гражданской жизни. Сейчас же мы находимся в тяжелом промежуточном состоянии, которое таит в себе колоссальную опасность. Она состоит в том, что общество может не найти в себе достаточно сил для создания такого режима, который, с одной стороны, не отождествлялся бы с прошлым, а с другой —

воспрепятствовал бы полной криминализации нашей экономики, административных и иных структур. Говоря о криминальной демократии, я имею в виду, в частности, то, что демократия у нас очень незрелая, неразвитая, что она еще не осознает, не понимает себя. В ней отсутствуют необходимые элементы, придающие демократии внутреннее равновесие .

— *Хочу снова вернуться к предыдущему периоду нашей истории. Как вы полагаете, мы должны были бы и дальше жить с тем институциональным устройством, которое сложилось в брежневское время?*

— Говоря чисто гипотетически, мы могли бы идти путем постепенных изменений. В результате, возможно, началась бы демократическая эволюция наших институтов. Но это лишь гипотеза, для практического осуществления которой требовались менее жесткие условия нашего существования во внешнем мире, поскольку экзогенное давление было, как мне кажется, доминирующим по отношению ко всей нашей внутренней среде, в том числе институциональной. Сила давления порождала силу сопротивления, которая выражалась в жесткости наших институтов, переходя затем в консерватизм и даже вырождение. В результате этой жесткости, перекрывающей, образно говоря, кровеносные сосуды, появлялись элементы дистрофии. Таким образом, если иметь в виду не гипотетические варианты, а реальную действительность, с неблагоприятной для нас внешней средой, то реальность толкала в тупик, где мы, поедая сами себя, загнивали все больше.

Хотя в ходе истории нет фатализма, но на примере нашего государства видно, что внешнее окружение может стать главным фактором, формирующим институциональное устройство общества. Наша история показала, что нельзя конкурировать сразу со всем миром — с Китаем, Европой, Америкой. В этой мировой конкуренции мы и проиграли. Вдобавок мессианская коммунистическая идеология все время подталкивала нас к такой конкуренции, хотя в 70-е годы идеологический фактор был уже не пер-

вичным, а чисто служебным по отношению к нашей позиции в военных вопросах. Мы все время стремились выйти на активные рубежи в мировом соперничестве, причем нам то и дело представлялось, что мы обретаем второе дыхание.

Это ощущение сформировалось в конце второй мировой войны, когда, казалось, еще чуть-чуть — и наши претензии на доминирующее положение в мире будут реализованы. Тогда так не получилось. Вторая попытка была предпринята при Хрущеве, когда возникло представление, что "третий мир", обретший независимость, может склониться в нашу сторону. И на этот раз мы опять потерпели фиаско. Далее начались попытки расколоть "третий мир" и, выделив в Африке, в Латинской Америке революционные страны, опереться на них. Это тоже не принесло нам успеха. Но, как бы то ни было, существование в условиях военной и экономической конкуренции сильно сказалось на наших экономических и институциональных структурах.

Вместе с тем я не могу разделить ту распространенную точку зрения, согласно которой наша общественная система, называть ли ее социализмом или плановой экономикой, была изначально обречена на провал. Я не считаю ее генетически обреченной общественной формацией. На мой взгляд, никакого фатализма здесь не было. Нас подорвали внешнее давление и милитаристские амбиции как реакция на него. Но наш милитаристский импульс, что бы ни говорили по этому поводу, явно угасал. Больше еще одного — двух десятилетий он бы не сохранился. Аэрокосмические суперпрограммы начала 80-х годов были, на мой взгляд, последней отчаянной попыткой удержаться в прежнем русле. Нас многое толкало к тому неконструктивному сценарию перестройки, который был осуществлен, однако я не считаю, что он был фатально неизбежным.

— Но в стране по существу отсутствовала легитимная власть. Это был сильный козырь диссидентов, которые задавали вопрос: по какому праву КПСС руководит страной? Кто ее выбирал? Примерно в 1987 году этот вопрос был публично

задан одному из работников ЦК КПСС, и тот не нашелся, что ответить.

— Вы говорите о демократии. А что такое демократия? Всего лишь выборные структуры власти. Граждане выбирают, допустим, между Клинтоном и Бушем. Это западная норма жизни. Мы же пытались создать принципиально другую цивилизацию. У нас была своя ветвь истории, свой путь эволюции, двигаясь по которому, мы могли создать легитимную власть.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

О причинах инфляции. Изменения структуры цен. О валютном курсе. Жесткая финансовая политика и ее деструктивные последствия. Политические мотивы либерализации цен.

— В прошлый раз вы затронули вопрос о причинах нашей инфляции. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

— Недавно¹ я присутствовал на правительственном совещании по данному вопросу. На совещании выступал новый вице-премьер Борис Федоров², который заявил, что анализ причин инфляции — бесполезное занятие, что нужно не анализировать инфляцию, а бороться с ней, и что он будет это делать. Далее он сказал, что если инфляцию не остановить, то экономика и общество приспособятся к жизни в инфляционном режиме, однако это не лучший способ адаптации, так как проблема инвестирования в таких условиях нерешаема, а производство в лучшем случае будет держаться на плаву, но не расти.

Смысл моего ответного выступления состоял в следующем. Если мы хотим извлечь какие-то выводы из той политики, которую правительство проводило в прошлом году, то главное внимание необходимо сосредоточить на том, что означала либерализация цен. А означала она не просто тотальный их рост, но

¹ В апреле 1993 года.

² Федоров Борис Григорьевич (род. в 1958 г.) — вице-премьер Правительства РФ, с декабря 1992 по январь 1994 года, министр финансов в российском правительстве с июля по декабрь 1990 года и с марта 1993 по январь 1994 года.

одновременно и дрейф в сторону структуры мировых цен. Цены на сырье стали стремиться к мировым, а при существующем валютном курсе это означало их быстрый рост по отношению к ценам на продукцию обрабатывающей промышленности. На мой взгляд, этот дрейф в условиях технологического неравновесия и при искусственном валютном курсе, принятом в наших расчетах, стал мощным фактором продолжения и ускорения инфляции.

Механизм этого явления понятен. После отмены государственной монополии на внешнюю торговлю продавать сырье за границу стало очень выгодно, а на внутреннем рынке — очень невыгодно. Чтобы не оставить страну без сырья, государство сохранило твердые цены на сырьевые ресурсы и одновременно ввело экспортные квоты. Но разрыв в уровнях рентабельности оказался настолько велик, что правительству трудно выдерживать давление со стороны руководителей сырьевых отраслей, которые к тому же начали угрожать забастовками своих трудовых коллективов. И если забастовки угольщиков сейчас не катастрофичны, то аналогичные забастовки работников нефтегазового комплекса способны поставить всю страну на колени.

Надо признать, что требования руководителей сырьевых отраслей во многом справедливы. Общий рост цен резко увеличил издержки в этих отраслях, что в условиях существования твердых цен на их продукцию привело к падению рентабельности до отрицательных значений. Доходы перестали обеспечивать текущее производство, не говоря уже об инвестициях (а без инвестиций поддержание производства в долгосрочном плане немыслимо).

Итак, внутренние цены на сырье, в первую очередь на энергоносители, стали подтягиваться к мировым, исчисленным в рублях по курсу доллара. Выросли также экспортные квоты и доходы соответствующих отраслей в валюте. Этот процесс и стал мотором нашей инфляции. Механизм его действия таков. Валютные доходы позволили руководителям добывающих отраслей сильно повысить зарплату своим работникам (а не повысить было

нельзя, так как трудовые коллективы требовали своего куска пирога). Рост зарплаты работников этих отраслей вызвал необходимость подтягивания зарплаты в других отраслях. Последовавший за этим рост цен на потребительскую продукцию спровоцировал новую волну требований нефтяников, угольщиков и т.д. Сходные процессы идут и в производственном секторе, поскольку рост цен на энергоносители порождает соответствующие ценовые сдвиги в энергоемких отраслях — металлургии, транспорте и других, что в свою очередь влечет за собой рост издержек у производителей энергоресурсов.

Таким образом, до тех пор, пока наши внутренние цены продолжают двигаться в сторону мировых, инфляция будет нарастать. Более того, я утверждаю, что чем дальше мы смещаемся от исходной структуры цен, которая соответствует технологической структуре нашего производства, тем сильнее будут инфляционные импульсы, идущие именно от изменения соотношения цен в условиях неравновесной экономики. Можно даже сказать, что в дрейфе ценовых соотношений есть определенный рубеж, который вообще нежелательно переходить, так как за это придется очень дорого заплатить. Я вижу три принципиальные возможности:

либо нарастание дотаций в условиях плохо функционирующего денежного хозяйства (налоговой системы, бюджета) — это означает гиперинфляцию;

либо модернизация отраслей, выпускающих продукцию с высокими издержками, — на данном этапе это невозможно;

либо крупномасштабный спад производства и крупномасштабная безработица.

Понятно, что малое изменение структуры цен дает малый инфляционный эффект, а большое — большой эффект, крайним результатом которого станут спад производства и сопровождающая его явная или скрытая безработица. Последний вариант тоже может означать гиперинфляцию, поскольку придется в массовом порядке дотировать неработающие, простаивающие производства.

Надо сказать, что действие инфляционного механизма, создаваемого изменением структуры цен, которое в свою очередь провоцируется низким курсом рубля, не заканчивается выше-названными последствиями. С каждым месяцем у искусственного валютного курса появляется некая объективная база, состоящая в том, что этот курс формируется на перепродаже товаров малой роскоши, всякого рода элитарных товаров, поступающих в престижные магазины. Многое зависит от масштабов спроса на них. Уже сейчас десятая часть граждан с наиболее высокими доходами получает около трети совокупного дохода населения. Это достаточно масштабное пространство, на котором создается объективная база для нашего спекулятивного по своей сути валютного курса. Наша страна, вывозя нефть, получает валюту, затем продает ее на валютном аукционе, где ее покупают спекулянты. Выезжая за рубеж, они приобретают на нее то, что считается у нас предметами роскоши (одежда, бытовая техника и тому подобные товары иностранного происхождения), а затем продают это у нас за рубли. Затем они снова приобретают на вырученные рубли доллары, получаемые в результате продажи нефти. Так создается искусственное потребительское пространство, которое не несет в себе ничего конструктивного с точки зрения интересов страны.

— *А в чем вы видите выход из такого положения?*

— В общем плане меры, направленные на остановку инфляционных процессов, должны сводиться к замедлению изменений в структуре цен, чтобы эта структура не сильно отрывалась от внутренней технологической, продуктовой структуры нашей экономики. Поскольку у нас нет сейчас возможности модернизировать экономику, то необходимы такие шаги, как введение принудительного валютного курса, ограничение роста доходов у спекулятивной части населения и, может быть, в некоторых отраслях, раскручивающих рост заработной платы, а также прямые действия по регулированию цен, например в виде ценовых соглашений между ассоциациями производителей.

Такая сумма мер — единственное, что может как-то остановить инфляцию.

По мнению Бориса Федорова, правительство Гайдара действовало правильно, но не владело техникой реализации бюджетных ограничений. Эта фраза характеризует его как своего рода технократа от финансов. Он даже издал словарь финансовых терминов, в котором проявляется его глубокое понимание сути этих английских слов. Сам Федоров еще довольно молод и в практической сфере почти не работал (точнее, очень недолго — в Европейском банке реконструкции и развития). Отсюда его дилетантство, самомнение и непрофессионализм. Он собирается проводить ту же линию, что и Гайдар, критикуя его только за незнание приемов и методов реализации финансовой политики. Это, конечно, свидетельствует отчасти о некоей финансовой культуре, которой в нашей стране, к сожалению, не хватает, как не хватает ей культуры и в других отношениях. Но по существу Федоров тешит себя иллюзиями.

Я утверждаю, что без предлагаемой мной суммы мер невозможно перейти к проведению структурной политики в экономике, так как инвестирование структурной перестройки предприятий, особенно в области конверсии, сейчас нереализуемо. Разговоры о такой перестройке являются в данный момент своего рода мимикрией экономического руководства, которому периодически напоминают о настоятельной необходимости ее осуществления. Грубо говоря, это известная чиновничья уловка: отрапортовать "Будет сделано!" — а там хоть трава не расти. Раньше говорилось о стабилизации экономики, и только потом предполагался какой-то рост. Теперь стало ясно, что никакой стабилизации нет, поэтому чиновники из Министерства экономики, легко пренебрегая очевидными вещами, заговорили о совместимости структурной политики с мерами по стабилизации. Я публично заявил, что такой курс нереалистичен, но мое выступление на упомянутом совещании не встретило особой поддержки.

Правительство сейчас находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, раздаются голоса, что надо повышать пенсии, минимальную заработную плату и т.д., с другой стороны, многим понятно, что это приведет к инфляционному толчку. Крайнюю противоречивость сегодняшней жизни признают все. В этих условиях и действия руководства страны неизбежно приобретают противоречивый характер, поскольку необходимо давать деньги направо и налево, но одновременно как-то бороться с инфляцией. Во всем этом проявляется некий фатализм, то есть ощущение, что нам уже не выбраться из инфляционного процесса. Но я считаю, что конструктивный выход из положения есть. Он заключается в том, чтобы сохранить сложившуюся у нас структуру внутренних цен, а не форсировать переход к мировым ценам.

— *Вы говорили, что цены в январе 1992 года отпустить не следовало. Прокомментируйте, пожалуйста, это утверждение.*

— Совершенно очевидно, что необходимо было сначала спрогнозировать последствия отпуска цен. При принятии данного решения правительство Гайдара руководствовалось тем, что товаров в магазинах нет, а у людей скопилось много денег.

Интересно, что наше общество заранее было осведомлено о предстоящем отпуске цен. Один раз об этом во всеулышание объявил Рыжков, а другой раз — Гайдар. В результате люди стали делать запасы; активизировались мафиозные структуры. После таких заявлений иного и быть не могло. Паника потребителей была спровоцирована. Тем не менее был сделан вывод, что у нас огромная скрытая инфляция и огромные дефициты. По мнению Международного валютного фонда, существовал только один способ от этого избавиться — поднять цены и ограничить денежную массу. Я понимаю, когда такого рода меры применяются, и может быть, даже с эффектом, в других странах, с расстроенным денежным хозяйством. Но действовать таким способом целесообразно лишь в том случае, если в какой-то благополучной стране у власти оказалось расточительное правительство, которое начало тратить слишком много денег. Тогда на смену ему

должны прийти умные люди, готовые все это прекратить, — они отпустят цены, ограничат бюджетное финансирование и тем самым восстановят равновесие на рынке.

Но в нашей стране дефициты были связаны не столько с избыточным финансированием государственного сектора, сколько с тем, что у нас, с одной стороны, крайне слабо развит потребительский сектор, а с другой — все основные каналы распределения перекрыты мафиозной государственной торговлей. В ходе перестройки шла активная борьба со всякими министерствами, ведомствами, госмонополиями, но на реформу торговли было наложено табу. Торговля владела и ныне владеет монополией на все производимые в стране товары и делает с ними все, что хочет. Монополия административного аппарата по отношению к товарным ресурсам сохранилась донныне.

В прежние времена экономика у нас, как бы то ни было, все-таки развивалась, росла квалификация людей. Но органический рост заработной платы все время наткнулся на жесткий, неэластичный потребительский сектор, уровень которого не соответствовал общему уровню развития экономики. В рамках той системы приоритетов, о которой говорилось раньше, постоянно появлялись сектора, лишенные льгот, и, соответственно, возникали социальные долги. Когда же начались экономические катаклизмы, то это в первую очередь сказалось на потребительском секторе. Кроме того, возросла бесконтрольность торговли.

Таким образом, накопилась целая сумма обстоятельств, создавшая ситуацию конца 1991 года. С одной стороны, это традиционная зажатость потребительского сектора; с другой — некоторые дополнительные факторы, мешавшие его прогрессу и даже вызвавшие некоторый регресс; с третьей — сохранение монстра госторговли; с четвертой — снятие с органов госторговли многих ограничений и видов контроля; с пятой — снятие контроля за величиной заработной платы; к этому надо еще добавить созданный правительственными заявлениями ажиотажный спрос. На мой взгляд, снятие контроля за ростом зарплаты в соответствии с

Законом о предприятии сыграло свою негативную роль, хотя в то же время явилось попыткой восполнить некоторые социальные долги. Но это был лишь один из факторов дефицита товаров, и, конечно же, не главный, как считают некоторые.

Ситуация конца 1991 года сложилась вследствие совокупности всех названных обстоятельств. Для предотвращения товарного кризиса требовалось каждое из обстоятельств анализировать отдельно и принимать соответствующие меры. Вместо этого было объявлено, что у населения накопилось слишком много денег, поэтому необходимы жесткие методы. Почему-то методы шоковой терапии и раньше вызвали большой соблазн у некоторых наших экономистов. Их готов был в свое время применить, например, Рыжков со своей командой. Вместо того чтобы делать конкретную работу, хотя бы исправлять ошибки, касающиеся Закона о предприятии, такие люди пошли по пути наименьшего сопротивления, полагаясь на автоматизм действия рынка, то есть на некое чудо. Тут сказалась и определенная идеологическая подоплека, но налицо была и просто административная несостоятельность тех, кому пришлось руководить нашей экономикой в тот период.

— *Что будет в случае продолжения жесткой финансовой политики?*

— Ничего хорошего не будет. В частности, в нашем институте сделаны расчеты, которые показывают, что может произойти, если отменить субсидии угольной промышленности. Согласно этим расчетам, субсидии все равно придется частично выплачивать. В противном случае возникает такой вариант, как закрытие шахт, переориентация нашей черной металлургии на польский уголь, который дешевле, и т.д. Другими словами, произойдут такие крупные изменения, к которым мы сейчас никак не готовы. К подобным сдвигам необходимо готовиться как в социальном, так и в производственном плане. Уже в который раз мы никак не можем оценить последствия своих действий, пускаемся в плавание, совершенно не осознавая, к каким берегам

пристанем. Сначала так поступил Гайдар, а теперь многие акции Федорова, особенно отмена субсидий, также чреватые последствиями, о которых он и его помощники даже не подозревают.

– *Вы имеете в виду сельское хозяйство, сырьевые отрасли?*

– Да, именно их. Мне кажется, когда Федоров говорит, что готов на деиндустриализацию, то он недооценивает масштабов грядущего спада. Ведь в силу взаимозависимости отраслей спад пойдет в целом по всей экономике. Если в сельском хозяйстве он отражается главным образом на жизненном уровне населения, то в металлургической, угольной, машиностроительной промышленности его последствия многочисленны. Я думаю, в высказываниях Федорова есть элемент легкомыслия, авантюризма, неоправданной жесткости, поскольку реальные масштабы спада в результате деиндустриализации он, конечно, не оценивал. В отличие от Гайдара, который оказался не готов принять возникший в результате кредитной эмиссии спад нашей экономики, Федоров заявил, что к этому готов. Он собирается осуществлять свою акцию, основываясь на селекции предприятий, вводя положение о банкротстве, давая кредиты только тем предприятиям, которые будут работать эффективно.

Очевидно, Федоров рассчитывает, что может провести этот спад каким-то управляемым способом. Но ведь платежеспособность предприятия зависит сейчас не только от эффективности его работы, а еще и от ценовых изменений. Масштабы же ценовых сдвигов настолько несоразмерны с возможным увеличением эффективности производства, что их влияние будет, конечно, доминирующим. Как же тогда определить, по какой причине предприятие оказалось на грани банкротства? По причине ли изменения цен или из-за неэффективного управления? Как в этих условиях выделить составляющую эффективности и сделать ее критерием отбора тех предприятий, которым следует или не следует давать кредиты? На мой взгляд, это практически невозможно.

В условиях ценового хаоса очень трудно проводить селективную политику. Кроме того, неплатежеспособными оказыва-

ются целые отрасли — легкая промышленность, пищевая, многие отрасли машиностроения. Поэтому, на мой взгляд, идея такой селективной политики несостоятельна. Мне кажется, что в этом случае многие жизненно важные с народнохозяйственной точки зрения предприятия окажутся финансовыми банкротами и наоборот.

— *Вы говорили, что либерализация цен была скорее политической, чем экономической мерой. Что вы имели в виду?*

— Я уже упоминал, что этот вопрос ставился задолго до прихода правительства Гайдара. Существовала совокупность обстоятельств, которая подталкивала к такому решению. Наряду с теми обстоятельствами, которые я назвал раньше, существенной причиной либерализации цен стали обострившиеся отношения с сопредельными республиками, прежде всего с Украиной и Прибалтикой. Там осуществлялась мощная кредитная эмиссия, быстро росли цены, что способствовало утечке туда товаров. В результате правительство Силаева столкнулось летом 1991 года с двумя тенденциями. Одна из них — распадающийся Союз, для сохранения которого России приходилось идти на разного рода жертвы. Другая тенденция — необходимость обеспечения самостоятельной жизни для России, необходимость проведения курса на экономическую автаркию, принятия жестких мер, которые отделили бы российскую экономику от остальных и тем самым привели бы к сокращению потерь.

В этой ситуации либерализация цен убивала сразу нескольких зайцев: являлась продолжением курса Павлова³, поскольку освобождение и повышение цен обесценивает сбережения; обесценивала накопления предприятий и тем самым сокращала инвестиционный спрос; создавала денежный полюс притяжения товаров путем повышения цен на них. Последнее, казалось, по-

³ Павлов Валентин Сергеевич (род. в 1937 г.) — министр финансов СССР в 1989 — 1991 годах, председатель Совета министров СССР в январе — августе 1991 года.

звolyало прекратить утечку товаров в Прибалтику и на Украину и даже повернуть эти потоки вспять, но не был учтен фактор внешней торговли за валюту. Наконец, и это самое главное, предполагалось проведение денежной реформы, то есть введение российского рубля. Однако цены после их отпуска так взлетели и конфискационный эффект оказался настолько значительным, что лишил смысла проведение такой реформы.

Может быть, все могло бы пройти и мягче, если бы либерализации цен не сопутствовало пятикратное удорожание нефтепродуктов. Оно придало ускорение повышению цен.

— *А как могло быть иначе? Ведь цены на энергоносители нельзя было оставить на прежнем уровне?*

— Конечно, нельзя, но все дело в масштабах повышения цен на энергоносители. Пятикратное их повышение с самого начала задавало масштаб общего ценового скачка. Если бы оно было, скажем, двукратным, всплеск цен не достиг бы такой величины. А при пятикратном повышении ускорение роста цен оказалось несоразмерным естественной их раскрутке, обусловленной структурным взаимовлиянием. Лучше было бы в дальнейшем еще несколько раз повышать цены на нефтепродукты, чем сразу дать им возможность пятикратно взлететь вверх.

— *Как повлиял рост цен в сырьевом секторе на другие отрасли народного хозяйства?*

— Рост цен на первичные и промежуточные ресурсы — на энергоносители, черные и цветные металлы, конструкционные пластмассы, продукты основной химии и т.д. — предопределил рост издержек не только в обрабатывающих отраслях. У сырьевых отраслей имеется также и свой внутренний цикл в потреблении сырья: например, металл — это трубы, которые потребляют нефтяники. Возможно, в быстром росте цен значение имел не столько цикл "сырье — обрабатывающая промышленность — оборудование", сколько прямой обмен первичными материалами и энергоносителями между сырьевыми отраслями. Кроме того, в нефтяной, газовой, отчасти угольной промышленности

процесс инвестирования и капитального ремонта очень близок к процессу текущего производства, то есть инвестирование является элементом текущего производства. Бурение, возведение необходимых конструкций, строительные работы, монтажные работы, транспортное, буровое оборудование — все это является текущим инвестированием. Здесь круг быстро замкнулся через обязательный процесс поддерживающего инвестирования в добывающих отраслях. Еще одной инфляционной линией были повышение цен на питание, жилье и, как следствие, соответствующий рост заработной платы. Надо также отметить, что взлет цен произошел даже не в годовом цикле, а в течение нескольких месяцев — срок слишком короткий для того, чтобы отрасли могли оказать влияние друг на друга.

Помимо названного внутреннего механизма, был еще один — автономное повышение цен на первичные ресурсы, опережавшее рост издержек. Главной причиной этого явления у нас называют монополизм. Но мне кажется, что главная причина — ориентация на ту выручку, которую можно получить в рублях, продав соответствующую продукцию за марки или за доллары. Конкуренция этих двух направлений реализации продукции — за доллары и за рубли, — а также постоянное преимущество тех, кому удалось реализовать свою продукцию за доллары, пусть даже косвенно (продав ее, например, в Прибалтику или другие страны ближнего зарубежья за часть валютной прибыли), создали ситуацию роста цен, опережающего рост издержек.

Таким образом, влияние внешнего рынка было не прямым, а косвенным. Оно осуществлялось не обязательно через прямые контакты, допустим, с Европой, а и через наши бывшие союзные республики. При этом надо учесть, что спрос на сырье есть всегда. Например, Китай предъявляет колоссальный спрос на сырье, имея избыточные мощности в обрабатывающей промышленности, избыточные ресурсы рабочей силы. Единственный сдерживающий фактор в Китае — недостаточные инвестиции в сырьевые сектора, то есть дефицит сырья. Это болезнь многих

развивающихся стран: с одной стороны, низкая технология, а с другой – наличие огромных резервных мощностей, загрузка которых сдерживается отсутствием первичных ресурсов. Таким образом, Китай долго еще будет оставаться насосом для откачки сырья из нашей экономики. Это может сильно стимулировать обмен нашего первичного сырья на продукцию китайской легкой и пищевой промышленности, толкая нас в сторону сырьевой специализации.

– *Это уже происходит?*

– Да. Например, китайцы уже вкладывают в Удоканское месторождение инвестиции, чтобы 50 процентов меди увозить к себе.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ

Валютный курс и изменение структуры цен. Несоответствие структуры мировых цен технологической структуре нашей экономики. Действие “мотора” инфляции. Необходимость остановить этот процесс. Издержки автаркии много меньше потерь от “либерализации”. Скрытое или явное субсидирование цен? Финансовый централизм или прямое распределение ресурсов? Неготовность российской экономики к переходу на финансовые регуляторы

— Вы говорили, что российской экономике сейчас сильно вредит неадекватный валютный курс. Поясните, пожалуйста, вашу мысль.

— Дело в том, что объективно существует реальная покупательная способность рубля на внутреннем рынке. Например, один килограмм цемента стоит столько-то, железа — столько-то, проезд в автомобиле — столько-то. Аналогичные товары и услуги, например, в США имеют долларовую цену. Исходя из этого, можно вычислить средний валютный паритет, принимая в качестве весов или национальную структуру производства в России, или национальную структуру производства в США. Понятно, что результат в обоих случаях будет разный, так как различаются удельные веса отраслей там и здесь. Паритет валют можно рассчитать также по отдельным народнохозяйственным агрегатам, например по фонду потребления, по инвестициям, по военной продукции. Через это внешнее зеркало выявится, что соотношение покупательной способности рубля и доллара в разных отраслях разное. Сегодняшняя числовая характеристика относитель-

ной ценности, то есть покупательной силы, рубля и доллара очень далека от того, что называется у нас биржевым валютным курсом. Например, был период, когда валютный курс составлял 50—60 рублей за доллар, но в инвестиционной сфере он равнялся тогда примерно двум рублям за доллар, а в сфере производства оружия рубль оценивался в два раза дороже, чем доллар. В некоторых сферах инвестирования оборонного сектора при переоценке предприятий оказалось, что долларовая оценка в десять раз превышала рублевую. Это было еще до либерализации цен.

Политические пертурбации, которые у нас произошли, сопровождаются, как известно, всякого рода экономическими трудностями. Услуги, оказанные нами западному миру в период перестройки, могли бы отчасти и оплачиваться. Вместо этого Запад предоставлял нам кредиты, которых мы набрали очень много. Эти кредиты давались не на экономические цели, а в качестве политической поддержки Горбачева. Далеко не все они льготные: многие были предоставлены на весьма жестких условиях. В результате нагрузка на наш валютный бюджет очень сильно возросла — пришлось обслуживать долг, платить проценты.

Обслуживание долга при сохранении наших импортных потребностей (зерно, продовольствие) в сочетании с падением производства привело нас за короткое время к страшному дефициту валюты. Свободной валюты в стране не стало, а спрос на нее оставался очень высоким, так как есть спекулятивные сферы, где с помощью доллара можно совершать сверхприбыльные торговые операции. Мы оказались в таком положении, когда цена доллара стала искусственно и сильно завышенной. Она не имеет никакого отношения к внутренней покупательной способности валют, а отражает эффективность спекулятивных операций.

— Можно ли считать эту ситуацию следствием структурного неравновесия нашей экономики?

— Нет, все гораздо проще. Допустим, кто-то у нас покупает доллар за рубли. С этим долларом он едет на Запад, покупает там, например, спирт и продает его опять же у нас за соответствующую

цену. То же самое происходит с сигаретами и другими ввозимыми товарами. Таким образом, имеется определенный набор продукции, на которую покупательная способность доллара за рубежом и рубля у нас соответствует биржевому валютному курсу.

Такая ситуация отражает тот факт, что происходит колоссальный рост доходов, формирующих некий целенаправленный спрос. Иными словами, есть группы населения, у которых доходы относительно быстро растут, при том что основная часть населения беднеет. У этих доходных групп есть свои стандарты престижного потребления. Они заинтересованы в том, чтобы держалась спекулятивно высокая цена доллара, а рубль, соответственно, девальвировался. Именно соотношение этой спекулятивной цены доллара с дешевым рублем и с умеренной ценой на сбалансированном рынке Запада принимается за коммерческий валютный курс. По нему доллар и продается в нашей стране очень выгодно.

— *Какое отношение имеет к курсу доллара продажа нефти?*

— Мы продаем нефть по мировой цене. Это стимулирует ее продажу. У нас есть определенный объем внутреннего потребления нефти, и при снижающемся объеме ее производства мы можем продавать только то, что остается. Кроме того, существует определенная договоренность о поставке нашей нефти в республики бывшего СССР. Но стимулы для продажи нефти при таком искусственно завышенном курсе доллара весьма высоки.

— *Почему вы называете этот курс искусственно завышенным? Кто его завышает — государство?*

— Государство имеет к этому отношение в том смысле, что набрало внешних долгов, но не обладает валютными ресурсами. Если бы у государства было много валюты, то оно могло бы спокойно закупить те дешевые западные товары, которыми сейчас торгуют с рук и в киосках. В результате цена доллара резко упала бы.

— *Но ведь вместо этого государство проводит валютную интервенцию, понижая курс доллара.*

– Да. И тем не менее курс доллара колоссально завышен, хотя государство и пытается тормозить его рост. Здесь нет никакого противоречия. Государство использует этот курс при продаже валюты импортеру. У нас много предприятий, которые не могут существовать без импорта сырья или комплектующих. При расчетах с экспортерами и при продаже валюты импортерам следует ориентироваться на так называемый коммерческий курс, то есть на низкий курс рубля – так решило государство. Таким образом, оно делает этот курс универсальным, хотя реально он формируется по очень узкой группе товаров (алкоголь, сигареты и т.п.). Возникает вопрос: почему тем, кто собирается покупать на Западе, допустим, лекарства, государство продает валюту по тому же курсу, который складывается из соотношения цен на сигареты? В этом случае лекарства окажутся очень дорогими, поскольку валюта продается по завышенной долларовой цене.

Чтобы купить что-то за доллары, предприятия должны заплатить очень много рублей, а чтобы иметь возможность их выложить, им приходится в свою очередь резко повышать цены. Значит, искусственный валютный курс со своей стороны также ведет к росту цен там, где компонентами издержек являются импортируемые ресурсы. Кроме того, благодаря такому валютному курсу, заинтересованность в экспорте, особенно сырья, может обескровить внутренний рынок.

– *Вы говорили о несоответствии структуры мировых цен технологической структуре нашей экономики. Хотелось бы, чтобы вы пояснили это подробнее.*

– Когда говорят, что у нас обрабатывающая промышленность, а также сельское хозяйство и транспорт потребляют избыточное количество первичных ресурсов из-за сохранения в них примитивных технологий, то одновременно подразумевается, что этим отраслям дешево обходится приобретение и инвестиционных товаров, и всякого рода промежуточных продуктов и сырья, так как цены на первичные ресурсы у нас по сравнению с мировыми относительно низки. В результате технологическое

отставание в неявном виде дотируется за счет ренты, то есть за счет наших природных запасов, создающих ренту.

Понятно, что если бы цены на первичное сырье не были долгие годы занижены, то, наверное, в каком-нибудь подмосковном совхозе не сжигалось бы огромное количество мазута для социальной сферы. Поэтому само сохранение низких цен на сырье и материалы является неким элементом структуры цен, который соответствует нашей структуре технологий. Эти ресурсорасточительные технологии не могли бы существовать при высоких ценах на сырье.

Сейчас цены на сырье растут. Значит требуется, чтобы названные отрасли стали конкурентоспособными и платежеспособными. Для этого необходимо снизить в них издержки. Поскольку сейчас это невозможно, то нельзя менять и структуру цен. Ее можно менять лишь по мере изменения технологической структуры экономики, то есть путем проведения инвестирования и модернизации. Все должно идти рука об руку — модернизация, структурная политика, опирающаяся на технологический потенциал военной промышленности, изменение структуры технологий, снижение уровня издержек и в результате всего этого — изменение уровня цен. Когда же при сохранении прежних издержек производства начинают менять цены, вся жизнь идет наперекосяк: отрасли перестают быть рынками друг для друга, цены на их продукцию и их покупательная способность перестают соответствовать друг другу. Особенно это касается обрабатывающих отраслей. Если они не успевают угнаться за ростом цен на сырье, то перестают быть рынком, и в результате внутренний рынок сырья сужается. Предприятия перерабатывающих отраслей в такой ситуации будут закрываться, а экономика — все более приобретать экспортно-сырьевой характер. Упадут общие объемы производства.

— *Каковы возможные масштабы этого процесса?*

— Это зависит от масштабов дрейфа внутренней структуры цен к мировой структуре и от скорости такого дрейфа. Дру-

гими словами, схема процесса выглядит следующим образом: свободные цены — ценовой дрейф — нарастание разрушительного потенциала в экономике. Понятно, что цены, не соответствующие технологической структуре, ведут к разрушению экономики. Это все равно что поставить в механизм не ту шестерню.

— *Что произойдет, если ограничить рост цен, допустим, на энергоресурсы? Наверное, в этом случае придется закрывать границу?*

— Нет, границу закрывать не надо, поскольку она у нас и так закрыта, но ужесточить контроль будет необходимо. Конечно, границы с бывшими союзными республиками останутся открытыми. Я имею в виду — при исключении нелегальной деятельности.

— *В случае ужесточения экспортной политики придется установить контроль за вывозом очень большого числа наименований продукции. Потребуется усиленный контроль за внешней торговлей. Именно это вы и предлагаете?*

— Да, конечно. Необходимо ввести определенные таможенные правила. Кроме того, важно, каков будет внутренний рынок и каковы правила внутренней торговли.

Председатель Центрального банка Геращенко сказал недавно, что Украина требует от России очень много нефти — 30—40 миллионов тонн, в то время как стоимость украинской продукции, которую нам нужно закупить, составляет в пересчете на нефть всего 7 миллионов тонн. Вы представляете, какой на Украине образуется дефицит нефти? Поэтому необходимо принимать жесткие таможенные меры. Вообще взаимоотношения с бывшими советскими республиками — это тема особого разговора. На мой взгляд, упадок экономик Украины, Белоруссии, Казахстана в конечном счете связан с упадком российской экономики и с полным отделением этих республик от России.

— *Но вы ведь как раз и предлагаете полную изоляцию их от России?*

— Тут нет никакого противоречия. Сегодня, продавая что-либо, допустим, Украине, мы не знаем, пойдет ли это на Украину

или через нее. Такая ситуация, конечно, ненормальна. Я считаю, что наша помощь той же Украине требуется и должна быть явной, но это не означает, что мы не должны устанавливать с ней таможенный барьер. Такой барьер является прежде всего средством борьбы с мафиозными группами, которые охотно повезут наше сырье, допустим, в Турцию. Таким образом, одно дело — четкая таможенная политика, направленная на борьбу с мафиозными группами и с нелегальными действиями, и другое дело — политика явной государственной поддержки экономики Украины. Эти вещи необходимо различать.

Часто говорят, что в России занижены цены на энергию, что у нас дешевая энергия. Это не так. Просто у нас своя структура цен. Наша энергия является дешевой лишь в том смысле, что соотношение цены, допустим, одного металлорежущего станка и одной тонны нефти совсем иное, чем, к примеру, в США. Но из этого никак не следует, что мы должны спешно приводить свою структуру цен в соответствие с американской.

Конечно, чтобы навести должный порядок во внешней торговле, необходимо ввести тотальный контроль, если вам нравится такая формулировка. Сохранение внутренней структуры цен требует очень сильных протекционистских мер. И никакая быстрая внешнеторговая экспансия при этом невозможна. Протекционистские меры, со всеми их последствиями, несомненно, являются консервативным мероприятием. Но именно это сейчас и требуется. Нам необходимы здоровый консерватизм и очень медленный темп изменений. Быстрые изменения нам просто не по силам.

— *Но Советского Союза больше нет. Можем ли мы закрыть-ся от бывших его республик?*

— Безусловно, можем! Но при этом мы должны помогать бывшим советским республикам, причем явно. То есть должны прямо говорить: наш внешний оборот позволяет экспортировать, допустим на Украину, 7 миллионов тонн нефти, а мы сознательно выделяем ей 15 миллионов тонн.

— При этом подразумевается, что торговая граница с Украиной полностью контролируется?

— В принципе да. Хотя, можно заключить с той же Украиной какие-то соглашения о внешней границе, об экспорте нефтепродуктов. Я не знаю, как это технически делается. Может быть, экономическая граница и останется прозрачной.

— Но ведь спекулятивные операции осуществляются не только мафией, но и самими сопредельными государствами?

— Здесь есть свои трудности. Сейчас мы создаем таможенни на границе с Украиной. Но необходимо вместе с тем принимать меры для того, чтобы экономика сопредельных стран не пришла в упадок. Экономический спад в той же Украине обратной волной сильно ударяет по нам. В любом случае действовать нужно явно, чтобы процесс выстраивания экономических отношений не шел стихийно. В отношении энергоносителей, металла и прочих сырьевых товаров такой подход вполне реален.

— Но вместо энергоресурсов и металла можно вывозить энергоемкие и металлоемкие товары?

— Это все крохи. Уверяю вас, что косвенные способы экспорта энергии или сырья не очень доходны. Возможно, по каким-то отдельным товарам такой вариант и приемлем. Причем вывоз в этом случае поддается контролю: многие из таких продуктов транспортируются в оперативном режиме, концентрированно, магистральным транспортом, который контролируется на 80 или 90 процентов.

— Но оставшийся бесконтрольный вывоз, пусть даже в незначительном объеме, является достаточным для раскармливания мафии?

— Да, конечно. Но это уже другой вопрос, не экономический. Потребуется сильная таможенная служба. Понятно, что попытка сохранения старой структуры цен во многих отношениях может дорого нам обойтись. Но я уверен, что отпуск цен обходится намного дороже.

— Существует точка зрения, согласно которой России все же следует перейти на мировую структуру цен, а те отрасли, которые окажутся в критическом положении, нужно дотировать из госбюджета. Иными словами, сторонники этой точки зрения предлагают скрытые субсидии превратить в явные. Что вы думаете об этом?

— Это привлекательная либеральная точка зрения, но ее сторонники недооценивают серьезности проблем, возникающих при реализации данной идеи. Действительно, кажется весьма заманчивым перейти от старой системы относительно низких цен на энергоресурсы и конструкционные материалы, в которой рентная составляющая скрытым образом передается потребителю, к новой системе, где рентная составляющая будет исключена, а субсидии станут передаваться потребителям в явном виде. Другими словами, предлагается у отраслей, производящих энергоресурсы, забирать налог (ренту), а затем эту ренту отдавать тем, кто будет платить. В таком варианте есть очень много "но", и тут требуется серьезный анализ.

Почему явное субсидирование неадекватно современной экономической ситуации? Один из ответов заключается в том, что для таких явных субсидий необходимы развитое денежное хозяйство и достаточно развитые институциональные структуры. Более того, необходимо гражданское общество, в котором добросовестная уплата налогов является нормой, а не разновидностью помешательства. Нам же вместо вполне работающей сейчас схемы с неявными налогами предлагается, образно говоря, тяжелое плавание в неизведанные края. Предлагается собрать налоги, затем их правильно распределить и только потом дойти до несчастного потребителя. Однако возникает вопрос: сможем ли мы пройти весь этот путь? Во имя чего он предлагается? Наверное, во имя того, чтобы работала финансовая система, во имя рыночной экономики, где все опосредуется деньгами.

Но натуральное распределение в конце концов можно интерпретировать с позиции денежных оценок и таким образом

пересчитать, какие дотации кому перепадают. Другое дело, что эти денежные оценки будут в какой-то мере произвольными. Это ведь не те оценки, которые выработала сама экономика. Тем не менее можно себе представить натуральное распределение ресурсов как некий косвенный способ субсидирования, дотирования, перераспределения гипотетических финансовых ресурсов. В наших условиях, когда финансовой институциональной среды еще нет и денежного хозяйства тоже еще нет, косвенное, а не прямое дотирование является естественным и наиболее коротким путем достижения цели. Здесь, образно говоря, срезается угол, благодаря чему мы обходим проблему отсутствия институциональной среды денежного хозяйства.

Прежде чем действовать, отпрявляясь от неких абстрактных принципов, необходимо посмотреть, что представляют собой на данный момент наше общество, наша экономика, в состоянии ли они идти предлагаемым маршрутом. Пока весь наш опыт показывает, что такие маневры плохо получаются, что налоговая система у нас не работает, в результате чего деньги собрать невозможно. Мы собираем деньги, что называется, под фонарем, то есть там, где легко их взять. Например, можно прижать бюджетные организации. А тех, кого нельзя прижать, оставляют в покое. Государство нажимает на те рычаги, которые поддаются нажиму, а те, у которых сила сопротивления достаточно велика, остаются неподвижными. В итоге появляются зоны ущемления, испытывающие значительный ущерб от подобных действий государства, и зоны преуспевания, неподвластные финансовому контролю и получающие благодаря этому большую наживу.

— *Какие это зоны?*

— Неподвластными финансовому контролю остаются все коммерческие структуры и многие промышленные предприятия, которые используют для этой цели либо определенные бухгалтерские приемы, либо теневую деятельность. Они имеют возможность по-разному показывать свои издержки в отчетности, по-разному исчислять прибыль. Известно, что промышленные

предприятия часто упрекают за преувеличение ими своих издержек и сильное занижение прибыли. А создать сейчас мощную налоговую систему очень трудно.

— *Какие сферы дискриминируются? Вероятно, сельское хозяйство?*

— Да, в первую очередь — сельское хозяйство, хотя и не только оно. Сельскому хозяйству сейчас нанесен страшный удар. Ведь оно является той отраслью, которая, с одной стороны, имеет высокие издержки, а с другой — не может бесконтрольно, как другие, повышать цены. По поводу цен на сельскохозяйственную продукцию велась жестокая борьба. Основанием для нее послужило то, что за закупочными ценами стоят розничные, то есть как бы социальные. Недаром в средствах массовой информации была развернута антикрестьянская пропаганда, горожан пугали повышением закупочных цен на хлеб. Это весьма типичная ситуация.

Масштабы явного субсидирования в сельское хозяйство сейчас очень ограничены, так как в бюджете — большой дефицит, а вместе с тем существует необходимость сдерживать социальные цены на продукты питания в городах. Сюда следует добавить высокие, причем не поддающиеся снижению издержки в сельском хозяйстве и непрерывное изменение структуры цен в пользу сырья, энергетики. Во всем этом хороводе проблем сельское хозяйство оказалось "крайним". В результате его доходы очень сильно упали, соответственно упала и зарплата в этой отрасли. Началось снижение поголовья скота.

В свое время, как я уже отмечал, Гайдар обязан был прежде всего проиндексировать деньги на счетах сельхозпроизводителей, но он этого не сделал. Я думаю, даже Хрущев не нанес сельскому хозяйству такого страшного удара. Это самоубийственная политика, и еще неизвестно, чем все кончится, особенно в области животноводства. Наша страна очень большая, и на гуманитарную помощь она не проживет. Возможный продовольственный кризис тем более непростителен, что изначально

но мы располагали необходимыми потребительскими ресурсами: и мяса, и молока производили достаточно много.

Если бы не форсировалось изменение структуры цен, как это сделал Гайдар, то значительная составляющая косвенного дотирования через низкие цены могла в существенной мере предохранить сельское хозяйство от разрушения. Кроме того, значительные суммы были даны перерабатывающей промышленности, то есть дотирование шло не непосредственно сельскохозяйственным производителям, а через переработчиков их сырья. Опыт неудачный: переработчики тут же значительно повысили себе зарплату и продолжают эту тенденцию. Например, в начале 1993 года заработная плата руководства мясокомбинатов взлетела в четыре раза, не считая теневых доходов. Это, конечно, разврат.

Как я полагаю, система косвенного субсидирования все равно пока сохраняется, хотя ее и предлагают отменить. Она существует как эквивалент прежнего закрытого распределения. Например, если тот же мясокомбинат отдает кому-либо свою продукцию по отпускной цене, то эта категория потребителей получает таким образом колоссальные льготы, фактически ту же самую косвенную субсидию. Очевидно, что этим пользуются какие-то привилегированные потребители, которые в свою очередь также оказывают мясокомбинату определенные услуги. По сути дела это хорошо знакомая нам система закрытого распределения, только в другой форме, гораздо более удручающей, чем раньше, из-за полного произвола цен.

— *Вы критикуете систему явных дотаций, которая, на ваш взгляд, только усугубляет хаос. Как же тогда надо действовать?*

— Я считаю, что не надо было торопиться. А сейчас мы зашли уже так далеко, что и назад идти тяжело, и вперед идти некуда. Но если бы можно было вернуться назад, то, конечно, прежде всего следовало бы сдерживать раскрутку цен, имея в виду изменение пропорций в стоимостной структуре между ценами на первичное сырье и на продукты переработки. В первую очередь речь идет о

таких межотраслевых связках, как топливо и продукция сельского хозяйства или металл и оборудование, и т.д. Хотя эти изменения структуры цен, несомненно, относятся к категории прогрессивных и адекватных для развитой экономики, однако проводить их надо постепенно, по крайней мере помесечно, договариваясь об изменении уровня цен по всем отраслям. Договариваться должны были бы отраслевые ассоциации производителей между собой и государством. При этом субъект договора с государством — сама ассоциация производителей. Такой процесс сделал бы движение цен дискретным, регулируемым. При заключении подобных договоров можно было бы выправить некоторые диспропорции.

Если бы у нас произошло просто распухание цен, в этом еще не было бы ничего страшного. Разрушительное начало заключено в разнотемповом движении цен, в изменении их структуры. В результате отрасли перестают быть рынками друг для друга, пропадает их взаимная покупательная способность. Очевидно, что при разумном регулировании цен удалось бы многое нормализовать. Нельзя сказать, что цены у нас совсем вышли из-под контроля. Например, на нефть их удавалось сдерживать, но над ценами на металл, на основную химическую и некоторые другие виды продукции контроль был совсем потерян. А механизм контроля, пусть даже частичный, все-таки необходим. Он позволяет сдерживать рост цен и корректировать их относительное движение. Сейчас же, как я уже говорил, само изменение структуры цен является фактором их роста, то есть получается, что, пока у нас будет меняться структура цен, сохранится действие инфляционного механизма.

В свою очередь фактором изменения структуры цен является крайне неблагоприятный для нас валютный курс, стимулирующий удорожание сырья, материалов и т.д. Но об этом у нас уже шла речь.

— *Правильно ли я вас понял, что к изменению внутренней структуры цен нас подталкивает ее несовпадение с мировой структурой цен?*

— Да, именно так. Такое несовпадение могло бы быть для нас совершенно безболезненным, если бы не искусственно завышенный валютный курс, который является переходником от мировой структуры цен к внутренней. Очевидно, что внутреннее регулирование цен должно совмещаться с регулированием валютного курса. Одно без другого невозможно. Необходимы ограничения на право оперировать валютой.

Мне кажется, наше правительство не понимает самого главного: источник инфляции заключен не в избыточной денежной массе, а в самом изменении структуры цен при данном валютном курсе. Поэтому и метод борьбы с инфляцией должен состоять не в том, чтобы сдерживать кредитную и бюджетную экспансию. Само освобождение цен при их неустойчивой структуре подобно лавине, которую, спровоцировав, уже не остановишь. Правительство же борется с источником инфляции, подразумевая под ним избыточные бюджетные расходы. На мой взгляд, это не просто заблуждение — это непонимание механизмов развития нашей экономики. А понять их можно, если пристально ее изучать. Мне было приятно читать исследование сотрудника нашего института Андрея Белоусова: он работает автономно от меня, но приходит к таким же выводам, какие делаю я из анализа сложившейся ситуации. К сожалению, некоторые экономисты, как мне кажется, не подготовлены решать стоящие перед нами проблемы с точки зрения знания ими реалий нашей экономики.

— *Что произойдет, если ограничить бюджет, как обещал Борис Федоров?*

— Да не получится этого! Это только претензии на экономическое диктаторство. Бюджетные сферы подконтрольны, но сами предприятия и коммерческие структуры остаются вне контроля. Уже были такие ситуации, когда уровень зарплаты врачей, учителей, научных работников просто проваливался. Сейчас под лозунгом борьбы с инфляцией опять начнутся "поиски под фонарем", то есть там, где можно надавить.

— *А где можно нагавить?*

— Для этого имеется вся непроизводственная сфера, которая существует за счет бюджетного финансирования. Здесь можно сэкономить на зарплате. Кроме того, можно еще раз сократить военный заказ, свести до минимума бюджетную поддержку пусть сейчас бездействующих, но еще не умерших производственных мощностей в оборонной промышленности. Можно сократить субсидии угольной промышленности. И так далее.

— *А доходную часть бюджета можно увеличить?*

— Если говорить о налоговых поступлениях, то здесь трудно сказать что-либо. Можно, наверное, что-то получить с сырьевых отраслей, если им увеличить налоги, но нефтегазодобыча — это такая сфера, где откладывать инвестиции нельзя. Эти отрасли сами раскручивают механизм повышения цен на инвестиционные товары, и в результате рост налоговых поступлений будет съеден инвестициями в них же. Причем такие инвестиции будут расти, поскольку имеется элемент саботажа со стороны руководителей добывающих предприятий. Связан он с тем, что у них мотивы наращивания объемов добычи во многом исчезли, поскольку они могут прожить и при меньших объемах.

— *Но ведь с ростом добычи выделяемая им экспортная квота увеличится?*

— Нет, это не факт. Руководители добывающих предприятий в этом не уверены. Во всяком случае они прикрываются все время тем, что у них нет достаточных инвестиций, нет оборудования. Поэтому капиталоемкость в этих отраслях будет расти.

— *Как я понял, выбить деньги для пополнения доходной части бюджета особенно не из кого и сэкономить тоже особенно не на ком?*

— Да, ситуация такова, поэтому не надо строить иллюзий. Мне кажется, что наша экономика пока еще не регулируется через финансы, поэтому в ней невозможно создать такую систему, когда все дотации станут явными. Что значит сделать дотации явными? Это значит, все те связи и ту систему распределе-

ния, какие существовали раньше, выразить через некий финансовый суперцентрализм. Другими словами, жесткое распределение натуральных ресурсов нужно заменить жесткой системой финансового централизма, которая воспроизвела бы все прежние связи, прежние нагрузки, смогла бы имитировать прежнее административное давление. Понятно, что построить такой механизм очень трудно, особенно в условиях растущих цен. И некие абстрактные замыслы здесь несостоятельны. Остается подозрение, что за этими замыслами стоят какие-то политические предпочтения и начальным моментом является не экономика, а политика, борьба за власть.

— *Что будет, если правительство решит диктаторским способом ограничить бюджет, не идя ни на какие уступки?*

— Получится так, что заработная плата работников промышленности станет в три — пять раз выше зарплаты работников непроизводственной сферы. Если будет лишена субсидий угольная промышленность, то тогда придется, как минимум, субсидировать население и производство черной металлургии. Отказ от субсидий означает спад производства в тех отраслях, которые будут их лишены. Если, например, мы не дадим субсидий угольной промышленности, то "просядет" черная металлургия. В результате сильные бюджетные и особенно кредитные ограничения приведут к спаду производства и к возрастающему разрыву в уровне жизни различных групп населения.

— *По каким конечным потребителям ударит спад в черной металлургии?*

— Наиболее крупные потребители продукции черной металлургии — это сельскохозяйственное машиностроение, транспортное машиностроение, строительные машины, все тяжелое машиностроение, энергетическое оборудование. Военная промышленность является менее металлоемкой. Все перечисленные отрасли, кроме военной, уже сейчас находятся на грани банкротства, особенно сельхозмашиностроение. Если будут и дальше повышаться цены на металл, в результате многие отрасли,

которые пока еще функционируют (пусть даже ценой расточительного режима инвестирования), перестанут функционировать вовсе. Если мы сейчас нарушим сложившийся режим инвестирования, то нарушатся самые существенные элементы нашего воспроизводственного механизма, ускорится спад производства в добывающих отраслях и т.д. Многие вещи просто опасно трогать. У нас и без того уже наступил значительный спад.

Гайдар, когда он возглавил правительство, так и не выбрал твердой линии поведения. С одной стороны, он отпустил цены и какое-то время сдерживал бюджетно-кредитную экспансию, но, с другой — вынужден был затем пойти на денежные вливания предприятиям, поскольку испугался спада производства. Похоже, Федоров этого не боится. Во всяком случае, если Гайдар на крайние шаги все-таки не пошел, то Федоров заявил, что к этому готов. Но это ведь только заявление. Кредиты все равно придется давать.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ

О черной металлургии. Справедлив ли тезис о перепотреблении металла нашей экономикой? Сферы избыточного и недостаточного потребления металла. Существование потенциальных эффективных сфер использования металла. Дефицит металла как возможный лимитирующий фактор развития экономики

— В прошлый раз мы затронули тему черной металлургии. Бытует мнение, что у нас есть сферы избыточного потребления металла. То есть, что металл можно туда не давать, и, следовательно, спад производства в черной металлургии не опасен. Что вы можете сказать об этом?

— Действительно, в определенных пределах спад допустим. Главное направление избыточного потребления металла в нашей экономике — это неэффективное инвестирование в оборудование с коротким сроком жизни. Я имею в виду сельскохозяйственное, нефтедобывающее, транспортное, дорожно-строительное и некоторые другие виды оборудования. Еще одним фактором перепотребления металла являются используемые технологии его обработки. Например, очень много уходит в отходы — в стружку и т.д. Но хотя у нас имеются сферы избыточного потребления металла, тем не менее мы всегда жили в условиях его дефицита. Почему? Это очень серьезный вопрос.

Дело в том, что многие металлоемкие виды продукции выпускались у нас в недостаточных объемах, например вагоны. Металл всегда сдерживал нас. Получалось так, что, с одной сто-

роны, вроде бы есть резервы, с другой — есть и сферы, недопотребляющие металл, хотя он мог бы эффективно там использоваться. Например, мы до сих пор недостаточно применяем металлоконструкции в строительстве (особенно легкие), в пищевой промышленности и т.д. Все это потому, что у нас были ресурсорасточительные сферы, которые являлись существенным бременем для экономики, мешая наладить и расширить выпуск новых видов продукции, остро нам необходимых.

Вот почему несколько механистичное представление о том, что у нас имеется абсолютный избыток потребления металла, неверно. К примеру, Япония производит металла десятки миллионов тонн, будучи при этом гораздо меньшей страной. Это помогло ей развивать транспортное машиностроение, судостроение и прочее. По моему мнению, и у нас имеется много перспективных сфер использования металла, связанных с выпуском металлоемкой, но эффективной инвестиционной продукции. Таким образом, спад в черной металлургии, с одной стороны, означает, что таким способом ликвидируется неэффективное металлопотребление, но, с другой стороны, определенные сферы эффективного использования металла лишаются ресурсов, а тем самым — и перспективы развития.

Разговаривая со специалистами о том, какова объективная потребность нашей страны в металле, я не раз сталкивался с тем, что они не могут дать мне определенный ответ. Почему же человек, который всю жизнь изучает производство черных металлов и их использование, оказывается довольно беспомощным, когда ему задают такой, казалось бы, простой вопрос? Причина заключается в том, что экономика адаптируется к тому или иному уровню потребления металла, и двойственность этого процесса создает большой коридор, в котором может происходить металлосбережение через изменение структуры или качества инвестиций, но одновременно могут и открываться новые сферы металлопотребления. Баланс между тем и другим складывается по-разному. И весь вопрос в том, каким способом экономика

адаптируется к разному уровню металлопроизводства, На мой взгляд, мы можем с большой пользой потреблять металл в растущем объеме. Я считаю, что относительное наращивание его производства, хотя с формальной точки зрения это и даст рост показателя металлоемкости, на самом деле обеспечивает эффективное его потребление. Тут следует учесть еще и увеличение возможностей экспорта металла, что для нашей экономики имеет немаловажное значение.

Иными словами, общий вывод таков, что спад производства металла — неблагоприятное явление для нашей экономики.

— *Каков удельный вес военной отрасли в потреблении черных металлов?*

— Я не владею точными цифрами, но приблизительно могу сказать: военно-промышленный комплекс потреблял черных металлов сравнительно немного, не более 15 процентов их объема.

— *А какие отрасли вы отнесли бы к числу наиболее металлопотребляющих?*

— К крупным сферам потребления металла относится строительство, использующее металлоконструкции. Здесь особых путей экономии металла нет, несмотря на большой объем незавершенного строительства. Скорее наоборот. В этой отрасли многое зависит от типа строящихся зданий: многоэтажная застройка требует большего расхода металла, чем малоэтажная. Нужно сказать и о другом: у нас всегда существовало ограничение на использование металла для производства товаров длительного пользования. Таким образом, если перечислять потенциально эффективные сферы металлопотребления, то это будут в первую очередь строительство, огромная сфера производства товаров длительного пользования, а также автомобилестроение, железнодорожный транспорт и некоторые другие отрасли экономики.

Исходя из сказанного, проблема состоит не в уменьшении производства металла, а в том, чтобы уменьшить в каких-то отраслях его расход и одновременно перебросить его в другие сферы. Отсюда и возникает такой парадокс, что специалисты по чер-

ной металлургии не могут дать внятный ответ на вопрос: сколько металла мы можем эффективно использовать? Не исключено, что довольно много.

Вообще определение объективной потребности в ресурсах всегда было очень трудной проблемой. Либерализм в нашей экономической науке долго существовал под лозунгом: "Сократим производство металла!". Цвет либеральной мысли считал, что мы перепотребляем металл и производим его очень много. Министерство черной металлургии эксплуатировало подобные взгляды, поддерживало их, так как не было заинтересовано в наращивании объемов производства. Как и всякое ведомство, оно сопротивлялось давлению плана. Поэтому там очень любили тех профессоров, которые писали о перепотреблении металла в отраслях нашей экономики. Мы действительно потребляли очень много металла, но надо же разобраться, почему это происходило.

Дело в том, что наша экономика могла балансироваться только присущим ей способом. Она балансировалась большим объемом металла. Если же просто сократить объемы его производства, то никакой адаптации экономики не произойдет, так как для этого необходимо слишком значительное изменение технологической структуры. Еще в прежние времена балансовики-экономисты пытались, но так и не смогли выяснить, сколько металла необходимо нашей экономике. Получалось, что показатели металлоемкости в конечном национальном продукте у нас значительно выше, чем в Европе, и находятся на уровне США. Но отсюда нельзя делать прямолинейных выводов.

Наша экономика в такой степени жила за счет пожирания ресурсов, что ее неравновесие выражалось не столько в текущих дефицитах, сколько в нарастающем оголении все новых крупных сфер потенциального потребления металла, а также энергии и других первичных ресурсов. Говоря о дефиците, в первую очередь называли то, чего не хватало, то есть текущие дефициты, в то время как причиной глобальной, структурной несбалансированности было фактическое отсутствие ресурсного пространства

для развития многих сфер экономики. Прежде всего это относится к потребительскому сектору — товарам длительного пользования, жилищному строительству. Одной из причин, побудивших к массовому использованию технологии сборного железобетона в строительстве, было мнение, что таким способом экономится металл. Практически наша экономика в таком состоянии и вошла в сегодняшнее, постперестроечное положение.

Интересно отметить, что наш азиатский сосед Китай на современном этапе в своем бурном развитии переживает аналогичные проблемы. Китай тоже является страной, во многом живущей за счет средних и малых технологий, хотя, может быть, и по другой причине, чем мы. У нас шла в основном перекачка ресурсов в оборонную промышленность, а у них из-за избытка труда легко создаются перерабатывающие отрасли и тем самым вызывается острая нехватка металла во всех сферах народного хозяйства. В этом смысле, как я уже говорил, Китай еще надолго останется тем насосом, который будет выкачивать у нас первичные ресурсы, имея относительно развитый потребительский сектор. Вдоль своей границы он будет устраивать всякого рода «воронки» с приманками, куда будут проваливаться наши ресурсы путем приграничной торговли или по более крупным каналам, например через соседние государства, такие как Киргизия, Казахстан.

— Насколько я понял, важной проблемой является определение тех сфер нашей экономики, которые могли бы эффективно потреблять металл, но не имеют для этого достаточных возможностей?

— Да, это важная проблема, упускаемая из виду многими экономистами. Такие сферы, как, например, коммунальное хозяйство, инфраструктура рекреации, жилищное строительство и некоторые другие, постоянно страдали и страдают от недостатка металлоконструкций, поскольку в балансе первичных ресурсов они всегда были замыкающими отраслями. Это и послужило причиной их отставания. Надо заметить, что в строительстве жилья удачным маневром стало замещение металлоконструкций

железобетоном (кирпичные строения являются более металлоемкими, чем железобетонные). К первичным можно отнести и трудовые ресурсы, которых тоже всегда не хватало в малоприоритетных сферах. Поэтому замещающие процессы с ориентацией на недефицитные ресурсы в свое время были весьма целесообразны.

Если говорить о сегодняшнем дне, то пока экономическая наука не стремится показать, как новое хозяйственное устройство и следующее за этим более эффективное использование ресурсов откроют пространство для реструктурирования экономики в направлении развития потребительского сектора, жилищного строительства. Такой анализ должен был бы также определить, какого объема первичных ресурсов потребуют эти новые сектора. Возможно, то, что сейчас пытаются сэкономить, окажется меньше того прироста, который потребует для развития потребительского сектора, сферы услуг и т.д. Ведь полное технологическое переустройство металлопотребляющих сфер, включая все металлоемкие инвестиции, может идти не столь быстро, как хотелось бы, тогда как темпы структурного сдвига в пользу потребительского сектора могут оказаться более высокими. В результате, как ни парадоксально, наша, по мнению многих ученых, энергоизбыточная и металлоизбыточная экономика потребует достаточно быстрого наращивания производства металла. В этом смысле опасность снижения производства металла и энергии очень велика. У нас принимают решения, исходя в основном из текущих дефицитов, но гораздо худшие последствия могут возникнуть из-за ограничения того ресурсного пространства, которое позволило бы расширяться многим давно захиревшим отраслям нашей экономики. Нужно добавить, что спад в производстве металла и энергии сопровождается к тому же относительным увеличением масштабов экспорта.

Способ нашего превращения в технологическую и сырьевую колонию состоит прежде всего в том, что мы ограничиваем пространство первичных ресурсов, на котором может осуществ-

ляться структурная перестройка. Если не поправить баланс этих ресурсов так, чтобы такой маневр мог быть осуществлен, то невозможна никакая модернизация, поскольку ей должны сопутствовать развитие потребительского сектора, восстановление мотиваций, восстановление механизма социальной стратификации. Таким образом, первичные ресурсы могут сейчас стать главным узким местом в преобразовании нашей экономики, хотя у нас их, казалось бы, достаточно. У нас существует развитое машиностроение, есть квалифицированные кадры, поэтому ограничения в производстве энергии и металла могут оказаться первоочередной проблемой, сдерживающей развитие экономики.

Не исключено, что при некотором оздоровлении производства в результате возросших мотивов экспорта возникнет иллюзия улучшения экономической ситуации. На самом же деле такой поворот событий чреват тем, что сырьевые отрасли начнут усиленно экспортировать ресурсы, наш сырьевой сектор начнет работать сам на себя через экспорт, "пока не наестся". Поставки первичного сырья на внутренний рынок будут при этом руководителями соответствующих отраслей ограничиваться. Это очень опасный и в то же время реальный вариант. В конечном счете выбор сюжета с энергоресурсами и металлом определит, на какую дорожку выйдет наша экономика.

Здесь видны все противоречия нашего народного хозяйства. С одной стороны, очевидно, что на сырьевом секторе базируются структурная перестройка и ресурсное пространство для качественного динамизма, с другой же — тот вариант развития сырьевого сектора, о котором я сказал, может отнять у нашего и без того ослабленного народного хозяйства слишком много сил. Если сырьевые отрасли станут работать сами на себя, то вырождающиеся другие отрасли, включая машиностроение, могут вследствие этого совсем зачахнуть. В результате структурная перестройка будет происходить очень медленно.

Необходимо уточнить: все проблемы нашей экономики фокусируются на каждой отдельно взятой отрасли. Поэтому очень

трудно выделить приоритетные. Например, сырьевые отрасли важны необычайно, но то же касается металлоконструкций и машиностроения. Далее, необходима конверсия оборонной промышленности. Крайне нуждается в помощи сельское хозяйство. Наконец, нужно перестраивать торговлю. Таким образом, наша экономика должна развиваться поступательно при одновременной качественной трансформации всех ее секторов, поскольку каждый из них может оказаться роковым узким местом.

Заранее ясно, что рыночная самостройка себя не оправдает, так как она в лучшем случае обеспечит нашей экономике чисто сырьевой профиль, но в области производства современной продукции мы можем оказаться в хвосте, на уровне закупки оборудования для выпуска изделий по западным образцам.

Технологические мировые лидеры снимают пенки, получая прибыль от внедрения новых технологий. Эта прибыль очень высока. Она в виде добавленной стоимости образуется от первых тиражей новых изделий, от продажи нового оборудования. Страны, которые идут во втором и третьем ряду, то есть тиражируют ранее разработанные образцы, получают только небольшой слой добавленной стоимости, поскольку изделия быстро дешевеют по мере их тиражирования. А те, кто находится в последующих рядах мирового производства, лишь присоединяются к этим массовым тиражам. Понятно, что такие страны получают наименьшую долю от выпуска нового продукта, освоения новой технологии. К тому же технологические лидеры всегда создают пространство для следующего открытия и очередного прорыва. Таким образом, они продолжают движение вперед, наращивая высокими темпами свое национальное богатство.

А наша страна может оказаться в хвосте мирового технологического процесса, производя сырье для развитых и даже развивающихся стран, таких, как Китай. Отсюда возникает проблема темпов преобразований нашей экономики. Потребность в этих преобразованиях очень высока, и они не терпят затягивания.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ

О внешних кредитах. Бремя милитаризации заменяется бременем внешних долгов. Финансовый централизм взамен натурального централизма. Его разрушительный характер в условиях неравновесной экономики. Финансовая политика и безработица. Есть ли основания для массовой безработицы?

— *Давайте теперь затронем тему внешних кредитов. Как они воздействуют на нашу экономику?*

— Я не специалист по многим финансовым проблемам, но попытаюсь все же обрисовать ситуацию, как я ее понимаю.

Значительную часть кредитов мы получили еще во времена Горбачева. Они не были экономическими, а имели целью поддерживать определенный политический курс и политическое выживание Горбачева. Позднее аналогичным образом кредиты давались под Ельцина. Этим они кардинально отличались от той крупномасштабной и безвозмездной экономической помощи, которая после окончания второй мировой войны была оказана европейским странам в соответствии с планом Маршалла. Нашей же стране, быстро сдававшей свои позиции и вследствие этого оказавшейся в кризисном положении, кредиты выдавались под большие проценты.

Таким путем бремя производства вооружений очень быстро сменилось после сокращения расходов на оборонную промышленность бременем внешних долгов. Когда наша страна производила много вооружения, она таких долгов не имела. А теперь мы опять оказались под ресурсным прессом, но уже без прежне-

го централизованного механизма мобилизации ресурсов. Так что в целом наша стратегическая ситуация ухудшилась. Нынешнее долговое бремя во многом соразмерно прежнему, милитаристскому, но сейчас мы попали из огня да в полымя и находимся, с точки зрения внеэкономического давления, в значительно худшем положении, чем раньше, так как наши внешние долги являются внеэкономическими. Адаптационные же механизмы будут продолжать работать, а это означает дальнейшее снижение качества производства, подрыв трудового потенциала, разрушение природы, ухудшение качества жизни.

Получается, что в глобальном плане мы продолжаем прежнюю линию существования, и нам очень трудно выйти из этого режима именно потому, что наша экономика обременена гигантским внешним долгом. Например, раньше мы могли добывать нефть в нужном количестве, а сейчас не можем. Таким образом, мы сами платим развитым странам за наши политические сдвиги. Они с нас взимают за это плату.

— *То есть сегодняшняя ситуация больше напоминает не план Маршалла, а Версальский договор?*

— Да, конечно. Говорят, что Горбачев оказался самым неудачным коммерсантом за всю историю человечества. Он мог бы потребовать от Запада статуса перворазрядной державы для нашей страны, огромной суммы помощи, и это было бы справедливо. А ему дарили аплодисменты и одновременно сажали нас на кабальный внешний долг. Руководство страны не соотносило кредиты с конкретными проектами — реконструкцией, конверсией и т.д. Мы с такими проектами даже ни разу не выступили. Поскольку так называемая помощь под проценты давалась всегда в определенных обстоятельствах, то есть была связана с какими-то поездками наших государственных деятелей, встречами на высшем уровне и т.д., то конструктивный аспект использования этих кредитов никогда всерьез не рассматривался. И у нынешнего руководства страны тоже до сих пор нет никакого конструктивного плана на этот счет, хотя разговоры об этом идут уже давно.

— *Куда все-таки делись средства, полученные нами в виде внешних кредитов?*

— То, что касается движения валюты, частично остается секретным до сих пор. Частично же в условиях спада экспорта и сокращения валютной выручки полученные валютные средства шли на затыкание дыр. Наиболее известные из таких расходов — закупка продовольствия, медикаментов, многих видов химического сырья. До 1988 года валюта часто уходила и в оборонный сектор. Ведь он утратил прежний приоритет совсем недавно — всего три — четыре года назад. Фундаментальные науки в лице Академии наук вообще перестали получать валюту, так что прекратилась даже закупка научных журналов, не говоря уже об оборудовании.

— *Частично эти средства ушли, наверное, в теневую экономику?*

— Конечно.

— *А сейчас новые кредиты расходуются в основном на обслуживание долга?*

— Проводится сложная стратегия. Смысл ее состоит в том, чтобы добиться отсрочки платежей по кредитам и перейти хотя бы на выплату процентов. Эта стратегия реализуется с переменным успехом, то есть соответствующие соглашения отодвигают сроки платежей на короткое время. Если посмотреть программу реформ, то видно, что в балансе между экспортом и импортом может возникнуть очень большой разрыв, для восполнения которого потребуются новые кредиты. Поэтому руководство страны озабочено не тем, чтобы отказаться от новых кредитов, а прежде всего тем, чтобы отодвинуть выплаты по ним.

— *Это какая-то сиюминутная тактика. Что же, по вашему мнению, надо делать в сложившихся обстоятельствах?*

— Видимо, нам нужно где-то остановиться, и надо было сделать это гораздо раньше. Надо попытаться не набирать, а существенно сокращать кредиты, несмотря на все связанные с этим трудности, а если уж брать их, то под сценарии производственного развития и настаивать на их беспроцентности. Иначе мы

придем к такому состоянию, когда не сможем выплачивать долги и возникнет необходимость их трансформировать, как это произошло с Мексикой. Мы подходим к тому рубежу, за которым огромный внешний долг станет для нас неподъемным и страны-заимодавцы начнут применять к нам опробованные в мировом опыте технологии выхода из этого положения. Речь идет о перепродаже наших долгов, об обмене их на всякого рода экономические акции.

Хочу подчеркнуть главное: сегодняшнее бремя внешних долгов толкает нас на воссоздание режима воспроизводства 70-х и начала 80-х годов, когда на нашу экономику давил пресс вооружения.

— *Это режим откачки ресурсов?*

— Да. Разрушительный режим откачки ресурсов.

— *Этот возобновленный режим бюджет тяжелее прежнего?*

— Не просто тяжелее. На данном этапе нашего экономического развития делается попытка с помощью финансового централизма решить те задачи, которые таким способом не решаются. Другими словами, отпуская цены, мы сами себя загоняем в тяжелейшую ситуацию неравновесной экономики. При высоких ценах на энергоносители отрасли, как я уже говорил, не служат рынками друг для друга, предприятия обрабатывающей промышленности уже не могут приобретать энергоносители по тем ценам, по каким их реализуют добывающие отрасли. В таких условиях попытка налаживания экономического обмена с помощью методов финансового централизма, скорее всего, в принципе неразрешима.

— *А если она будет осуществлена?*

— Посмотрим, что из этого получится. К примеру, повышаются цены на первичные ресурсы. В результате издержки тех секторов, которые находятся на бюджетном финансировании, то есть всей непроизводственной сферы, частично — оборонки, а также содержание армии исчисляются с учетом новых цен. Отсюда вытекает, что бюджет по величине должен догонять рост

цен в соответствии с ростом издержек в перечисленных секторах. Уже одно это создает чрезвычайную нагрузку на бюджет и во многом предопределяет его дефицит, то есть напряженные взаимоотношения между государством и теми секторами, которые зависят от бюджета.

— Но в тех секторах, которые вы назвали, цены на энергоносители не отпущены. Существует дифференциация тарифов.

— Вы правы, но только отчасти. Даже из практики нашего института мне хорошо известно, что затраты на воду, электроэнергию и тепло очень сильно возросли.

— В большей степени, чем у населения?

— Конечно, в большей. Население пока всех этих издержек не несет, но именно поэтому они еще тяжелее ложатся на промышленность, на производственный сектор.

Далее возникает проблема дотирования целого ряда отраслей, для которых в этом случае существует опасность просто запредельного роста издержек (например в сельском хозяйстве). Затраты этих отраслей пытаются переложить опять-таки на промышленность — через дифференциацию тарифов.

Главный мой вывод таков: сама жесткость условий жизни при финансовом централизме определяется не только переходом нашей экономики от распределения натуральных благ к распределению финансов. Дело в том, что с помощью финансов осуществляется попытка обеспечить за счет бюджета и роста издержек в сфере услуг и во всем государственном секторе дотации тем отраслям, где цены повышать социально опасно (например на продукты питания, в жилищно-коммунальном хозяйстве). Но такая задача представляется мне в принципе неразрешимой, хотя этот тезис еще нужно доказывать. Отсюда такая сверхжесткость и стремление перешагнуть через самих себя. Но коль скоро государство в результате своей экономической политики не получает необходимых результатов, с помощью которых можно было бы возместить издержки, то начинаются попытки сократить объем услуг, сдержать зарплату. Это в свою

очередь нарушает весь строй жизни, всю систему отношений в обществе, социальных стандартов и т.д.

Таким образом, получается, что, с одной стороны, сбалансировать экономику при помощи мер финансового централизма не удастся, а с другой — предпринимаемая попытка все же добиться этого в конце концов разрушает экономику и всю социальную среду.

— *Как понимать ваши слова о разрушении социальной среды?*

— Если в нашей стране обеспечение населения теплом всегда являлось одним из национальных приоритетов, то перебои с подачей тепла сначала в сфере коммунальных услуг, а затем в энергоснабжении производства могут создать хаос. Правительство уже сделало в этом направлении один шаг, уменьшив дотации нашему коммунальному хозяйству: в результате тротуары не убираются, плохо вывозится мусор, жилой фонд ветшает, теплосети стареют, что в свою очередь повышает количество аварий. Теперь уже очевидно, что сокращение дотаций коммунальному хозяйству способствует созданию такой социальной среды, в которой процветают и преступность, и насилие, и дезорганизация. Все это постепенно станет нормой. Если раньше люди жили в достаточно приличных условиях, то теперь, теряя их, они, естественно, меняют стереотипы своего поведения. Видимо, одно непосредственно связано с другим.

Если вернуться к вопросу о финансовом централизме, то можно отметить, что его опыт был пережит и другими странами, например Венгрией. Эта страна долго шла к какой-то полурыночной экономике, и был период, когда там пытались руководить экономикой, используя для этого финансовые рычаги, то есть делая упор на сбор налогов, распределение финансовых ресурсов и т.д. Но потом венгерское руководство убедилось, что ожидания, связанные с отменой системы натурального планирования, не оправдываются. Стало ясно, что финансовый нажим может в еще большей степени сковывать инициативу директоров предприятий, еще больше связывать им руки, чем пути натурального снабжения.

В нашей стране, несмотря на декларирование отмены натурального снабжения, оно так или иначе продолжает поддерживать необходимые сферы жизнеобеспечения. От этого никуда не уйдешь. Пытаясь поддержать эти сферы, все равно приходится регулировать экономические процессы, если не всегда прямо, то косвенно — с помощью финансовых рычагов. Пока, как я уже сказал, все происходит очень жестко, с бюджетным дефицитом и его перегрузкой. В поисках выхода государство пытается рост издержек в электроэнергетике компенсировать за счет высоких тарифов на энергию в промышленности, сохраняя низкие тарифы в сельском хозяйстве и в коммунальной сфере. И в коммунальном, и в сельском хозяйстве это обусловлено необходимостью поддержания социально приемлемых цен. Сельское хозяйство к тому же и так несет большие потери в результате роста цен на комбикорма, удобрения, запчасты.

В конечном счете при такой хитрой попытке снизить нагрузку на сельское хозяйство с помощью дотирования цен на энергопоставки жертвой становится промышленность. Эти результаты политики финансового централизма — перенесение финансовой нагрузки на уже ослабевшую промышленность — могут привести в течение года или полутора лет к потере самого ценного нашего производственного потенциала.

— *Можно ли сказать, что тем самым усиливается сырьевая ориентация нашей экономики?*

— Конечно. Если не будет защищена обрабатывающая промышленность, то в конечном итоге наша экономика быстро приобретет ярко выраженный сырьевой характер, сырьевую направленность. Хотя это не безусловно. Необходимо понять, что привилегированное положение самих сырьевых отраслей относительно. Они пытаются поддерживать свою жизнеспособность за счет экспортных квот, продажи сырья за валюту. Что касается роста цен на их продукцию, то он имеет преимущественно фискальные мотивы и самим добывающим отраслям мало что дает. Уровень прибыли, например, у нефтяников очень низок,

хотя заработная плата, возможно, наиболее высокая. Из бюджета в нефтедобывающую промышленность возвращается весьма недостаточное количество средств в виде инвестиций. В конечном счете, несмотря на некоторые привилегии, которые имеют сейчас сырьевые отрасли, рост внутренних цен на энергоносители ухудшает их положение.

Таким образом, создав экономическое неравновесие через новую структуру цен и породив тем самым большую нагрузку на бюджет, правительство пытается как-то амортизировать ситуацию. В результате этого происходит фактическое разрушение в первую очередь обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, но и самих добывающих отраслей тоже. Относительное преимущество добывающих отраслей выражается только в достаточно высоком уровне заработной платы. Что же касается прибыли, самофинансирования, то при существующем уровне налогообложения те же нефтяники и газовики не могут сами себе этого обеспечить, а государство в свою очередь не может выделить для них из бюджета достаточное количество средств.

Вывод таков, что возникшая у нас система финансового централизма является как бы системой самопоедания экономики. Произошедшее при этом резкое изменение структуры цен вызвало увеличение нагрузки на бюджет в виде большого объема дотаций. Со всем этим централизованная финансовая система явно не справляется, что в итоге приводит к разрушению нашей экономики во всех направлениях — где-то меньше, а где-то больше. Поддержание, например, в электроэнергетике высокого уровня заработной платы просто оттягивает момент быстрого падения производства в этой отрасли. Высокая зарплата помогает сохранить трудовые коллективы, но не может обеспечить обновление уже очень изношенных производственных мощностей, а без этого в будущем следует ожидать еще более резкого падения производства, чем сейчас.

Система косвенных дотаций, когда поставка натурального продукта идет по заниженной цене и таким образом в неявной

форме становится передачей ренты потребителю, в существующих условиях более для нас приемлема, несмотря на связанный с этим перерасход материалов, энергии и т.д. Резкое изменение структуры цен привело к таким перекосам в экономике, с которыми централизованные методы финансового регулирования не могут справиться по определению.

— *Что значит — “не могут справиться по определению”?*

— Это значит, что цены на промышленные изделия растут ограниченно, инвестиционный спрос в экономике очень сильно упал, потребительский спрос тоже падает. В таких условиях экономика сворачивается. Она еще не достигла состояния коллапса, но не исключено, что скоро достигнет.

По моему мнению, финансовый централизм не является субъективным актом замены одного способа регулирования экономики другим. Безусловно, наша экономика должна быть регулируемой и не может быть нерегулируемой. Я согласен, что теоретически можно представить себе саморегулирующуюся рыночную экономику в духе воззрений Фридмена¹ или Хайека². В их аргументах есть, возможно, какая-то правда. Но к нашим условиям их аргументация не будет применима еще очень долго. И это доказала реальная практика. Отменив механизм натурального распределения ресурсов, правительство вынуждено было заменить его другим — финансовым. Порочность этого механизма — не в нем самом, а в том, что внедряется он в крайне неблагоприятных условиях структурного неравновесия, когда финансовые рычаги не в состоянии обеспечить сбалансированности. Нельзя одновременно осуществлять сложный переход от натурального распределения к финансовому и при этом резко менять структуру цен.

¹ *Фридмен Милтон* (род. в 1912 г.) — американский экономист, нобелевский лауреат, лидер монетаризма в политэкономии, один из главных представителей “Чикагской школы”.

² *Хайек Фридрих Август фон* (1899—1992) — экономист и философ, нобелевский лауреат, сторонник идей экономического монетаризма. Наряду с М. Фридменом стал одним из инициаторов поворота в экономической политике стран Запада к неоконсерватизму.

– Чем объяснить то обстоятельство, что натуральный централизм обеспечивал сбалансированность экономики, а финансовый – нет?

– Я уже говорил об этом. Существовала определенная структура цен. Например, первичные ресурсы имели относительно низкие цены, а цены на продукцию обрабатывающей промышленности были относительно высокими. И хотя в силу известных обстоятельств обрабатывающие отрасли работали неэффективно, тем не менее сложившееся соотношение цен позволяло им служить рынком сбыта продукции для добывающих отраслей.

– Но цены в той ситуации роли не играли?

– Конечно, нет, но если посмотреть на финансовую структуру, то она имела ценовое оформление.

В сегодняшней ситуации, когда меняется структура цен, оказывается, что при низком качестве товаров цены не могут быть очень высокими. К тому же уменьшается общий объем спроса. В результате сегодня обрабатывающие отрасли, с одной стороны, уже представляют собой суженный рынок сбыта для сырьевой продукции, а с другой – они не только не являются источниками прибыли и доходов для бюджета, но и вынуждены получать дотации из него. Если бы у нас был развитый потребительский сектор, позволяющий каким-то образом увеличивать зарплату, если имелась бы развитая обрабатывающая промышленность, то, конечно, переход к рынку происходил бы значительно мягче. Так как при этом обрабатывающие отрасли и сельское хозяйство были бы более дееспособны, то и объемы требуемых дотаций, и масштабы издержек оказались бы совсем другими. Это позволило бы сосредоточить ресурсы для инвестирования в сырьевых отраслях и не допустить обвального свертывания производства, например в электроэнергетике.

Теоретически можно вообразить себе некую идеальную ситуацию – благополучные отрасли обрабатывающей промышленности, развитый потребительский сектор, низкие издержки

в сфере услуг и т.д. Очевидно, что в этих условиях нагрузка на бюджет в виде прямого финансирования непроизводительных отраслей и масштабы их субсидирования были бы гораздо меньше. Но эта идеальная ситуация далека от фактической. Отсюда следует, что жесткие формы нашего финансового централизма предопределены состоянием нашей экономики. Речь совсем не идет о том, что всякая экономика финансового централизма неприемлема. Это может быть вполне жизнеспособная система. Но при наших структурных перекосах, при неэффективности нашей экономики финансовый централизм приобретает тяжелый, зверский, разрушительный характер, гораздо худший по сравнению с уже разрушенной системой натурального централизма. В такой экономике мы сейчас и живем.

— Каким, по вашему мнению, должен быть централизм, если не финансовым?

— Я уже говорил, что у нас невозможна некая гипотетическая экономика, которая живет по законам рынка без всякого централизма. В условиях отпущенных цен, новой их структуры, у нас такой экономики быть не может. Очень многие отрасли пока самостоятельно существовать не в состоянии и нуждаются во всевозможной поддержке, например инвестиционной, а также в дотациях. Таким образом, участие государства в экономической жизни продиктовано неравновесным состоянием нашей экономики. В сложившихся условиях, с одной стороны, необходимо поддерживать экономический обмен между отдельными частями народного хозяйства, а с другой — масштабы неравновесия таковы, что эффект функционального сопряжения этих частей достигается очень дорогой ценой. В результате государство иногда просто не в состоянии выплачивать субсидии. Поэтому некоторые отрасли народного хозяйства подвергаются дополнительному давлению, что вызывает новое повышение цен и приводит к инфляции.

Понятно, что при каждом повышении цен отрезается все большая часть потребителей, реальный объем спроса сокраща-

ется, а экономика сжимается. Чтобы сохранить равновесие в этой ситуации, необходимо через центр поддерживать оказавшиеся в критическом положении отрасли, так как в противном случае они начинают реализовывать некий механизм самодействия, то есть механизм повышения цен. А это фактически ведет к сокращению объемов производства, тем самым подрывая налоговую базу и возможности бюджета. В результате наша экономика все ближе подвигается к тому состоянию, когда, для того чтобы не остановилось производство, необходимо будет снова вводить прямое распределение ресурсов. Другими словами, все толкает нас обратно. Взаимосвязи, существующие в нашей экономике, порождают сейчас многочисленные разрушительные эффекты, которые могут иметь следствием возврат к прямому распределению ресурсов или разного рода экономические извращения.

— *Что вы называете экономическими извращениями?*

— Например, если финансовое бремя в тарифах на энергию перекладывается на машиностроение, то это, конечно, извращение. Попытку решения проблем добывающих отраслей за счет постепенного повышения цен на сырье, но при этом обходя продукцию сельского хозяйства, также являющегося добывающей отраслью, тоже можно назвать извращением. Очевидно, что строительство рыночной экономики в наших жестких условиях оказывается возможным лишь за счет очень сильных нарушений тех самых либеральных принципов, которые у нас пытаются утвердить.

От прямого распределения ресурсов мы в значительной мере отказались, но реализовать принцип "Всем отраслям и предприятиям жить по одинаковым правилам" у нас не получается. Нарушение этого принципа проявляется, в частности, в неравномерном изменении цен на разные сырьевые товары. Оно проявляется также в том, что оценка труда в системе народнохозяйственных оценок очень сильно отстает от оценки природных ресурсов. Таким способом пытаются снять нагрузку с бюджета и переложить ее на отраслевые издержки, включая в себестоимость продукции

и будущие затраты на инвестиции, то есть в тариф загоняют будущие инвестиционные затраты. Это сейчас наблюдается, в частности, в электроэнергетике: электроэнергию отпускают обрабатывающим предприятиям по высоким тарифам.

В итоге возникает система довольно сложного финансового перераспределения, с элементами принуждения и насилия, с наличием явных льгот и привилегий, причем не имеющих никакого целевого начала. Это в чистом виде результат адаптационных процессов. Если раньше в экономике с помощью привилегий как-то дифференцировалось распределение ресурсов, что было связано с некими целевыми установками, ориентацией на структурные сдвиги, то сейчас таких целевых установок нет. Динамическое ядро экономического и технологического роста утрачено. Остались лишь процессы приспособления как таковые.

— Правильно ли я понял, что высокие тарифы на энергию для промышленности отчасти возникают из-за боязни правительства поднять плату за тепло и энергию в квартирах у населения?

— Это, безусловно, один из примеров, иллюстрирующих высказанное мной положение о том, что реализовать красивый либеральный лозунг о равенстве цен для всех категорий потребителей у нас не удастся. Стоит рассмотреть этот вопрос подробнее.

Население неоднородно по уровню своих доходов. Есть сырьевые отрасли — угледобывающие и другие, — работники которых сейчас имеют достаточно высокие доходы. И дело не в том, что правительство боится их тронуть, а в том, что запущен и поддерживается ценовой механизм, постоянно ведущий к относительному повышению цен, например на энергоресурсы. Мы уже говорили об этом, и я пояснил, что энергоресурсы являются тем продуктом, который реализуется на внешнем рынке, имеет валютную оценку. Другое дело, что, например, шахтерам благодаря забастовкам перепадает больше, но это особый разговор. Главное — что при нынешнем валютном курсе выручка, которая

может быть получена сырьевыми отраслями на внешнем рынке, оценивается очень большим количеством рублей. Данное обстоятельство толкает к относительному росту зарплаты в этих отраслях, то есть существует механизм постоянного приравнивания наших внутренних цен к мировым с учетом существующего валютного курса. А это ведет к постоянному ценовому отрыву отраслей добывающей промышленности.

В обрабатывающей промышленности цены также очень быстро повышаются, даже иногда быстрее, чем в добывающих отраслях. Но повышают их прежде всего те, кто обладает монопольным положением, некими гарантиями сбыта, гарантированным спросом. Вместе с тем очевидно, что масштабы производства в данных обрабатывающих отраслях постоянно сужаются. Производителей, сохраняющих конкурентоспособность несмотря на постоянное удорожание компонентов издержек, остается все меньше и меньше.

В сложившихся условиях работники добывающих отраслей живут относительно неплохо. В обрабатывающих отраслях уровень жизни уже сильно разнится. Например, в автомобильной промышленности, на продукцию которой сохраняется спрос, положение в среднем неплохое. А на продукцию оборонной промышленности спрос упал, что привело к сокращению денежной выручки, которая уже в гораздо меньшем объеме делится на то же количество занятых в этой отрасли людей. В целом экономическое положение населения стало весьма неоднородным, то есть возросла дифференциация доходов.

В этой ситуации возникает вопрос: как и в каком месте можно "прижать" население? Правительство может повысить квартплату, цены на тепло, продукты питания. Эти цены до настоящего времени действительно относительно занижены. Но при решении таких вопросов необходимо ориентироваться на категории населения со средним и даже низким достатком, поскольку они и так живут на пределе возможностей. И сейчас нельзя с этим не считаться. Пока еще правительство надеется, что мы

проходим период прилаживания, пригонки, притирки отдельных частей нашего народного хозяйства. Однако это совершенно несостоятельные надежды. Кроме того, нужно учитывать, что у нас еще в прежние времена сформировались определенные потребительские стандарты, сложилась определенная социальная среда. Она и так уже в существенной мере подверглась разрушению и будет разрушаться дальше.

— Но в 1918 году было еще хуже, и притом намного. Тем не менее общество регенерировалось.

— Важно понять, какой ценой и за счет каких механизмов оно регенерировалось. Прежняя, дореволюционная социальная среда городов, индустриальных и интеллектуальных центров, была уничтожена. Многие попросту умерли, исчезли целые социальные слои, а значительная часть квалифицированной верхушки общества эмигрировала. Быстрый рост численности городского населения начался лишь в 1924—25 годах, и происходил он за счет миграции из села. Люди, приехавшие в город из села, имели весьма низкие потребительские стандарты и соглашались жить в коммунальных квартирах, питаться по карточкам. Ныне ситуация совершенно иная. У нас больше нет слоев населения, готовых легко принять пониженные жизненные стандарты.

Я еще раз подчеркиваю, что уровень доходов различных слоев населения является сейчас производным от экономического положения тех отраслей, в которых эти люди работают. Поэтому их жизнеобеспечение зависит прежде всего от состояния соответствующих отраслей. Другое дело, что можно закрыть убыточные предприятия и перевести их работников на статус безработных, скрытую безработицу можно сделать явной. Но в любом случае проблема выживания населения — это проблема выживания различных секторов экономики, с которыми придется что-то делать.

Конструктивная задача состоит в том, чтобы все-таки сохранить в экономике ее основную, жизнеспособную часть, то есть избежать массового закрытия предприятий и перевода значи-

тельного слоя населения на статус безработных. По сути дела у нас всерьез еще ничего не предпринято для выхода из сложившегося положения. Здесь необходимо участие государства в проведении реконструкции, модернизации производства, в соединении конверсии с технической перестройкой гражданских отраслей. Необходимы региональные планы такой деятельности. Для начала важно понять, что народное хозяйство, которое искусственно загонялось в столь тяжелое положение, не может естественным образом, путем самоналаживания, повысить свою жизнеспособность, выровнять свой потенциал, осуществить перелив этого потенциала из одной части экономики в другую. Очевидно, необходим какой-то переходный период. Но в этом направлении, повторяю, у нас делается очень мало, и в значительной мере — потому, что мы быстро ушли от планового начала, то есть от прямого распределения ресурсов.

Хочу заострить этот вопрос. Я далеко не уверен, что в неравновесной экономике средств финансового централизма, то есть бюджета, налогов и т.п., достаточно для того, чтобы наладить органичное ее функционирование. Причем я не говорю в данном случае о многочисленных ошибках правительства — я говорю о том, что эта задача, возможно, нерешаема в принципе. Те, кто считает, что она может быть решена, должны это доказать. Но если не удастся привести экономику в состояние равновесия с помощью имеющихся средств, то итогом станет возврат к прямому распределению ресурсов.

— *А не может все-таки вместо этого произойти резкое повышение цен на хлеб, на тепло и т.д., то есть на все то, что жизненно необходимо населению?*

— Этот сюжет, на мой взгляд, малореалистичен. Из населения уже много не выжмешь. И вообще мне непонятно, почему относительно благополучная экономика, которая жила и функционировала, должна быть доведена до такого состояния, что люди начнут умирать от голода, холода и болезней. Правда, Борис Федоров считает необходимым закрытие неплатежеспособ-

ных предприятий, деиндустриализацию и массовую безработицу. Он хотел бы путем сокращения спроса выявить неэффективные производства. Я, однако, неоднократно писал, что в наших условиях неэффективность производства не означает его ненужности. У нас очень много предприятий с весьма низким техническим уровнем, низкой культурой производства, которые тем не менее выпускают абсолютно необходимые комплектующие изделия. Остановка этих предприятий может парализовать целые отрасли. Причем предприятия, неэффективно расходующие ресурсы, осуществляющие режим ресурсорасточительства, хаотично разбросаны по всей экономике.

Никто не спорит, что такие производства надо модернизировать. Я уже пятнадцать лет пишу о необходимости ликвидировать технологическое неравновесие в нашей экономике. Именно сюда следовало бы направить ресурсы конверсии. Однако сейчас эти ресурсы уже загублены, может быть, процентов на 70. Значит, процесс модернизации будет очень медленным. Но другого выхода нет. Закрытие так называемых неэффективных производств может стать значимой компонентой крупномасштабного спада, то есть перехода экономики на нижнее равновесное состояние, сопровождающееся массовой безработицей. В свою очередь возникновение массовой безработицы ставит проблему выплаты пособий, обеспечивающих минимальный жизненный стандарт. Эти пособия, финансируемые из бюджета, станут безусловным приоритетом по отношению к другим возможным затратам, так как население будет лоббировать их через соответствующие государственные структуры. Это приведет к увеличению бюджетного дефицита, поскольку поддержанию определенного жизненного стандарта должно быть отдано предпочтение перед любыми финансовыми строгостями.

Угроза массовой безработицы — это не результат объективного движения экономики, а в основном результат совершенно неадекватных действий, ошибок. Тем не менее средства массовой информации внушают, что безработица является необходи-

мой платой за переход экономики в новое, благополучное состояние. Я считаю, что это ложь.

— *Но безработица все же будет?*

— Есть разные виды безработицы. Ведь у нас говорят не о той безработице, которая возникает вследствие структурной перестройки экономики и сопутствующих этому процессов трудовой миграции. У нас говорят о безработице, которая возникнет вследствие крупномасштабного экономического спада. Зачем же этот спад создавать? Ведь для него нет никаких объективных оснований. Если он все же произойдет, — а это весьма вероятно, — то именно как результат беспомощных действий правительства, осуществленных под лозунгом: не выдавать кредиты предприятиям, а закрывать их. Но ведь так называемым хорошим, эффективным предприятиям сторонники Федорова намерены кредиты выдавать. Правительство добилось переподчинения ему Центробанка, поскольку его председатель, по мнению правительства, слишком либерален и дает кредиты всем. Правительство считает, что сможет проводить в этом отношении избирательную, осмысленную и целенаправленную политику. Это утопия. У правительства нет твердых принципов, на основе которых оно могло бы проводить такую политику. Выдача кредитов станет по сути дела стохастическим процессом, не способствующим поддержанию жизнеспособности экономики.

— *Но существует и, так сказать, большевистский вариант: вообще никому не давать государственных кредитов. Что будет, если его осуществить?*

— "Большевистский вариант" имеет свою логику, которую надо доводить до конца. Если никому не давать кредитов, возникают огромные по масштабам спад и, соответственно, безработица. Массовая безработица будет, как мы уже говорили, толкать людей на всевозможные формы лоббирования. Чтобы довести до конца "большевистский вариант", это лоббирование придется подавлять силой. Таков механизм установления диктатуры. Но я считаю такой вариант маловероятным. На массовые

репрессии правительство, конечно же, не пойдет. Оно будет уступать, платить пособия безработным. Возникнут крупные контингенты бездеятельного, озлобленного населения, пополняющего свои доходы в сфере теневой и криминальной экономики. Это особенно касается молодежи. Будет нарастать общая криминализация социальной среды. Таков мой прогноз.

— *Не смогут ли торговля и сфера услуг вобрать в себя массу безработных, о которой вы говорите? Ведь это некапиталоемкие отрасли, а дефицит их продукции в советское время был огромен. Кроме того, имеются и незадействованные мощности. К примеру, сейчас остро не хватает продуктов кулинарной работы — а ведь печь пирожки можно и на домашних кухнях.*

— О торговле надо говорить отдельно. Замечу только, что торговля, несмотря на имитированную приватизацию, как была, так и осталась монополистским монстром, не затронутым никакими реформами, хотя ее-то, наряду с сельским хозяйством, и следовало реформировать в первую очередь.

Теперь о том, смогут ли торговля и сфера услуг вобрать высвобождающиеся трудовые ресурсы. С моей точки зрения, тот контингент людей, который сейчас в силу определенных обстоятельств идет на поиски новых источников доходов, связанных с пребыванием на улице, с продажей вещей и тому подобным, достаточно ограничен. Сюда относятся неопределившаяся молодежь, пожилые люди. Основной же состав работоспособного населения занят на предприятиях. Ни вы, ни я пирожки печь не станем.

В то же время мафиозность нашей торговли достигла таких масштабов, что практически вся товарная масса реализуется через несколько звеньев посредников. К примеру, значительная часть плодоовощной продукции, причем лучшая ее часть, попадает с баз не на прилавки, а к посредникам, которые перепродают ее на улице или на рынке по монополюбно назначенным ценам. Так обстоит дело по сути со всеми потребительскими ресурсами. Этот теневой оборот огромен, и он приносит значительные доходы. Соответственно и контингент, торгующий на

улицах, занимается посреднической деятельностью, а не продает продукцию собственного производства. Печь пирожки в таких условиях никто не станет, потому что это невыгодно и бессмысленно.

Сейчас невооруженным взглядом видно, что посредническая деятельность вытесняет производственную. Это касается и всевозможных малых предприятий, которые в большинстве своем изначально создавались как производственные. Сейчас практически все производственные звенья в таких предприятиях зачахли. Посредничество их вытеснило. Масштабы посреднической деятельности в нашей экономике слишком велики и совершенно неоправданны.

По поводу уличной торговли мне приходит в голову аналогия с одной биологической теорией. В прошлом веке существовала научная школа, которая считала, что примитивные формы жизни могут самозарождаться из грязи. Нечто подобное, с моей точки зрения, утверждают некоторые наши экономисты, полагающие, что капитализм может самозародиться из уличной торговли. Я уверен, что нет ничего несбыточнее этих надежд. Никакие реформы экономики не смогут дать положительных результатов, если в них не будет задействован наш основной промышленный потенциал.

Возвращаясь к вопросу о безработице, добавлю, что институционально это явление должно существовать. Действительно, у нас в народном хозяйстве есть раздутые сферы, которые должны сокращаться. Но о такой безработице даже не стоит говорить, поскольку по своим масштабам она не может быть велика. Тем более, что у нас долгое время существовали такие трудоемкие отрасли, как строительство, сфера услуг. Поэтому, на мой взгляд, средний срок пребывания в состоянии безработного не окажется в этом случае очень долгим. Но разговоры о безработице, которые ведутся в нашей прессе, как я уже говорил, имеют в виду совсем другую ее форму. Здесь речь идет о безработице в результате банкротства неплатежеспособных предприятий,

то есть об искусственном ее усилении, причем усилении на порядок. Вот это никак нельзя считать нормальным явлением. Более того, такую форму безработицы необходимо любыми средствами предотвратить.

Идеологи реформы утверждают, что государство должно поддерживать только социально слабозащищенные слои населения, но не должно проявлять заботу о дееспособных людях. При этом не берется в расчет, что дееспособные люди работают на предприятиях с изношенным оборудованием, а изнашивается оно из-за изъятия средств, необходимых на реконструкцию, то есть в результате грабительской политики государства. Возникает вопрос: почему же государство лишает этих людей поддержки? Они в состоянии работать, и не их вина в том, что они оказались в таком бедственном положении. Я согласен: некоторые никуда не годные предприятия можно закрыть, но только с целью их перепрофилирования. А резко переходить от сугубо социалистической плановой экономики к закрытию предприятий, выбрасывая людей на улицу, — это просто абсурд, и я не понимаю, как можно предлагать такое совершенно серьезно. Процесс структурной перестройки экономики и сопутствующий ему процесс трудовых миграций должны осуществляться планомерно. Это предотвратит большие и никому не нужные жертвы.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ

О частичном восстановлении планового начала в экономике. Необходимость централизованных усилий для нормализации структуры экономики. Проинфляционное и антиинфляционное инвестирование при разной ценности рубля в отдельных секторах экономики. Долгосрочная стратегия преобразования ВПК. Структурная перестройка невозможна без привлечения потенциала оборонного комплекса. Угроза деградации гражданского сектора экономики и анклавизации страны.

— Недавно состоялось очередное, четвертое заседание национального «Круглого стола»¹, в котором вы участвовали, и речь шла о роли государства в экономике. Пожалуйста, расскажите о вашей позиции на этой встрече.

— Ряд участников "круглого стола", и я в том числе, пыталась отстоять позицию, согласно которой роль государства в наших экономических преобразованиях должна быть весьма значительной. Выступавшие приводили в обоснование такой позиции в основном следующие аргументы. Во-первых, в нашей экономике собственность на 90 процентов является государственной, и ею

¹ «Круглый стол» — общественно-политический форум, образованный по инициативе VII Съезда народных депутатов РФ в начале 1993 года для выработки рекомендаций к программам антикризисных мер и развития реформ. С февраля по сентябрь 1993 года являлся постоянно действующим консультативным органом, в работе которого принимали участие представители правительства, ученые, руководители производства, народные депутаты и др. Ю.В.Яременко был участником "Круглого стола" от Российской Академии наук и выступал на четвертом заседании в апреле 1993 года.

необходимо управлять, так как это не просто собственность, а — хозяйство. Второй аргумент был построен на аналогии. Наш переходный период от милитаризованной экономики к гражданской сходен в главных своих чертах с тем периодом, который переживала Америка после второй мировой войны. Тогда элементы государственного вмешательства в американской экономике были очень сильны. В этом отношении наша экономика находится в похожей ситуации, хотя и с совершенно другим наследством.

Аргументы, которые я назвал выше, в принципе правильны, но, на мой взгляд, слишком поверхностны. Гораздо более существенный аргумент состоит в следующем: управлять нашей экономикой плановым методом нужно хотя бы потому, что безусловно сохраняется инерция самого типа воспроизводства, при котором государство играло очень важную роль. Суть этой инерции в том, что в течение десятилетий одной из главных функций государства являлось поддержание экономического равновесия, причем сама экономика обладала крайне неравновесными свойствами, которые постоянно требовали упреждающих инвестиций. Сейчас эти свойства экономики не утрачены, они сохраняются. Хотя, возможно, ее перегрузка, связанная в прошлом с бременем милитаризации, несколько ослабла, тем не менее появились другие источники перегрузки и при этом остались такие дестабилизирующие факторы, как низкие технологии, капиталоемкость энергосырьевого производства и т.д.

Отсюда понятно, что в функции государства по-прежнему должно входить упреждающее инвестирование, некое плановое поддержание равновесия. Поэтому, исходя из специфики нашей экономики, нам необходим такой орган, как Госплан, или что-то вместо него для обеспечения упреждающего инвестирования и поддержания равновесия. Но при этом необходима некая долгосрочная стратегия, которая создала бы стимулы для экономической деятельности отдельного предприятия. В настоящее время такая стратегия отсутствует, то есть она не является существенной компонентой экономического поведения предприятий.

Таким образом, с одной стороны, у нас нет рынка капитала, тем более — производственного капитала, а с другой стороны, у предприятий нет пока долгосрочных стратегических мотиваций. Государство в этих условиях остается все-таки главным носителем функций поддержания равновесия, и до тех пор, пока не возникла система самонастройки экономики, что-то вроде Госплана должно существовать.

За время, прошедшее с тех пор, как вышел Закон о предприятии, самостоятельность предприятий зашла слишком далеко. По этой причине их отношение к воссозданию прежних структур регулирования экономики будет, конечно, негативным. Но объективная необходимость в таких структурах есть. У предприятий сейчас мотивации для инвестирования отсутствуют не только по причине инфляции. На Западе предприятия для своего выживания формируют определенную стратегию. У нас же они, если и реализуют некую стратегию, то совсем иного типа. Существование многих наших предприятий в значительной мере связано с задачей сохранения коллектива, с обеспечением минимума заработной платы, а забота о поддержании производства и обеспечении рынка сбыта отодвигается на второй план. И здесь вполне приемлемым оказывается даже сужение производства, если это соответствует интересам управленческой элиты и коллектива. Иначе говоря, стратегии, связанной с долгосрочными инвестициями, у многих наших предприятий нет. Поэтому попытка реанимации каких-то функций Госплана является вполне оправданной, хотя за такие слова я рискую угодить в число "консерваторов", "противников реформ" и т.д.

Восстановление планового начала должно выражаться прежде всего в том, что государство берет на себя ответственность за специальные инвестиции в экономику, необходимые для предотвращения ее разрушения. Нужно, чтобы оно нашло какие-то способы наладить инвестиционный процесс. При этом, естественно, требуется решить, что делать с предприятиями, как восстановить управляемость ими.

— Мне кажется, что сам центр управления нашей экономикой захвачен лоббистскими структурами. Поэтому сигналы о ресурсных и инвестиционных запросах, поступающие из этого центра, скорее всего диктуются снизу лоббистскими группировками, зачастую вопреки всякой экономической целесообразности. Что вы думаете по этому поводу?

— Я допускаю, что определенные министерства и парламент в каких-то случаях выражают волю подобных групп. Но есть и другие примеры. Допустим, Газпром, ранее возглавлявшийся Черномырдиным, представляет собой группу предприятий, которые учитывают интересы долгосрочной перспективы. В какой-то степени их деятельность, можно сказать, выражает народно-хозяйственную позицию. Они не снизили объемы производства, поддерживают их на необходимом уровне.

Вероятно, у нас имеется и то, и другое. Нельзя однозначно утверждать, что верхние эшелоны власти являются тотальными представителями нижних лоббистских групп. Тем не менее, если у нас не будет ясного национального самосознания, экономического самосознания, если на самом верху управленческой пирамиды общенациональная экономическая идеология окажется дезинтегрированной, то есть не будет единой экономической воли, тогда ничего хорошего ожидать, конечно, не приходится. Единая экономическая воля должна идти и от парламента, и от президента, и от правительства.

— Но ведь сейчас в экономике продолжается то же, что и в прошлом: властные структуры, люди, которые в них задействованы, испытывают известный страх перед населением и стараются обеспечить людям какой-то, как вы говорили, "скорбный минимум". В той мере, в какой они боятся населения, — в той и дают средства, и только в этом проявляется их экономическое сознание.

— Я бы не сказал, что нынешняя ситуация тождественна прошлой. Действительно, раньше взаимоотношения властей с населением были жестко отмерены: существовал совсем корот-

кий поводок, и мера его натяжения очень чувствовалась. Сейчас эти взаимоотношения, хотя их тип, безусловно, остался тем же, приняли хаотический, импульсивный характер.

— Но это лишь одна сторона дела. Другая — то, что уменьшилось количество приоритетных направлений жизнеобеспечения, которые гарантируются государством. Раньше минимум жизнеобеспечения выдерживался по большому числу позиций. Ныне из числа безусловных гарантий остались тепло в квартирах, хлеб — и это едва ли не все.

— Конечно, круг ответственности государства за благополучие граждан очень сильно сузился. Тем не менее вы сами отмечаете, что тарифы на тепло и электроэнергию для населения занижены в несколько раз по сравнению с себестоимостью. Это иллюстрация того положения, что рыночные отношения имеют определенные границы и есть сферы прежнего социализма, куда рынок не допускается. В их число входит и сфера коммунальных услуг. Причем в данном случае издержки несет не бюджет, а региональная обрабатывающая промышленность. Перераспределение осуществляется через региональный бюджет. В итоге та дотация населению, которую платит мэрия, ведет к повышению тарифов на электроэнергию и тепло на предприятиях, снижая их способность к экономическому выживанию.

Вообще сейчас нет сколько-нибудь определенной экономической политики. Например, нет ясного представления о том, как будет происходить обеспечение людей жильем. Фактически отсутствует здоровая политика в отношении сельского хозяйства как базы снабжения продовольствием. Вот в Татарстане дается гораздо больше дотаций в сельское хозяйство, чем в среднем по России, там меньше нападков на колхозы и совхозы — и соответственно положение данной отрасли более стабильно. Это объясняется тем, что в Татарстане в руководстве сохранилась старая партийная элита, сохранились прежние взаимоотношения между верхним уровнем управления и низовыми предприятиями сельского хозяйства, как и промышленности. В целом же по Рос-

сийской Федерации политика в области сельского хозяйства довольно сумбурна, перспективы всей отрасли остаются достаточно неясными и мрачными. А это во многом определяет собой и перспективы взаимоотношений властей и населения, так как обеспечение продовольствием является очень важной компонентой социальной политики.

К социальной политике прямое отношение имеет проблема безработицы. Как мы уже говорили, ведутся безответственные разговоры о том, что безработицу нужно допустить в угоду неким рыночным принципам, бесконтрольному изменению структуры цен. Причем в данном случае речь идет о массовой безработице.

Таким образом, можно сказать, что раньше социальная политика, хотя и была жесткой, циничной, но существовали определенные допуски, по которым контролировались все ее направления, то есть существовал некий набор контролируемых параметров. Поэтому населению было ясно, чего можно ожидать от правительства в ближайшей перспективе. Нельзя утверждать, что такого рода социальная политика эффективна, но некоторый уровень ответственности у нее все же был, если допустить, что цинизм может сочетаться с ответственностью. Сейчас этого нет.

В журнале "Век XX и мир" была опубликована статья Драгунского, отражающая крайнюю точку зрения по вопросам социальной политики². Я бы сказал, что это цинизм, граничащий с хулиганством. Автор статьи считает, что наша страна входит сейчас в такой период, когда 10 процентов ее населения будут жить при капитализме, то есть иметь хорошие автомобили, хорошие квартиры и т.д., а остальные 90 процентов не смогут войти в капитализм и вынуждены будут жить плохо. Эти люди останутся обездоленными, и для их возможного умирения необходима сильная полиция.

² См.: Драгунский Д. Имперская судьба России: финал или пауза. — "Век XX и мир", 1992, № 1, сс. 19—24.

У наших радикальных реформаторов имеется большой соблазн пойти по такому силовому пути, то есть просто пренебречь основной массой населения. Фактически они все время колеблются между двумя точками зрения. Первая — это известная осторожность по отношению к населению, вторая — политика с позиции силы, переход к экономической диктатуре. Но для экономической диктатуры необходима новая власть, да и вообще совершенно не ясно, к чему это может привести. На мой взгляд — только к еще большему упадку экономики. Так что если рассматривать возможность верхних эшелонов власти рационально управлять экономикой, то такая возможность мне кажется довольно проблематичной.

— Здесь, на мой взгляд, нужно рассмотреть возможность интеграции власти в экономику. У разных ветвей власти, а также у разных ведомств, разные мотивации, и борьба между ними поглощает всю энергию управления.

— Я бы сказал, что какое-то добронамеренное ядро специалистов в области управления экономикой все-таки существует. И главный фактор сбой мотиваций — не влияние неких сил, преследующих эгоистические интересы, а то, что свое бессилие, возникшее в результате разрушения старых институтов власти, эти специалисты пытаются прикрыть лозунгами рынка, псевдоориентацией на него. Такая позиция для них сейчас достаточно удобна: катастроф пока нет и отвечать им ни за что не надо. Подобное состояние безответственности может оказаться для многих из этих людей предпочтительнее, чем необходимость брать на себя тяжелую ответственность. Но ситуация ухудшается, и рано или поздно придется предпринимать какие-то шаги, причем в условиях политического сопротивления, когда по поводу всякого "консервативного" действия будут наклеиваться политические ярлыки, например "реанимация командно-административной системы", "восстановление директивного плана" и т.д. И все время нужно будет доказывать, что за этими шагами стоят чисто экономические соображения, а не политические мотивы. Таким образом, люди, о которых я говорю, с одной стороны, бо-

ятся политического давления, а с другой — просто профессиональной ответственности, которая очень тяжела.

Проявление подобной человеческой слабости при решении трудной задачи и является, на мой взгляд, главной причиной того, что сохранившееся у чиновников высокого ранга чувство ответственности за положение дел в стране не может реализоваться. Это чувство должно быть сцементировано единой политической волей, сильной властью над чиновничьим аппаратом. Другими словами, всю нашу чиновничью элиту может заставить работать консолидация в верхних эшелонах власти. Но существующая сейчас политическая дезинтеграция означает определенное безвластие. В таких условиях попытка взять на себя ответственность чревата многими отягчающими обстоятельствами. Например, Министерство экономики так и живет: с одной стороны, там понимают, что экономика идет под уклон, а с другой — их устраивает положение, когда можно какое-то время безопасно жить, ссылаясь на рыночные отношения, а затем уйти от ответственности.

Понятно, почему психология таких временщиков сейчас преобладает: попадая в солидное министерское или ведомственное кресло, человек набирает политические очки и затем занимает еще более престижное место. И все же, мне кажется, инстинкт самосохранения должен на каком-то уровне сработать. Я думаю, что у президента, правительства, парламента этот инстинкт есть, но он настолько нейтрализован многими обстоятельствами нашей жизни, что мало в чем проявляется. Может быть, нам еще необходимо пройти некий круг страданий и тягот, например, столкнуться с необходимостью карточной системы, чтобы обратиться к адекватным способам управления экономикой. После того как мы ударимся о стену, плановые способы станут восприниматься как вынужденные, хотя эта вынужденность адекватна уже сегодняшнему состоянию нашей экономики. Таким образом, проблема политической консолидации, которая позволила бы претворить экономическое самосознание в какую-то действенную силу, сейчас весьма актуальна.

Конечно, в складывающейся ситуации трудно быть оптимистом. На мой взгляд, хотя это и противоречит общепринятой трактовке, именно такая ситуация описана в знаменитой книге Оруэлла "1984". Когда я ее читал, мне все время казалось, что существование привилегированной элиты с ее тайнами и "пролов" — это то, что характерно для своего рода гибрида социализма и капитализма.

— *У Оруэлла описано стабильное общество, жестко централизованное.*

— Да, конечно. Но мне кажется, что если у нас произойдет стабилизация, то наше общество может превратиться в нечто подобное. Уже сейчас у нас слишком многое построено на обмане, использующем псевдорыночную терминологию.

— *Вы говорите о необходимости некоей экономической воли, основанной на государственном самосознании. Но как раз этого-то и нет — в верхах сплошной раздраз. Откуда же возьмется в таких условиях целостная политика?*

— Меня, как и всех, конечно, очень беспокоит тот раздраз, о котором вы говорите, и он, безусловно, может привести к самым печальным последствиям. Но я исхожу из того, что есть некие меры, связанные с централизацией экономики, осуществление которых объективно необходимо. Чем дальше откладывается их реализация, тем тяжелее положение в экономике и тем неотвратимее необходимость этих мер. Конечно, тот уровень централизации экономики, который существовал раньше, теперь невозможен. Но у нас нет выбора: наша экономика по своим свойствам и своей инерции требует крупных инвестиций в различные отрасли народного хозяйства — нефтяную промышленность, инфраструктуру и т.д. Без этих поддерживающих инвестиций она просто не может существовать.

Вы спрашиваете, соберем ли мы политическую волю, преобразим ли ее в экономическую волю и реализуем ли совершенно необходимую нам функцию государства в подходящих формах. Если нет, то при дальнейшем спаде у нас может возникнуть не-

что вроде коммунистической или патриотической диктатуры, которая делает это, не считаясь ни с чем. Это, конечно, будет катастрофа. Но мне кажется, что еще есть возможность ее упредить. Нужно только осознать, что, не восстановив некоторых старых институтов, адекватных существенным характеристикам нашей экономики, наше хозяйство просто не выживет как единый экономический организм. Например, для таких экономик, как в США или западноевропейских странах, Госплан не требуется, но у нас совсем другая ситуация.

— *Давайте вернемся к "круглому столу". Насколько там прозвучало то, о чем вы сейчас говорите?*

— Беседа с участниками "круглого стола", я пытался объяснить, что то структурное пространство, в котором существует наша экономика, не адекватно рынку. Пока мы это пространство не нормализуем, пока структурные характеристики экономики не станут адекватны рыночным, до тех пор рыночная стихия будет оставаться для нашего общества разрушительной. Я имею в виду технологические перепады, перепады в издержках, негативные последствия освобождения цен. Нормализовать же структуру нашей экономики можно пока только с помощью централизованных усилий. Рыночные силы, если они не могут действовать, то они и не действуют, а это значит, что вместо них действуют какие-то другие силы — силы дезинтеграции.

Мы уже говорили о том, что существует двойная задача поддержания равновесия в нашей экономике и вместе с тем ее целенаправленной структурной трансформации. Такую трансформацию можно интерпретировать как подготовку к рынку. Главным звеном структурной перестройки должна стать ликвидация технологических перепадов и перепадов в уровнях издержек. В этом случае движение структуры цен в сторону мировых не будет столь разрушительным, как сейчас.

Нормализация структуры экономики и поддержание равновесия требуют, конечно, денежных затрат. И здесь мы сталкиваемся с обвинением в том, что наша программа носит инфля-

ционистский характер. Но я считаю, что, выдав целенаправленные кредиты и создав тем самым определенный инфляционный импульс, мы одновременно погасим другой источник инфляции, гораздо более мощный. Ведь вопрос заключается не столько в том, инвестировать или не инвестировать, сколько в том, во что вкладывать инвестиции и куда давать кредиты.

Эти вопросы нужно решать с учетом того, что в нашей экономике до сих пор нет полноценных денег. Наши рубли по-прежнему не эквивалентны друг другу в разных секторах экономики, поэтому полноценность рубля зависит от адреса его вклада. В одном направлении рубли будут весьма полноценны, их покупательная способность будет высока, а в другом — значительно ниже. Дело в том, что в экономике с нивелированной оплатой труда плата за товары и услуги, создаваемые трудом высокой квалификации, с привлечением больших научных разработок, и плата за дешевый ширпотреб примерно одинаковы. Нивелировка заработной платы, доходов, отсутствие эквивалентности в оплате труда приводят к тому, что нет и эквивалентного рубля, нет полноценных денег. Это необходимо понимать тем, кто уже сейчас подходит к нашей экономике с меркой денежного хозяйства. В такой экономике, как наша, полноценного денежного хозяйства быть не может. У нас рубль становится наполненным только в том случае, когда он адресуется в высокотехнологичное экономическое пространство.

Это отлично понимают те, кто живет в настоящей рыночной среде. Приезжая из Соединенных Штатов и поменяв доллары на рубли, они покупают у нас только те товары, которые очень дороги в США из-за высокой технологичности, а за рубли их можно приобрести относительно недорого.

— А что именно покупают?

— В первую очередь покупаются военные технологии, научные разработки, которые в США оплачиваются в десять — двадцать раз дороже.

Но вернусь к основной теме. Как видим, следует различать проинфляционное и антиинфляционное инвестирование. Первое направлено в основном в неплодотворные сферы, где рубль является неполновесным. Антиинфляционное инвестирование, наоборот, способствует наполнению рубля. Если с этой точки зрения посмотреть программы Министерства экономики, то обнаружится, что существуют отдельные программы по сельскохозяйственному машиностроению, по лесопромышленному комплексу и конверсионная программа. Это и есть инфляционное инвестирование, когда всем сестрам дают по серьгам.

Понятно, что ресурсы с высокими техническими свойствами сосредоточены в военно-промышленном комплексе, и только соединение конверсионных программ с другими даст положительный эффект. Антиинфляционное инвестирование должно быть направлено на задействование технологических и человеческих ресурсов с высокими качественными свойствами. Масштабы его, на мой взгляд, могут быть не очень велики, но оно абсолютно необходимо для проведения структурной политики, конечная цель которой – преодоление диспропорции на отставшем фланге нашей экономики. Такого рода инвестиции потенциально весьма эффективны, и рубль в этом случае будет наполнен.

Сейчас Министерство экономики искусственно разрывает все направления инвестирования. Понятно, что здесь дело не столько в злонамеренности правительства и чиновников, сколько в том, что ВПК все еще обладает значительным потенциалом самодостаточности, сильны его охранительные тенденции. Это и дает возможность влиятельным силам в ВПК диктовать свои условия при проведении конверсии. Но та конверсия, которую они сами проводят, всегда будет ориентирована на то, чтобы сохранить свои старые позиции, связанные с производством вооружения, и создавать себе тем самым какие-то поплавки для выживания.

Тут есть своя логика: действительно, ситуация в стране сей-

час довольно неопределенная, и ВПК необходимо в этих условиях обеспечить себе условия выживаемости, удержания на плаву. Это возможно с помощью торговли оружием, а также создания некоторых частных секторов для производства товаров на экспорт. Никакой долгосрочной стратегии, тем более стратегии, ориентированной на ликвидацию наших технологических провалов в гражданской промышленности, у самого ВПК нет и не будет. Он собирается выживать сам по себе, и гражданские отрасли от этого ничего не получают. Поэтому я и настаиваю на том, что необходима единая народнохозяйственная стратегия, идущая сверху, пусть даже с элементами силового давления на предприятия, реализуемая через селекцию предприятий, включая полное перепрофилирование некоторых из них. Другими словами, моя программа в каком-то смысле предусматривает жесткое обращение с ВПК.

Очевидно, что на предприятиях ВПК никто из директоров, пока он остается директором, не захочет никаких радикальных перемен в своей отрасли. Если такое вдруг случится и какое-либо предприятие начнут перепрофилировать, то на его директора обрушится тяжелейшее бремя. Никто не хочет на себя так много брать. В лучшем случае эти директора готовы заняться решением каких-то частных задач, например, выделить на своем производстве один цех для производства гражданской продукции. Таким образом, масштабы возможных действий со стороны руководства на предприятиях ВПК совершенно не соответствуют масштабам стоящих перед народным хозяйством проблем — я имею в виду поддержание экономического равновесия, технологическую трансформацию, модернизацию производства.

Вывод отсюда такой: нам никогда не удастся преобразовать структурное пространство нашей экономики, сделать его адекватным рынку, пока за это не возьмется государство. В первом приближении такой тезис звучит вроде бы парадоксально, но на деле получается, что чем больше мы будем идти на поводу част-

ных интересов, тем дальше от рынка будет находиться наша экономика. Например, частные интересы директорского корпуса в ВПК могут способствовать только весьма ограниченным преобразованиям, так как директора ориентированы в основном на выживание, а не глобальные стратегические цели.

Нельзя, конечно, отрицать, что за высказанной мной позицией чувствуется субъективный подход сторонника планового хозяйства. Но надо иметь в виду, что нашу экономику сгибало в бараний рог именно государство, и только оно может "распрямить" эту систему хозяйствования. Все же способы самодействия приведут в лучшем случае только к частным, локальным, несущественным результатам. Например, ВПК будет, конечно, по-прежнему ориентироваться на производство и экспортную продажу оружия, что весьма опасно и неперспективно. При этом правительство и Министерство экономики могут принимать очень благонамеренные решения относительно модернизации и реконструкции производства, но если не задействовать резервы ВПК, то база для реализации подобных решений окажется весьма слабой. Существуют, конечно, и другие ресурсы, например, западные технологии, их кредиты и инвестиции, но они пока к нам не приходят.

Выступавший на вышеупомянутом "круглом столе" Малей заявил, что ВПК трогать нельзя, так как он способен производить все что угодно. Например, один из военных заводов может производить мини-тракторы на уровне космической техники, но при этом очень дешевые. Данный пример как раз и показывает, что ВПК обладает колоссальным потенциалом. Тем не менее я уверен, что подобные производства будут занимать в этой отрасли весьма ограниченное место. База ВПК дает возможность нашей экономике сильно продвинуться в соответствии с уровнем квалификации задействованных там людей. В этом и заключается ее главный ресурс. Для нас будет трагедией, если с таким человеческим потенциалом мы скатимся до уровня экономики африканских стран. В этом случае наиболее квалифицированные

и дееспособные люди разбегутся, эмигрируют в более цивилизованные страны, усилится "утечка мозгов", как уже было в истории России, например в 1917 году. Не успел у нас нарасти новый слой научной и технической элиты, как его собираются снова снять. Еще одна такая операция над нашим обществом не может пройти бесследно, она грозит умственной и нравственной его деградацией.

— *Нельзя ли пояснить, что будет, если мы пойдём вслед за частными интересами?*

— Это вполне реальная опасность. В таком случае произойдет колоссальная дезинтеграция страны. Причем в первую очередь будут реализованы частные интересы производственных групп, занимающихся добычей сырья. В результате появятся острова благополучия в нищей стране. Подобные острова появятся и в сфере высоких технологий, например в машиностроении. Преобладающей для них будет экспортная ориентация. Другими словами, произойдет некоторая анклавизация страны. Вся остальная экономика будет находиться на чрезвычайно низком уровне: низкая оплата труда, низкие технологии и соответствующая им ментальность.

Если в нашей стране в доперестроечный период имело место противоречие, при котором образованные, квалифицированные люди получали неадекватно низкую заработную плату и обслуживали примитивные технологии, то сейчас уровень квалификации и образования в нижнем слое экономики постепенно понизится, станет адекватным уровню оплаты труда. И если раньше эксплуатация низкотехнологичного фланга экономики служила накоплением для высокотехнологичного, то есть между ними существовало некое взаимодействие, то в новой ситуации они будут очень слабо между собой связаны.

Другими словами, у нас наряду с благополучными анклавами высоких технологий и производства сырья, энергии останется неблагополучная, низкоуровневая экономика. Такая структура сравнима с экономикой, например, Индии или стран

Латинской Америки, где есть сильные корпорации, работники которых живут по меркам современной жизни, но одновременно существует значительный нижний слой. Динамического взаимодействия между этими слоями нет или оно очень слабое. Таким образом, существует опасность превращения нашей экономики в стоячее болото с разбросанными по нему отдельными островами благополучия.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Об экономических реформах в Китае. Их постепенность. Социальная сфера и потребительское пространство. Успешное решение этих проблем в Китае. Китайский опыт неприменим в России буквально. В чем особенности нашего пути?

— *Расскажите, пожалуйста, о вашей последней поездке в Китай.*

— Последнее время я посещаю Китай с периодичностью раз в полтора — два года, и с каждым посещением меня — и не только меня — поражают темпы, какими меняется эта страна. К числу таких изменений относится внешний облик крупных городов, где фактически исчезли скученные кварталы традиционной застройки. На смену им пришло огромное количество новых многоэтажных жилых домов. По сравнению с Москвой и Ленинградом удивляет большое количество новых высотных зданий, построенных по индивидуальным проектам, — их десятки и сотни. Это всякого рода административные здания, банки, особенно гостиницы и т.д. Поражают масштабы строительства дорог, транспортных развязок.

В магазинах бросается в глаза большое количество принципиально новых товаров. Если раньше магазины, специализирующиеся на продаже одежды, были заполнены традиционной китайской одеждой, то сейчас в них представлены в основном европейские костюмы. Ассортимент товаров чрезвычайно велик. Торговля идет также и на улицах, площадях. Но для нее выделены специальные кварталы. Такого рода торговля представлена в

основном мелкими лавками, имеющими металлический каркас, на который натягивается тент. Лавка арендуется у городских властей, за что платятся деньги и взимается налог на торговлю. Самое главное, на мой взгляд, в китайской торговле — изобилие товаров и достаточно широкая их номенклатура для всех доходных групп населения. Это очень важно, и это то, чего никогда не было в нашей стране. У нас наблюдается совершенно иная картина: есть очень дорогие качественные товары для высокодоходных групп населения, а люди с меньшими доходами вынуждены довольствоваться товарами весьма низкого качества, причем выбрать что-то подходящее чрезвычайно трудно.

Иная, чем у нас, ситуация в Китае и с продовольствием. Человек с высокими доходами может позволить себе пообедать в дорогом ресторане, а человек победнее может поесть в маленькой харчевне, где также имеется вполне добротный и разнообразный набор блюд, соответствующий уровню его доходов.

Такое положение дел касается и питания, и одежды, и обуви, которые для всех групп населения вполне доброкачественны и полноценны. Благодаря этому в каждой социальной нише есть свои потребительские ориентиры, ступеньки, достаточно многочисленные и содержательные. Товары, наполняющие потребительские стандарты, имеются в большом количестве. Поэтому можно сказать, что в Китае по части потребительских стимулов и потребительского экономического мотора все в порядке. Этот мотор запущен и работает.

Замечательно также и то, что наряду с удовлетворением потребительского спроса в Китае происходит очень существенное расширение содержания жизни людей. Большие разделы в книжных магазинах посвящены кулинарии, разведению рыб, выращиванию цветов, китайской гимнастике, истории, искусству. Все это находит своих читателей. Видно, что у китайцев появился вкус к жизни. Телевидение показывает многочасовые циклы передач по каллиграфии, древнекитайскому языку. Причем этот вкус к жизни проявляется не в формах какого-то убого-

го урбанизма, какой наблюдается сейчас у нас, а несет национальный отпечаток, реализуется как некий умеренный паллиатив между влиянием Запада и традиционными национальными ценностями во всех сферах.

Бросается в глаза прагматичность китайцев в решениях как экономических, так и политических. Часто китайскому руководству задают вопрос: что они будут делать с государственными предприятиями? Государственный сектор китайской экономики находится приблизительно в том же положении, что и наш госсектор. Это те предприятия, которые существовали в рамках плановой системы, с развитыми структурами социального обеспечения, с системой практически пожизненного найма (то, чего нет у нас), с наследованием рабочих мест, с партийной организацией, имеющей равные права с администрацией. Активизировать эти предприятия, сделать более жизнеспособными, заставить их руководство осуществлять экономический и технологический поиск — задача очень трудная. Но рядом с этими предприятиями уже кипит жизнь второго сектора.

Как я уже говорил в одной из наших бесед, Китай представляет собой типичный образец двухсекторной экономики: с одной стороны, рыночный сектор, с другой — традиционный плановый социалистический сектор. Таким образом, малоподвижная плановая экономика соседствует там с быстроразвивающейся рыночной экономикой в виде мелких и средних предприятий. Наряду с национальным капиталом функционирует в большом объеме мелкий и средний капитал из Гонконга, Сингапура, Тайваня. Однако обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на "учащенный пульс", который ощущается в секторе рыночной экономики, китайское руководство все еще не торопится в своих решениях относительно крупных и средних госпредприятий. С моей точки зрения, дело здесь не в опасении трогать госсектор. Китайское руководство осознает, что стандартных решений здесь нет, так как вопрос весьма сложен.

Понятно, что созданная за много лет экономическая система плохо трансформируется, что она больше склонна ко всякого рода коррупционным действиям. Новые стереотипы, которые возникли в госсекторе и в которых выражаются отклонения от прежнего способа жизни, очень похожи на стереотипы, наблюдаемые в нашей экономике. В частности, это попытки, используя государственную монополию, получить дешевое сырье, а затем его перепродать. С той же целью используются землеотводы и т.п. Новые, творческие способы ведения производства наблюдаются в государственном секторе в гораздо меньшем объеме, чем в рыночном. Тем не менее, провозгласив реформу промышленности в 1984 году (с тех пор прошло почти десять лет), китайские руководители пока продолжают искать способ подхода к этой плохо трансформируемой части экономики. И здесь я не стал бы упрекать их в консерватизме.

Китайское руководство ведет весьма осторожную политику в отношении цен. Их структура в Китае приближается к мировой, но очень постепенно. Например, в приморских районах были отпущены цены на рыбу. До этого они регулировались, то есть имелась предельная цена, которую никто не смел превышать. Цена на рыбу после освобождения возросла в два раза. Но потом, с одной стороны, увеличилось предложение, а с другой — сократилось потребление, в результате чего эта цена поехала вниз. Затем были отпущены цены на некоторые овощи. Таким образом, проводилась и проводится последовательная корректировка цен, причем не только в области потребительских товаров, но также в области сырья, материалов и т.д.

В Китае постоянно сужается сфера директивного плана. Конечно, основные продукты производятся по директивному плану — есть плановое задание, которое обеспечивается материально-техническим снабжением. Тем не менее предпринимаются попытки вынести за пределы планирования возможно большее число предприятий. Также расширяется сфера коммерческих финансов. Другими словами, экономика Китая идет в том же

направлении, что и наша, сталкивается с теми же проблемами, что и мы, — с теми же психологическими стереотипами, с наследством плано-социалистического ведения хозяйства. Тем не менее действия китайского руководства гораздо более осторожны, а результаты гораздо более значительны, чем у нас.

Конечно, объяснять успехи китайской экономики только искусным руководством нельзя. Понятно, что в Китае был целый ряд объективных предпосылок, своего рода резервов, которых у нас не было. У нас имелись резервы другого рода. Но китайские резервы, по-видимому, для этого момента исторического развития оказались более полезными. Главным из них является огромный потенциал рабочей силы, которую "выдавливает" сельское хозяйство. Люди из села физически дееспособны и готовы работать за малую зарплату, конкурируя в получении рабочих мест. В этом отношении социальная пружина экономического роста находится в постоянном напряжении, что сильно отличает возможности китайской экономики от нашей. Скорее всего тут заключена главная причина экономических успехов Китая. В нашей экономике эта пружина уже ослабла — нет достаточной массы людей и соответствующих потребительских стимулов.

Характер социальной стратификации в Китае в новых условиях сохраняется. Иерархия ценностей растущей экономики, несмотря на появление рыночного сектора, остается пока все той же, то есть люди хотят стать инженерами и учеными. Другими словами, то положительное, что было присуще нашей экономике в прошлом, есть в Китае, тогда как у нас это во многом исчерпалось еще в середине 70-х годов.

— *Означает ли сказанное вами, что успехи рыночного сектора в китайской экономике связаны с открывшимися возможностями развития ее традиционного сектора (по Мюргалю)?*

— Ничего подобного. Ко второй половине 70-х годов, когда умер Мао Цзедун, традиционный сектор был уже очень сильно разрушен: в нем "процветали" и колхозы, и коммуны. Все дело в том, что реформы начались с их роспуска. Фактически традици-

онный сектор к тому времени представлял собой единое казенное хозяйство. Китайское руководство прошлого периода сделало все для того, чтобы превратить свое сельское хозяйство в вотчину государства.

— *Как я понял, в Китае производство одежды и продуктов питания осуществляется не до конца государственным сектором экономики (условно рыночным). У нас же данное производство могло осуществляться только в госсекторе, с которым и в Китае не знают, что делать.*

— Действительно, в Китае производство новых товаров во многом приходится не на прежние государственные, а на новые предприятия, которые создаются в пригороде, используя сельскую рабочую силу и одновременно — связи с городской промышленностью. К сожалению, у нас такой тип развития производства уже в 70-е годы вряд ли был бы возможен. В Китае ситуация иная. Сейчас некоторые его приморские провинции уже повторяют тот эксперимент, который был осуществлен странами-"тиграми" Юго-Восточной Азии — Южной Кореей, Гонконгом, Сингапуром, Тайванем. А в скором будущем, возможно, этот эксперимент повторится в огромных масштабах, захватывая значительную часть территории Китая.

Если бы мы в 70-е годы попытались изменить наш потребительский рынок, то опереться на такие же ресурсы, как в Китае, мы бы не могли. Наш главный резерв был — оборонные предприятия. И раньше, когда наше государство искало резервы для расширения потребительского рынка, оно обращалось только к оборонным предприятиям. Так что у нас уже был опыт использования этой возможности для расширения потребительского рынка. И все же производство потребительских товаров в оборонном секторе нашей экономики носило довольно ублюдочный характер, поскольку ориентировалось на ресурсы второго порядка. Если бы оно было выдвинуто вперед, в авангард экономической жизни оборонного сектора, то, конечно, в рамках плановой системы нам удалось бы совершить колоссальный рывок вперед.

– Тем не менее, насколько я понимаю, при этом сохранились бы проблемы принудительности плановых мотиваций и малоподвижности предприятий госсектора.

– Понятно, что в данном случае возникло бы административное сопротивление.

– Как, по-вашему, в 50-е годы СССР мог пойти по пути китайских реформ?

– Некоторые предпосылки для этого существовали. В 50-е годы крупные города нашей страны были окружены еще относительно полноценными сельскохозяйственными районами, которые содержали определенные людские ресурсы (правда, уже истощенные). Между уровнями жизни деревни и больших городов был колоссальным перепад, и в этом состоит серьезное отличие Китая от нашей страны того периода. В Китае такого перепада нет. Особенно это касается приморских провинций. В приморском Китае благосостояние сельского населения очень высокое, это совсем не те измученные люди, какие жили в нашей деревне 50-х годов. Тем не менее у сельского населения, которое не может найти эффективного приложения своему труду в деревне, есть желание уйти в город. Прежде всего это молодые люди, и их очень много. Таким образом, дистанция между городом и деревней в Китае совсем другая, чем была у нас.

Потребительский набор нашего среднего горожанина начала 50-х годов из-за невысоких доходов был весьма скромным, ассортимент одежды очень беден. Например, чтобы купить подходящее пальто, приходилось тратить много дней на поиски – ситуация, знакомая всем, кто помнит это время. Приобретение подобных товаров всегда было большим событием. Помню, когда я в 1953 году собирался из Житомира в Москву для учебы в МГУ, то никак не мог себе купить в житомирских магазинах костюм, – его пришлось шить в ателье.

Во второй половине 50-х годов, в общем, стало несколько легче, ассортимент товаров увеличился. Но все-таки дифференциация потребительских товаров по уровню доходов населения,

которая имеет место в Китае, у нас всегда отсутствовала. Например, у нас мужчина любой социальной прослойки, в том числе крестьянин, мог приобрести для себя только одну форму одежды — костюм. В этом костюме он и шел пасти коров. У китайцев, в отличие от нас, имеется большой выбор функциональной одежды. Есть национальная рабочая одежда, весьма функционально приспособленная, рационализированная. В Китае потребительские товары не оторваны от традиции. Там преемственность жизни не нарушена до такой степени, как у нас.

Но главное, как я уже упоминал, — то, что люди с разными доходами могут найти адекватный своим доходам набор потребительских товаров достаточно хорошего качества. То есть могут вести вполне достойное существование. У нас же, если человек лишается приличных доходов, он скатывается в какую-то дыру, то есть вообще лишается возможности купить что-либо по своим средствам. Он в этом случае или донашивает старое, или приобретает что-то уж совсем непотребное. Таким образом, в нашей стране не существует потребительских ниш.

— Мне приятно слышать об успехах Китая, но возникает следующий вопрос. Известен такой эффект: когда иностранец приезжает в чужую страну, он автоматически приравнивается к высокодоходной группе населения. В 70-е годы я сам слышал по "Голосу Америки" интервью с каким-то американцем, который уверял, что нигде он так вкусно и дешево не обедал, как в московском ресторане "Пекин". Не попадаете ли вы, хотя бы отчасти, в эту же ловушку?

— Конечно, опасность, о которой вы говорите, существует, несмотря на проводившиеся мной эксперименты — еда в уличных столовых и т.п. Но сами эксперименты всегда давали положительные результаты. Я полагаю, что среднедоходный китаец может пользоваться такими же столовыми и получать в них приличное обслуживание. Повторяю, я посещал самые рядовые столовые.

— Но какой контингент ими пользуется? Все ли пекинцы по уровню своих доходов могут регулярно посещать такие столовые?

— Есть социальный слой людей, которые работают по контракту, и накопление денег является для них большой проблемой. Возможно, что эти контрактные рабочие, временно живущие в общежитиях, и не могут пользоваться такими столовыми. Но я разговаривал с разными категориями рабочих, например с шоферами. И у меня сложилось впечатление, что обычный рабочий люд в Китае живет достаточно благополучно. Это подтверждают и мои наблюдения на рынке. Рынок в Китае очень изобильный.

То, что сейчас Китай практически отказался от карточек на продовольствие, свидетельствует о том же. Карточки на продовольствие до сих пор сохранились как форма гарантии низких цен для малообеспеченных людей. Был период, когда в Китае использовались карточки на все продукты питания и на многие товары широкого потребления. Сейчас остались карточки только на хлебные изделия. Какое-то время назад они играли существенную роль в китайской экономике, но теперь им мало кто придает значение. Те, кто по ним что-то получает, считают, что такой некачественный рис даже по существенно низкой цене им больше не нужен. Многие просто продают эти карточки пригородным крестьянам, которые используют купленный на них рис как корм для скота. Если бы слой малообеспеченных людей был значительным в количественном отношении, то, конечно, карточки играли бы совсем другую роль.

В Китае существует множество всяких мелких забегаловок, небольших рынков, колоссальная уличная торговля. Всем этим, как мне кажется, пользуются широкие массы населения. О таком положении дел можно судить по одежде. Например, у детей в разных школах разная форма. Я бы сказал, что китайские городские дети одеты лучше наших детей.

— *Жители крупных городов Китая, на ваш взгляд, питаются лучше или хуже жителей Москвы?*

— Это трудно сопоставить. В Китае совсем другие продукты питания, другие традиции. Конечно, у нас едят больше мяса,

даже сейчас. Москвичи по сравнению с пекинцами имеют гораздо большие квартиры, то есть мы гораздо более богатая нация на сегодняшний день. Но это касается главным образом наших запасов. Благодаря нашим промышленным мощностям мы запасли достаточно много жилья, товаров длительного пользования. То же можно сказать и о поголовье скота. Единственное исключение — продукты легкой и пищевой промышленности: если учесть разнообразие ассортимента, качество обработки, то здесь китайцы нас обгоняют. Можно, я думаю, попытаться сосчитать с помощью определенных паритетов объемы продукции легкой и пищевой промышленности в Китае и у нас. Думаю, что по текущему объему производства в этих отраслях китайцы, скорее всего, нас обгоняют.

Наша страна, хотя и имеет большие запасы мощностей и потребительского богатства, сейчас быстро идет под уклон, в то время как китайское общество быстро набирает темпы. Конечно, в Китае есть свои проблемы роста, и государственный сектор находится там в сложном положении. Китайцы быстро и легко создают мощности в обрабатывающей промышленности, с привлечением избыточной рабочей силы, но из-за быстрых темпов роста этой группы отраслей у них существует перманентный кризис сырья и энергии. Уровень технологии остается на низком уровне, поэтому производство является энергоемким, металлоемким и экологически грязным.

Таким образом, сырье и энергия определяют то пространство, в пределах которого может развиваться китайская экономика. Отсюда следует, что Китай в будущем станет смотреть на нас если не как на сырьевой придаток, то по крайней мере как на источник сырья.

— В Китае существует абсолютный дефицит природного сырья или это дефицит относительный, связанный с нехваткой мощностей для его производства?

— Конечно, второе. Сырье в Китае есть. Например, в территориальных морских водах Китая имеются потенциальные

нефтеносные пространства. Есть также и уголь. Но не хватает инвестиций. Остра также проблема транспорта.

Пекин, Шанхай, Гуанчжоу во многих своих кварталах выглядят более великолепными городами, чем Москва или Ленинград. Тем не менее это, безусловно, лишь внешнее великолепие. Люди, побывавшие в Китае, делают справедливое заключение, что он пока остается относительно бедной страной. Это действительно так. В Китае еще не накоплено такое богатство, как у нас. Например, городские квартиры, которые получают китайцы в соответствии с принципами социалистического распределения жилой площади, конечно, гораздо скромнее наших нынешних.

— *А если сравнить с нашим распределением жилой площади в 60-х годах?*

— Даже скромнее, чем у нас в 60-х годах. Тем не менее китайцы в этом отношении все-таки приближаются к нашим стандартам. Кроме того, они строят в сельской местности трехэтажные дома, правда, с глиняными или цементными полами. При строительстве таких домов используется очень мало дерева — дефицитного для Китая материала. И в капитальных городских домах полы тоже каменные. Нам, конечно, это бы не понравилось, но в Китае такие полы являются традицией. Они были даже в императорских дворцах.

Таким образом, в Китае несколько другие потребительские стандарты, чем у нас. И подчеркну важное, на мой взгляд, обстоятельство — то, что мы, в отличие от китайцев, уже забыли традиционные, естественные формы потребительского существования, которые в свое время были и в России. Существовали какие-то российские традиции, но ныне они уничтожены или утрачены.

— *Вы можете привести какие-то примеры?*

— Я имею в виду то, что люди ели, во что они одевались, что считали важным в быту, в чем видели для себя удобство. Причем у каждого социального слоя был свой набор продуктов питания, одежды, домашней утвари, свои стандарты жилья. Теперь все это у нас разрушено. Наверное, это поломалось еще в то время, ког-

да Михаил Зощенко писал свои сатирические рассказы, в 20 – 30-е годы. Новую дифференцированную систему потребительских ниш мы так и не построили. Уйдя от своего традиционного стиля, мы не пришли к западному стилю потребления. Мужик, надевающий пиджак с отворотами, чтобы пасти скотину, – это уродство. Примитивная стандартизация быта, потребительской жизни и попытка на основе такой стандартизации количественно определять наше потребление является, по моему мнению, одной из причин нашего неуспеха.

Китайцу нет необходимости надевать европейский костюм, выходя на сельскохозяйственные работы. Это для него было бы весьма странно. Мы понимаем, что и нам это не подходит. Тем не менее, попав на казенные рельсы, мы так и не обрели стиля жизни в новых условиях. Китайцы же, в отличие от нас, сохранили все оттенки или по крайней мере очень многое из того, что было у них в бытовой культуре раньше. И такой их естественный подход к быту сэкономил значительные материальные ресурсы, позволив при ограниченных возможностях получить существенно больший потребительский эффект, чем у нас. По ресурсным параметрам потребления китайцы, может быть, уступают нам, но если взять некий агрегат потребительских свойств, то разница окажется не столь значительной. На мой взгляд, традиционный фактор в Китае экономически очень важен.

– *Как объяснить: почему в Китае традиция выстояла, а у нас – нет?*

– Мне кажется, это связано с тем, что в Китае были сохранены деревня и многочисленные промежуточные слои между городом и деревней, включая нижний слой городских жителей. Та часть экономики, которую в Китае пытались индустриализировать, была по охвату населения все-таки относительно небольшой. В результате формы народной жизни, существовавшие в Китае раньше, уцелели.

Вместе с тем там происходит постепенное наращивание промышленного сектора, хотя он и малоподвижен. Со временем

этот индустриальный материк в море сельского хозяйства может стать все более сопоставимым с экономическим потенциалом крупных промышленных стран. Ошибка многих экономистов состоит в том, что, измеряя экономическую мощь Китая, они пересчитывают некую промышленную продукцию, например электроэнергию, на душу населения. В результате получаются очень скромные цифры. Но это чересчур механистический, а потому ложный подход. На самом деле в Китае имеется океан крестьянских хозяйств, которые живут во многом традиционной жизнью. Одновременно имеется некое индустриальное ядро, некий конгломерат, сопоставимый с государством, в целом завершившим свою индустриализацию. По техническим параметрам в нем могут быть какие-то бреши, но при анализе необходимо сравнивать характеристики жизни людей, включенных в эту индустриальную систему, с аналогичными характеристиками жителей какой-либо страны, уже завершившей индустриализацию. Такой подход даст сопоставимые результаты.

Индустриальное ядро Китая по своим показателям, например по потреблению мяса на душу населения, очень близко к нашим средним показателям. Образно говоря, оно выращивается в "бульоне" традиционной экономики. Поэтому при анализе необходимо брать характеристики этой сердцевины социальной жизни и индустриального развития Китая, а не делить индустриальные показатели на всю крестьянскую массу, практически не имеющую к ним никакого отношения. Такой методический прием, на мой взгляд, позволил бы выявить очень многое в экономической жизни этой страны.

— У нас в 50-е годы тоже, наверное, можно было сравнивать показатели индустриального ядра с показателями западных стран?

— Возможно, что и так. Но сейчас мы подошли к определенному рубежу и исчерпали свои ресурсы. Китай же находится на подъеме и эффективно задействует свой ресурсный потенциал. Средние показатели производства на душу населения в Китае

говорят о низкой степени индустриализации страны, о преимущественно аграрном характере ее экономики. Но имеющееся там индустриальное ядро по социальным и производственным характеристикам сопоставимо с нашей экономикой, а постепенно становится сопоставимым и по масштабам.

— Правильно ли я вас понял, что индустриализация в Китае осуществляется не столь разрушительными в социальном плане методами, как это было у нас?

— Я просто хочу сказать, что та часть населения Китая, которая включена в индустриальное ядро (рабочие, инженеры, жители городов), близка к нам по ряду показателей уровня жизни. Хотя, конечно, в некоторых центральных провинциях существует огромная масса бедного крестьянства, вполне сопоставимая по своему материальному положению с нашим крестьянством 50-х годов. К тому же 15 процентов территории Китая периодически подвергается наводнениям в результате муссонных дождей. Защиты от подобного рода стихийных бедствий пока нет, и в результате жители таких районов часто оказываются в очень трудном положении, вплоть до голода, угроза которого возникает в среднем раз в шесть лет.

Конечно, сейчас благодаря централизации страны осуществляется перераспределение продовольствия в пользу терпящей бедствие части населения. В этих национальных гарантиях для всех территорий и слоев китайского общества заключается главный эффект централизации. В прежние времена императорское правительство Китая также перераспределяло продукты, создавало страховые запасы зерна. Но сейчас, при коммунистическом правительстве, это делается более эффективно, чем когда-либо раньше. Если бы не все эти спровоцированные идеологией рывки и уклоны, страна, может быть, в своем развитии ушла бы гораздо дальше.

Впереди у Китая, конечно, еще много проблем, например, старение населения, механизация сельского хозяйства при малых наделах земли, возрождение средних и малых городов и т.д.

Сельское население сейчас в значительной степени поглощается сельской же промышленностью — скажем, производством строительных материалов, — но тем не менее проблема занятости сохраняется. Необходимо решать вопрос и с крупной промышленностью, которая не может оставаться такой, какая она сейчас, поскольку наличие двух уровней цен все-таки сотрясает экономику, создает дефицит сырья. Короче говоря, проблем очень много. Политическая стабильность в Китае способствует тому, что Запад, несмотря на то, что в стране коммунистическое правительство, активно вкладывает в ее экономику свои капиталы. А с нашей демократией пока никто не хочет связываться.

— *Существует ли опасность, что при тоталитарном режиме Китай может непредсказуемым образом куда-то занести?*

— Вполне. Сейчас в китайском руководстве явно наметилось "головокружение от успехов". Например, правительство принимает планы, согласно которым 6—8 процентов роста считаются проявлением консерватизма, 8—9 процентов — нормой, но не мешало бы и больше, например 12 процентов. Таким образом, начинается кампания искусственного ускорения темпов экономического роста. Как результат — в прошлом году в Китае сильно возросла инфляция. Настроения в руководстве Китая, о которых я говорю, чем-то напоминают, на мой взгляд, настроения периода китайского "большого скачка" или горбачевского "ускорения", предшествовавшего "перестройке".

— *Есть ли уверенность, что Китай не попадет в ту структурную ловушку, в какую попала наша экономика в 70-е годы?*

— То, что произошло в Китае после 60-х годов, достаточно неожиданно. Прежде это была страна, скованная продовольственным балансом, причем настолько жестким, что государство могло централизовать лишь очень ограниченное количество продовольствия и цикл капитального строительства полностью коррелировал с очередным урожаем. В этом смысле Китай обладал весьма ограниченным ресурсом для межотраслевого размена, так как все время находился на пороге социального катаклизма. За-

пасы страны выражаются не только в наличии мощностей, но и в самой структуре экономики. Страна прочно стоит на ногах, если имеет достаточно развитое сельское хозяйство. Например, развитое животноводство само по себе является тем ресурсом, который затем, в случае необходимости, можно разменять. У Китая такого запаса не было.

Рывок в китайской экономике конца 70-х годов оказался совершенно неожиданным для самих китайцев. Его источником явился рост производства продовольствия, в результате чего стало возможным увеличение площадей для возделывания хлопка и других технических культур. И все это произошло после двух десятилетий застоя в китайском сельском хозяйстве (колхозы, коммуны и т.п.). Были даже периоды голода. Для китайского руководства продовольственный вопрос долгое время оставался проблемой из проблем, пути решения которой даже и не виделись. Главным в решении этого острого вопроса стало, конечно, предоставление китайским семьям относительной хозяйственной самостоятельности. Она обеспечила существенный прирост продовольствия и продолжает обеспечивать его и сейчас. Тем не менее это по-прежнему вариант некоего государственного феодализма, так как государство, дав крестьянам наделы, установило для них обязательные поставки по принудительным ценам. За выполнение плана поставок отвечает деревенский староста. Другими словами, во многом сохраняется плановая система. И однако такой способ хозяйствования оказался вполне эффективным в китайской крестьянской социально-экономической среде. На этой базе развились всевозможные формы кооперации, хотя уровень механизации еще очень низок.

Долгое время казалось, что у Китая нет выхода, что эта страна так и будет, как об стену, биться о продовольственную проблему. Такое представление сохранялось со второй половины 50-х до второй половины 70-х годов. Даже само китайское руководство не отрицает, что оно случайно вышло на путь эффективных реформ, предоставив хозяйственную самостоятельность крестьянам

некоторых совсем запущенных провинций, где был голод и где других возможностей просто не оставалось.

— *У нас тоже продовольственный баланс сковывает экономику?*

— В каком-то смысле так оно и есть, в отличие от сегодняшнего Китая. Физиология сельской жизни Китая — это очень интересный вопрос. Так называемая зеленая революция, резко повысившая уровень производства продовольствия в Латинской Америке, Индии и некоторых других регионах, в меньшей степени затронула Китай. Так что здесь у него еще есть очень большие резервы. Пока в Китае сохраняется традиционное агропользование, с замкнутым циклом возвращения в почву всего, что из нее было взято. В почву обратно вносится все, вплоть до тряпок и разрушенных стен домов, из водоемов выгребаются и возвращается в почву ил. Такой естественный оборот веществ в сельском хозяйстве Китая культивировался столетиями. Отсюда проблема экспорта продовольствия и хлопка интерпретируется главным образом как проблема вынесения полезных веществ за пределы страны. Сейчас, конечно, используются химические удобрения, всякого рода механические средства для орошения земель, мотоблоки для транспортировки грузов. Идет медленный процесс естественной механизации сельскохозяйственного производства.

— *Я хочу повторить свой вопрос: Китай может попасть в структурную ловушку типа нашей?*

— Наша структурная ловушка была связана с двухполюсностью технологии, с инвестиционной перегрузкой, с избыточной ресурсоемкостью и прочее. Конечно, такая опасность существует и в Китае. Там есть проблема создания ультрасовременного сектора экономики — я имею в виду электронику, аэрокосмическую, военную технику и т.д. Военные амбиции являются атрибутом современного государства, особенно централизованного, требуют создания таких отраслей.

Есть и другой фактор. В Китае стали сейчас копировать некоторые потребительские стандарты Запада, но это происхо-

дит на более ранней стадии экономического развития. Поэтому китайский потребительский сектор оказывается весьма энергоемким и по масштабам, и по качеству товаров. Этот довольно обширный фланг экономики, предъявляющий большой спрос на первичные ресурсы, может стать значительным источником неравновесия. Уже сейчас в Пекине не вводятся в строй целые кварталы жилья только потому, что нет возможности обеспечить их электроэнергией. Существует практика периодического отключения электричества. Масштабы потребления электроэнергии в китайском быту сейчас ограничиваются, то есть быт выступает в этом отношении довольно мощным конкурентом промышленности.

Мне кажется, что быстрое расширение парка бытовой техники, опережающее насаждение современных потребительских стандартов, оказывает на структуру китайской экономики очень большое влияние. Здесь историческое время не совпало, то есть индустриализация во многом еще не завершена, и сам этот процесс вызывает определенные структурные напряжения. На мой взгляд, главным их источником является формирование новых потребительских стандартов.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ

**О разрушении трудового потенциала страны.
О ценностных ориентациях. Идеологическое понятие «рынка»
в представлениях людей. Неадекватность проводимых в России
социологических опросов.**

— В прежних беседах неоднократно шла речь о процессах исчерпания трудового потенциала.¹ Вы затрагивали также вопрос о снижении его качества. В чем выразилось это снижение?

— На мой взгляд, самое страшное, что произошло у нас в экономике в прошлом десятилетии, это даже не растрата материальных ресурсов, а это порча трудовых ресурсов. Крупные контингенты занятых работали с элементами принудительного труда. Я имею в виду прежде всего "лимитчиков". Сколько людей в нашей стране прошло через "лимит"? Очень много. Может быть, каждый четвертый. Сюда надо еще прибавить службу в армии, пребывание в местах заключения, отчасти профтехучилища. Всем этим людям привили таким способом антиобщественный комплекс, комплекс отчуждения. Они воспринимают труд как принудительный акт. Отчуждение стало достигать крайних форм. Психология, трудовая мораль на нашем производстве зачастую такая же, как в местах заключения. Это справедливо для многих крупных отраслей, определяющих облик нашего производства.

Контингент, о котором я говорю, стремится не к тому, чтобы интегрироваться в общество, а к тому, чтобы ему противо-

¹ См.: Наст. изд., беседы первая, шестая и седьмая.

стоять. Противостоять тем силам, которые пытаются подчинить себе этих людей. Профессиональная деградация, пьянство, дисквалификация — явления скорее уже второго порядка. Это характеристики социального типа, который формируется в таких условиях. На нашем производстве вместо социализации происходит активная десоциализация, обучение антиобщественным навыкам. Возникает асоциальный тип человека. Очень важно осознать масштабы этого процесса. Если мы пропускаем большое количество людей через такую "школу", то что они там приобретают? Очень немногие и лишь в особых условиях способны затем преодолеть те асоциальные мотивации и навыки, которые они там получили.

Чего мы можем ожидать от человека, прошедшего через "лимит"? В лучшем случае — стремления зарабатывать деньги. У многих не остается даже этого. Многие просто спиваются. Но даже те, кто не деградировал, кто себя ценит и хочет зарабатывать, — что это за люди? Это асоциальные личности, которым крайне трудно интегрироваться в социальный коллектив. Возможность объединения их в плодотворно работающие коллективы весьма и весьма проблематична. Эти люди очень конфликтны, они с большим трудом идут на сотрудничество друг с другом, с администрацией. Главная их черта — сильный негативизм. Это отнюдь не "классовое самосознание", если понимать под ним стремление к социальной консолидации, отстаиванию общих интересов. Это форма социальной дезинтеграции, к которой люди приходили, начиная с учебы в ПТУ, службы в армии, наборов и т.д. Если говорить о качестве трудового потенциала, то начинать надо с рабочего как социального существа. Почему-то этими вопросами не занимается наша социология. Подчеркну, что отмеченные мной разрушительные тенденции сильнее всего проявили себя сравнительно поздно, в конце 70-х годов.

— Почему?

— Наиболее очевидный фактор — дефицит труда. Раньше непривлекательные места в городе заполнялись выходцами из

села, для которых это было какое-никакое повышение статуса и благосостояния. Показателен пример Белоруссии — она позднее вступила в стадию интенсивной перекачки сельского населения в города. Этот процесс в Белоруссии завершается только сейчас, и там нет такого развала социальных структур, как в центральной России. Когда миграционный потенциал деревни исчерпался, стали перемалывать городскую рабочую силу.

Сейчас у людей разрушилось представление о том, что такое достойное существование. Я говорю не об ориентирах в области потребления, а о социальных ориентирах образа жизни, стиля жизни. Если в обществе слишком редко встречаются образцы достойного существования, то люди перестают чувствовать почву под ногами. Для того чтобы общество было стабильным, в нем должно быть достаточно много таких образцов, соответствующих различным социальным нишам. Ясно, что эти образцы должны иметь наполнение в виде предметов благосостояния. Вот почему для нашего общества рост благосостояния является необходимым (хотя и далеко не достаточным) элементом социальной интеграции. Необходимо также восстановить социальную стратификацию — только тогда может быть обеспечена внутренняя интеграция общества. Сейчас у нас общества по существу уже нет, оно распалось на конгломерат мафиозных структур.

Как работают предприятия в этих условиях? Если говорить о производствах, которые не деградировали, на которых поддерживаются порядок и технологическая дисциплина, то они вынуждены чуть ли не забором отгораживаться от остальных. С помощью высокой зарплаты, социальных благ они создают стабильный коллектив, сами обучают людей. Круг таких предприятий становится все более узким, они не выдерживают конкуренции с мафиозными структурами. До последнего времени они держались за счет очень высокой зарплаты и развитой социальной инфраструктуры, но современная ситуация окончательно подрывает основу их существования.

– *Видите ли вы связь между описанными вами социальными процессами и распадом семей?*

– Безусловно. Основная причина развала семьи — асоциальное поведение мужчины, а оно является одним из определяющих факторов всей жизни нашего общества. Признаки этого явления бьют в глаза: травматизм, пьянство, потеря социальной ответственности. Какова сегодня роль мужчины в молодой семье? Реально — быть половым партнером. Никакой иной роли он не играет. На нем ничто не держится, нет никаких скрепляющих семью мотивов. Благополучие семьи от него не зависит, оно обеспечивается за счет материальной помощи родителей. Это с одной стороны. А с другой — женщины более социализированы, их роль во многом связана с семьей, а семья еще не утратила социализирующих функций. Другое дело мужчина, который десоциализируется во внесемейных структурах. Встречаясь в семье, мужчина и женщина выглядят как две неравновесные фигуры. Говоря более широко, традиции асоциального поведения на производстве и в быту взаимно усиливают друг друга.

– *Как вы считаете, почему люди поддержали идею рыночных реформ?*

– Ясно, что к советскому прошлому наши люди относятся критически. Но какие позитивные представления связаны в их сознании со словом "рынок"? Я думаю, что, говоря о рынке, люди не ждали для себя каких-то больших привилегий. Я даже не уверен, что они настаивали на очень большом материальном достатке. С моей точки зрения, с идеологическим понятием "рынок" для них были связаны представления о справедливости, справедливом социальном порядке. Рынок в сознании наших людей — это не Америка, о которой они имеют самые смутные представления. Рынок — это определенный символ, знак, аккумулирующий в себе некую систему ценностей. Мне кажется, она возникла не сейчас, не в перестроечные годы, а значительно раньше. Она сформировалась на основе отталкивания от нашей прошлой

системы, которой люди были недовольны. Таким образом, рассматриваемая система ценностей имеет две компоненты: негативную, построенную по принципу отталкивания от прошлого, и позитивную, выражающую определенные идеалы или устремления.

Эти идеалы могут в какой-то части совпадать с системой ценностей западных обществ, но именно в какой-то части, а отнюдь не полностью. Я думаю, что, говоря о рынке и голосуя за него, наши люди имели в виду оплату по труду, то есть честную оплату за честный труд, позволяющую каждому своими силами обеспечивать себя и свою семью. Среди негативных ценностей можно назвать ущемление бюрократии, которая всем заправляла, отказ от идеологической лжи. Но я хочу подчеркнуть, что в прошлой, так называемой социалистической, системе существовали и даже реализовывались также и ценности, приемлемые для сегодняшнего общественного сознания. По ним сейчас нарастает ностальгия, которая охватывает все слои общества, включая и так называемых сторонников реформ.

Наши реформаторы ратуют за создание капитализма. Но ведь капитализм не самоцель, а всего лишь средство. И я повторяю свою гипотезу, что в сознании людей "рынок" — это средство достижения не столько некоего суперблагосостояния, сколько справедливости и стандартов достойной жизни. Но совершенно ясно, что капитализм, рыночное хозяйство в той форме, в какой оно у нас реализуется, не оправдывает этих ожиданий. Население не получит от реформ того, на что надеялось.

Негативизм, развившийся в сознании людей в брежневскую эпоху, позволил политикам реформаторского толка разыграть карту общественного сочувствия и общественной поддержки. В те годы каждый уже понимал, что существующая система в чем-то несостоятельна. Люди хотели перемен и связывали с ними определенные ожидания. Вот эти-то ожидания и надо было понять, чтобы на них ориентироваться, а не использовать их для политических манипуляций.

В дополнение к сказанному нужно также отметить, что в нашем обществе существует еще одна система ценностей. Это криминальные ценности теневых сфер жизни. Мы уже не раз говорили, что в нашем прежнем жизнеустройстве была более или менее цивилизованная часть, но была и теневая, подпольная. Целые отрасли, крупные слои населения паразитировали на этом и жили в режиме, так сказать, самовознаграждения. Их ценности, построенные на воровстве, как раз и обрели ныне ничем не сдерживаемую свободу. Реализация этих ценностей стала доминантой общественной жизни. Если мы и переходим сейчас к капитализму, то к особому, криминальному капитализму, изнанке прежней социалистической системы. Изучение этих процессов должно быть, с моей точки зрения, предметом серьезных социологических исследований.

— *А в какой мере, на ваш взгляд, сегодняшняя российская социология справляется с решением тех задач, о которых вы говорили?*

— На мой взгляд, в минимальной. Главное, что бросается в глаза, — это априорность, предвзятость наших социологических опросов. Таким опросам должны предшествовать какие-то исследования и полученное на их основе предварительное знание. Если такого предварительного знания нет, то на что могут опираться социологические опросы? У нас они чаще всего опираются на идеологию, на те или иные идеологические штампы. Но начинать исследование с таких штампов по меньшей мере неконструктивно. Самосознание народа пытаются соотносить с некими идеологическими структурами, которые имеют к этому самосознанию весьма слабое отношение. Обращает на себя внимание тот факт, что, отвечая на политизированные вопросы, люди очень часто затрудняются с ответом. Порой доля затруднившихся доходит до 40 процентов. Это как раз и показывает, что вопросы социологов идут вразрез с самосознанием людей.

С моей точки зрения, прежде чем изучать структуру общественного сознания, определять проценты симпатий и антипа-

тий людей по каким-то конкретным позициям, необходимо выяснить, какие проблемы реально представлены в общественном сознании, понять, какая система ценностей лежит в его основе.

Сегодня эта система ценностей в нашем обществе, как я уже говорил, многослойна, и именно с учетом этого надо подходить к ее изучению. Я думаю, что и ностальгические, и негативистские, и, условно говоря, позитивные ценности присущи всему нашему общественному сознанию в целом, а не каким-то отдельным социальным слоям. Речь может идти лишь о том, что у отдельных людей или социальных групп они представлены, так сказать, с неодинаковым весом. Вот почему неправильной представляется постоянная попытка наших социологов разделить общество на сторонников и противников реформ, а затем противопоставить их друг другу. Столь механистический подход является следствием сохраняющейся идеологической заштампованности мышления исследователей. Наша общественная наука пока не делает ничего, чтобы вскрыть более глубокие пласты общественного сознания. К тому же в научной среде есть люди, прямо заинтересованные в том, чтобы общественное мнение было представлено в таких убогих рамках. Это проявление традиционной готовности нашей общественной науки работать на чей-то социальный заказ.

А серьезные социологические исследования — повторю еще раз — нам очень нужны. Это важная часть общественной рефлексии. Экономисты не могут ответить на многие важные для них вопросы, так как не располагают необходимым теоретическим и методическим аппаратом. Поскольку сотрудничество с социологами не складывается, они вынуждены искать ответы на эти вопросы сами, чисто умозрительным путем. Таковы, например, проблемы социальной дифференциации. А многие проблемы вообще пока что выпадают из поля нашего зрения, и это весьма печально.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О методе работы макроэкономиста. Источники информации. Стохастический поиск первичной информации путем знакомства с потоком новой литературы. Результаты обобщения первичного материала. Производственные интервью – новый способ получения упорядоченных экономических знаний. Искажающая роль структуры цен в измерениях и международных сопоставлениях. Необходимость широкого спектра регулярных и непредвзятых статистических изысканий.

– *Расскажите, пожалуйста, о вашем методе работы.*

– Да, об этом, может быть, следует рассказать. На мой взгляд, проблема того, как макроэкономист получает информацию, нигде не рассмотрена и не проанализирована. В результате в этой области науки не выработано никаких канонов. Например, у историков есть источниковедение, какие-то принципы написания исторических трудов, у них имеются понятия и критерии, позволяющие оценить исследование как фундированное или, наоборот, поверхностное. Все это дает возможность отличить науку от "ненауки". Писание же экономических трудов представляет собой прямо-таки полет фантазии, источники которой не ясны. Доказательность построений – актуальнейший вопрос экономической науки, но ответа на него, по сути дела, никогда не было и пока нет. Ситуация такова, что просто можно кому-то верить, а кому-то – нет. Цифры, приводимые в экономических сочинениях, являются, как правило, частными, иллюстративными и потому не могут ничего доказывать. А за общими цифрами

можно слишком мало увидеть. Поэтому доказательность общих построений в экономической литературе остается весьма спорной. Даже в очень насыщенных информацией трудах исторической школы, типа работ Зомбарта, у которого на каждой странице приводятся таблицы, все равно цифры остаются сами по себе, а выводы — сами по себе.

Но все сказанное — только одна сторона проблемы. Другая сторона — это вопрос, как вообще макроэкономист может и должен получать информацию, на основе которой он строит свои умозаключения. На этот вопрос также трудно ответить. В самом деле, если человек прочитал десять книг и, опираясь на них, написал одиннадцатую, то непонятно, за счет чего же возникает научное приращение и где его источник. Уместно даже спросить: а не превращается ли такая наука в пустое самовоспроизводство?

В некоторых областях, близких к экономической науке, есть традиционная форма обследования отдельных промышленных предприятий, сельскохозяйственного производства и других сфер. Это так называемые монографические обследования. Они являются не совсем экономическими и ориентированы на описание микроуровня. Кстати говоря, в Китае очень развит жанр такого обследования. Когда-то он был там привит европейцами и сейчас широко используется. Чуть что — китайские специалисты сразу проводят локальное обследование. Но этот прием не универсален, поскольку прямого выхода на макроэкономику не имеет.

Какими же источниками информации может пользоваться макроэкономист? Возьмем, к примеру, газеты. Очевидно, что журналисты в своих публикациях, как правило, предвзяты. Их материалы связаны со злобой дня, а экономическая их квалификация в подавляющем большинстве случаев очень низка. Тем не менее среди экономистов чтение газет очень распространено, что свидетельствует об их страшном голоде на информацию. Часто оказывается, что кроме газетно-журнальных публикаций других источников информации у них нет.

Особенно трудно в этом отношении экономистам макроуровня. Экономист-отраслевик все-таки может получать информацию из специальных отраслевых журналов, где представлено достаточно много различных частных фактов. По этой довольно узкой канве его мысль может куда-то двигаться, если, конечно, журналы имеются в необходимом количестве. Человек же, который занимается макроэкономикой, то есть темпами экономического роста, структурой экономики, ее институциональной средой, не знает, где ему получить информацию. В результате он мечется во все стороны, но остается главным образом на уровне газетных публикаций.

— *Если обратиться к вашему опыту — каков же выход?*

— Меня всегда занимал вопрос: как другие экономисты находят источники знания об экономике? Из толстых книг, я убежден, почти ничего выловить нельзя, по крайней мере у нас. На Западе есть канонизированная наука, имеющая строение в виде некоего дерева — крупные ветки, мелкие ветки и т.д. По этим ветвям можно двигаться в поисках необходимой информации, чтобы продолжить какую-то часть более общего сюжета. Но если пытаться непредвзято понять изучаемый экономический объект как таковой, то упорядоченного способа проникновения в него нет и там. К тому же в экономической науке, как я говорил, нет и канонов — в отличие от истории, физики, химии и т.д.

Когда меня стали интересовать вопросы структуры экономики — формирование этой структуры, взаимодействие отраслей между собой, функции отдельных отраслей, — то я не обнаружил необходимой мне литературы. Если говорить об отечественной литературе, то в основном она была представлена публикацией всяких клише типа "Машиностроение — сердце индустрии" и т.п. Я решил, что необходимую информацию найду в западных источниках, стал искать зарубежные монографии по макроэкономике и довольно много их просмотрел, хотя и пришлось преодолевать какие-то трудности чтения на языке оригинала. Текст этих монографий оказался весьма скучным, тоже

в основном описательным и с небольшим запасом идей. Единственное исключение — работа Ростоу "Стадии экономического роста", в которой все-таки имелся концептуальный анализ.

Итак, нечто уже сделанное мне найти не удалось, и волей-неволей пришлось вновь обратиться к первичному материалу, а значит и к газетным публикациям. Но газеты, как я уже говорил, очень трудно использовать из-за их ангажированности. И постепенно я стал вырабатывать свой подход, суть которого заключалась в следующем. У нас было очень много отраслевых институтов, и они в большом объеме публиковали всякого рода отраслевую информацию — издавали брошюры, иногда монографии по отдельным частным темам. Я брал несколько таких книжек, просматривал их, выписывал оттуда что-либо интересное или записывал по поводу прочитанного свои мысли и таким образом постепенно, знакомясь совершенно стохастическим путем с этой литературой, пополнял свой запас информации. Так я действовал на протяжении многих лет, и в результате у меня накопилось собрание "амбарных книг", полных всевозможных выписок. Я и сейчас временами с большим интересом их просматриваю.

— *Расскажите подробнее, как это происходило.*

— Над сбором первичной отраслевой информации я работал в Библиотеке имени Ленина, причем в зале новых поступлений, где выставлялись на стендах все новинки недели. Иными словами, я работал не систематично, а стохастично, — не осуществлял какого-то целенаправленного поиска, а просто просматривал то, что само собой приходило мне в руки. Могу совершенно точно сказать, что если бы я искал интересующую меня информацию по каталогу, я бы, скорее всего, ее не нашел. Для меня было очевидно, что невозможно заранее определить, какая из брошюр окажется самой интересной. Конечно, если бы я это знал, то в первую очередь заказывал бы именно ее. Но такое знание в принципе отсутствовало. По этой причине приходилось брать брошюры просто подряд. Таким образом, в моем подходе стохастический поиск был принципом. В некоторых случаях,

когда я находил в каких-либо брошюрах интересующие меня сноски, этот принцип нарушался, но очень редко.

Поскольку поток подобной литературы был очень плотным (еженедельно поступления менялись), то не хотелось пропускать хотя бы одну неделю, чтобы за это время мимо не проплыла интересная для меня информация. По этой причине я старался регулярно забрасывать в библиотеке свою "сеть", просматривая затем "улов". Из беглого просмотра сразу становилось ясно, какая книга стоящая, а в какой — только наукообразии. Наукообразная литература откладывалась в сторону. Стоящая делилась на несколько категорий. Прежде всего это солидные, фундаментальные монографии, с большим количеством ссылок и рассуждений. Затем — книги узкотехнологического содержания, в которых, однако, бывали предисловия или послесловия объемом в две-три страницы. Вот там-то, как правило, и встречались интересные замечания по проблемам данной технологии и отрасли. Таким образом, вся ценность большинства просматриваемых мною книг заключалась в двух-трех первых или последних страницах. Наряду с этим попадались и проблемные публикации, где авторы, натолкнувшись в своей практике на какую-либо проблему, старались в ней разобраться. Было много книг с чрезвычайно любопытными фактами, выходившими за пределы доступного для газетной информации. Еще издавалось много тонких брошюр, которые в основном писали аспиранты, старшие и младшие научные сотрудники. Преимущество этих брошюр заключалось в том, что их авторы сразу высказывали все, что у них есть за душой, то есть не пытались искусственно раздуть свою мысль до объема монографии. Поэтому там на небольшом пространстве было много дельных мыслей.

Мой метод может показаться весьма странным, и вполне вероятно, что он подходил только для работы в условиях вялотекущей российской действительности конца 60-х и начала 70-х годов. Кроме того, подобный способ получения экономической информации, может быть, специфичен для нашей страны — ведь

у нас в каждой отрасли имелись большие исследовательские институты. Просматривая брошюры, я убеждался в том, что среди авторов находились живые, умные люди, которые брали интересные факты или даже проблемы. Я это все просеивал, отбирая из первоначального материала не более десяти процентов интересной для меня информации.

Конечно, это была тяжелая процедура. В зале новых поступлений Ленинской библиотеки — около двадцати стендов, на каждом из них — более пятидесяти книг. Моментом нервного напряжения была проблема как-то в них взглянуться и правильно сориентироваться, с чего начать. Ведь визуально все книги и брошюры на одно лицо — сплошная серая бумага. Причем раньше, когда они стояли на стендах, работать было гораздо удобнее, чем когда их все чаще стали заменять карточками во избежание воровства. Из-за карточек получение необходимой литературы весьма усложнилось — приходилось сначала идти к дежурному по залу и выписывать то, что я собирался просмотреть. Таким образом, это была довольно длительная процедура. Обычно в понедельник прежние поступления со стендов снимали. Поэтому, приходя для отбора книг, например, в субботу, я рисковал в понедельник их уже не застать. Следовательно, если попадалось несколько интересных новых изданий, то работать приходилось очень напряженно, внутренне собираться для этого. К тому же я не только делал выписки из книг, но и параллельно записывал в квадратных скобках свои мысли, возникавшие по ходу чтения.

— *Что вам больше всего запомнилось из того, что вы прочли в Ленинской библиотеке?*

— Однажды я "поймал" совершенно феноменальный отчет о совещании директоров мясоперерабатывающих предприятий. В нем было множество потрясающих фактов, касающихся подноготной нашей пищевой промышленности, о которой до этого я практически ничего не знал. Там подробно описывались способы фальсификации пищевых продуктов. Например, говорилось о том, как трудно удержать крахмал в колбасе. Проблема,

следовательно, заключалась не в том, что в колбасе много крахмала, а в том, как его удержать. Причем приводились примеры передовых предприятий, которые достигли высоких показателей по этой части. Одна фабрика отличилась тем, что перерабатывала всякого рода не очень питательное мясо в очень знаменитую "Одесскую" колбасу. В дискуссии о субпродуктах говорилось, что они бывают первой и второй категории. Субпродукты второй категории предназначены для использования в зверосовхозах. Но член Политбюро, который вел эту дискуссию, заявил, что деление на первую и вторую категории — чисто академическое, то есть все субпродукты должны быть использованы для питания людей. Обсуждались также вопросы, как собирать кровь, сколько костной муки нужно добавлять в ту же колбасу и т.п. Возник спор между обувщиками и производителями колбасы относительно использования свиных шкур. Обувщики жаловались, что шкуры перерабатываются вместе с мясом в колбасу и это создает сырьевой дефицит в обувной промышленности. Получалось, что мы съели свои сапоги.

Этот отчет явился своего рода яркой находкой, как самородок в золотоискательском промысле. Название брошюры было такое: "Протокол совещания директоров предприятий пищевой промышленности". Когда я прочел этот протокол, у меня возник мощный образ пищевой промышленности. Спор на совещании шел между начальниками более высокой инстанции и директорами пищевых предприятий. Вышестоящие начальники заставляли директоров использовать в производстве такое сырье, как субпродукты второй категории. Директора сопротивлялись. Начальники внушали, что слишком высок удельный вес копченых колбас. После них выступали своего рода штрейкбрехеры, так называемые передовые директора, которые делились опытом перехода от производства копченых колбас к вареным. Вареные, как они уверяли, по весовым характеристикам гораздо выгоднее копченых, в большей степени насыщают товарный рынок (повидимому, за счет воды и крахмала).

Подобных находок у меня было довольно много. Были находки, связанные с новым взглядом на вещи. Я не готовился специально к ответу на ваш вопрос, поэтому мне в голову приходят в основном отдельные яркие факты. Например, я читал какую-то книгу по экологическим системам, в которой приводились данные о том, что характер выбросов теплостанций Западной Сибири во многом определяет флору и фауну этого региона на огромных пространствах: меняется кислотность почвы, в результате чего одни виды растений замещаются другими. Этот факт меня очень поразил: возник образ целостности экобиотехносистем, включения в биоценоз техногенных воздействий. Большое впечатление произвела на меня книга по машиностроению — одно из первых моих открытий. Из нее я почерпнул много сведений о металлорежущих станках, и мне в голову пришла мысль об избыточном потреблении металла как условии существования нашего машиностроения.

Обобщая, могу сказать, что бывают книги не очень яркие, но по прочтении их возникают какие-то ценные мысли, а бывают книги с очень яркими фактами, как в занимательном журнале, но ценных мыслей не рождающие. По степени интересности серьезная отраслевая литература для меня значительно превосходит любую журналистику. Например, при чтении книги по градостроительству меня поразил такой факт. Там описывалась практика формирования рекреационных зон в разных городах и делался вывод, что без буферных зон центральные зоны притяжения туристов подвергаются колоссальному износу и фактически разрушаются. Например, в Праге "Старо място" все истоптали. Также и в Ленинграде народ валит толпами в Эрмитаж, хотя, может быть, кому-то лучше было бы посидеть в простеньком кафе на подступах к Дворцовой площади. Но кроме самого Эрмитажа людям в его окрестностях деваться некуда. По прочтении этой книги я понял, что должна существовать очень сложная и продуманная система взаимодействия рекреационных зон и способов отдыха, иначе возникают непомерные перегрузки.

Здесь необходимо соблюдать определенный баланс, равновесие. Этот образ сложной системы рекреации, центров притяжения туристов, буферных зон, образующих некий барьер, возник у меня после знакомства с небольшой брошюрой, на чтение которой я потратил всего 10 – 15 минут. У меня осталась зарубка в памяти, содержательный образ сложного объекта. Это очень полезно.

Таким образом, стохастический, несколько хаотичный поиск информации может дать представление о многоплановости мира, позволяя иногда уловить какую-то важную характеристику, которую больше никак не выловишь. Когда я приходил в зал новых поступлений, то всегда говорил: это мой "Бигл", – так как воображал себя своего рода Дарвином. Прошу прощения за такое высокопарное сравнение, но мне кажется, что Дарвин работал примерно тем же методом, что и я, то есть пытался агрегировать многочисленные частные наблюдения.

Такой способ получения информации в итоге позволил мне написать общеметодологическую работу, сформировать и описать свое концептуальное видение структуры нашей экономики¹. Очевидно, что я не смог бы этого сделать, если бы опирался на публикации общеэкономического характера. В своей работе я выразил собственные мысли, извлеченные из первичного материала, хотя конкретный источник часто невозможно было указать. Когда я сдавал книгу в издательство, мне говорили, что нужно сделать гораздо больше ссылок на источники. На это я отвечал, что тогда придется привести невообразимое их количество – а это совершенно невозможно. Тем более, что первичный материал использовался в основном только как исходный для моих собственных выводов. Например, на основе собранной информации мне первому пришла в голову простая мысль о технологической разнородности нашей экономики. Сейчас эта идея стала более

¹ Речь идет о книге Ю. В. Яременко "Структурные изменения в социалистической экономике" (1981).

или менее общепринятой, но в то время я был ее первооткрывателем. Тогда так никто не думал.

— *Проблема технологической разнородности является главной в вашей экономической концепции?*

— Не совсем так. С одной стороны, технологическая разнородность, а с другой — ее связь с внеэкономической нагрузкой и как следствие — компенсационные эффекты, эффекты замещения, корреляция между технологической и социальной структурой, а также экономические функции отраслей. Например, черная металлургия — это не просто отрасль, которая производит конструкционные материалы, а отрасль, берущая на себя колоссальную экономическую нагрузку из-за слабости машиностроения. Таким образом, у отраслей есть экономические функции, что являлось для меня огромным открытием. По этой причине я бросился читать "Функциональный анализ" Спенсера, надеясь встретить там общую мысль, имеющую отношение к моему открытию, что у отрасли есть не только технологические, но и экономические функции. Ничего особенно интересного я у Спенсера не нашел, но ощущение открытия у меня осталось.

— *В чем разница между технологическими и экономическими функциями?*

— Технологические функции отраслей всем понятны и хорошо знакомы. Например, транспорт перевозит. Экономическая же функция отрасли связана с теми эффектами компенсации, которые на эту отрасль приходятся. Тем самым формируется некий каркас экономики. Скажем, энергетика являлась у нас той сферой, которая компенсировала дефицит очень многих ресурсов в других отраслях.

— *Что конкретно компенсировала энергетика?*

— Например, жилищное строительство ведется у нас очень примитивно, с огромными энергопотерями. Также примитивна и энергорасточительна транспортная система, очень энергоемким является производство конструкционных материалов. Таким образом, вся наша избыточная экономика, по сути, висела на

энергетике. Энергоемкость, безусловно, самый первый фактор существования нашей экономики. Вторым фактором какое-то время являлась ее трудоемкость.

— *Можно ли сказать, что трудоемкость со временем начала замещаться энергоемкостью?*

— Нет, прямо так сказать нельзя, хотя определенного рода замещения между ними имеются.

Возвращаясь к основной теме, скажу, что у меня возник образ взаимодействий ресурсов, функций отраслей. Этот образ сформировался из некоего аморфного материала, который не содержал вообще никаких обобщений. Конечно, у каждого человека свой способ мышления. Для меня оказался весьма плодотворным метод сплошной переработки огромного количества литературы, которая просто описывает объекты, не давая обобщений нужного мне порядка. Я чувствовал себя подключенным к какому-то источнику энергии, от которого заряжался. В этом отношении сейчас я ощущаю гораздо большую ущербность, поскольку имевшаяся раньше информационная база у нас сильно обеднела. Ныне такой метод работы, я думаю, уже невозможен.

Мне кажется, одна из проблем экономической науки — каким образом переходить от конкретных знаний к общим. Тут ученый либо помещает себя в рамки уже существующей теории, пытается развить ее дальше, и в этом смысле он остается в границах некоей предопределенности, либо, если он находится в поиске, то у него нет гарантированного способа информационного подключения к изучаемому объекту.

Когда я познакомился с некоторыми вашими производственными интервью, то в них тоже увидел путь приобретения знаний, из которых могут произрасти серьезные обобщения. Конечно, ваш метод до конца не отработан и не продуман, не найдены какие-то организационные рамки его реализации. Тем не менее я себе вполне представляю такого рода работу как мощную прикладную ветвь экономической науки, способную дать ей

то, чего у нее никогда не было, — способ получения первичных знаний, упорядоченных, целенаправленных и систематических.

Специалист, занимающийся общеэкономическими проблемами, может съездить для обследования на один завод какой-либо отрасли, а на другой завод другой отрасли он уже вряд ли поедет. А ведь кроме промышленных предприятий есть еще и сельское хозяйство, транспорт и т.д. Тому, кто занимается общей экономикой, всюду побывать невозможно. Нет у него также возможности прочитать все газеты, не говоря уже о присущих им недостаткам. Таким образом, тот способ получения информации, который вы изобрели, позволяет при условии создания необходимых мощностей как-то упорядочить процесс накопления знаний в экономической науке, то есть может стать элементом ее самоорганизации. Вполне вероятно, что своей методикой вы подошли к чему-то очень полезному, важному и, может быть, даже неизбежному в развитии экономики. Тем не менее наша наука как-то проходит мимо вашего метода. Возможно, следует уговаривать вас развернуть работу, связанную с проведением интервью по разным тематическим направлениям, чтобы эти интервью стали одним из важных источников умственного питания экономистов.

В то же время недостаточное внимание к вашему методу оправдывается тем, что такие интервью — вещь весьма нетривиальная, требующая или особого таланта, или сильной школы. Но талантливых людей найти не очень просто, а школы пока нет. Этот момент — создание необходимых мощностей — является самым тяжелым. Если бы мы располагали нужным количеством научных сотрудников, то можно было бы распределить их по разным сферам, организовать систематическое наблюдение, проводя живые интервью. Тогда, я уверен, процесс постижения экономической действительности шел бы очень высокими темпами. Пока многие истины проскакивают где-то в газетах, в научных публикациях, и до их обобщения проходит очень много времени. Ваш же метод позволяет сочетать глубину познания реальности, глубину обобщений с высокой оперативностью. При

его использовании появляется возможность, мысля достаточно серьезно, сосредоточенно, идти на опережение.

– Вы упомянули, что локальные обследования должны дополняться выходом на макроэкономический уровень. Как вы представляете себе сочетание данных микроуровня и макроэкономической статистики?

– Общая статистика — это, конечно, очень важная вещь. И не вызывает сомнений тот факт, что должна существовать хорошая статистика, которая описывает объем производства, структуру экономики, трудовые ресурсы, фонды, капиталовложения и т.д. Тем не менее, как я, к сожалению, все больше и больше убеждаюсь, в том мире, в котором мы жили и до сих пор живем, все эти статистические описания, хотя и являются принятым способом количественного анализа, но в очень извращенной форме. Конечно, живя в извращенном мире, лучше смотреть в искажающее зеркало, чем в никакое. Искажение заключается прежде всего в нашей структуре цен. Это главный фактор искажения. Дело в том, что у нас во многом была нивелирована оценка качества труда. В этом смысле плохое и хорошее, технически совершенное и менее совершенное не находило адекватной ценовой дифференциации. Чтобы получить ее, я несколько лет назад предложил нашим сотрудникам провести исследование, позволившее обчислить наполненность инвестиционного рубля в разных сферах экономики.

Допустим, что есть некая автаркическая экономика, которая живет своими ценовыми пропорциями, с помощью своих собственных измерений. Тем не менее рано или поздно наступает период, когда необходимо "открыть двери" и посмотреть на внешний мир. И тут обнаруживается, что наши внутренние измерения непригодны для сопоставления с этим внешним миром. Были периоды, когда мы росли темпами 5–6 процентов в год, а Запад — 1–3 процента. На старте мы сравнивали себя с США и убеждались, что валовой внутренний продукт в советской экономике составляет 50 процентов от экономики американской.

Проходило десять лет, и выяснялось, что разница между нами — те же 50 процентов, хотя наш экономический рост вроде бы был в два раза выше. Через десять лет — опять тот же результат. Невольно возникал вопрос: что за чудо? Начинили вызывать сомнения официальные данные о наших темпах роста. Конечно, цифры отчасти были дутые, но дело не только в этом. Просто у нас темпы роста качественных изменений были гораздо ниже, чем в западных странах. Отсюда следует, что с нашей стороны шло наращивание темпов физического роста, которые совпадали с темпами качественного роста на Западе. Это выражалось в том, что у нас возрастала физическая масса продукции, но одновременно шло ее моральное устаревание, падение качества. Таким образом, падение качества у нас компенсировалось ростом физической массы. В тактическом отношении это можно назвать бегом на месте относительно внешнего мира.

Такой эффект осознавался нами только в тех случаях, когда мы открывали "окно в мир" и пытались выходить на внешний рынок, что, кстати, делалось крайне редко. Тем не менее у нас всегда существовала потребность найти некие истинные измерения, так как качественное различие в труде является объективной стороной экономики, безусловным ее фактом. Поэтому поиск другой структуры цен был продиктован не только задачей сопоставления нашей экономики с экономикой западных стран, но и внутренней потребностью выяснить значимость тех или иных экономических объектов, тех или иных частей нашей экономической системы.

Таким образом, статистические наблюдения, измерения, формирование крупных агрегатов являются, конечно, важными средствами изучения экономики. Но их не нужно абсолютизировать. В рамках какой-то специфичной национальной экономики они могут иметь совершенно особый смысл, иной, чем в более универсальных экономических системах.

— *В чем все-таки заключается связь между макро- и микро-уровнями экономического анализа?*

— Допустим, на макроуровне видно, что имеет место избыточная технология, своего рода перепроизводство. Возникает вопрос: как и почему это явление формируется? На макроуровне видны результаты процесса — рост нормы накопления, увеличение доли инвестиций. Эти макроэкономические явления обнаруживаются только с помощью общей статистики. Однако причины их часто остаются неясными. Здесь между макро- и микроуровнем возникает своего рода информационный разрыв, требующий заполнения. Макростатистика плохо поддается трактовке без дополнительной качественной информации. У нас раньше ведомственная статистика строилась таким образом, что часть ее поднималась на уровень Госкомстата, но очень много данных оставалось на уровне самого ведомства, там оседало. Вот этих-то знаний остро не хватало нашим экономистам.

Суммируя сказанное, я бы сформулировал свою мысль так: качественную информацию микроуровня следует рассматривать в зеркале макроэкономической статистики, и наоборот.

— *Не могли бы вы подробнее сказать о роли качественных исследований?*

— Качественные исследования — это как раз и есть ваши интервью или, например, что-то похожее на производственные дневники Алексева. Интервью содержат то, что в статистике вообще отсутствует. Статистика — это всегда абстрагирование и обобщение, а интервью дают представление о целостном объекте, и в этом уникальная их особенность. Представления о целостном объекте и одновременно о сочетании разных его свойств, об их взаимодействии никакая статистика дать не может. На ее основе возможно, конечно, построение той или иной модели, но такие модели весьма поверхностны. Разные параметры экономического процесса будут в них взаимосвязаны, но не более того. К тому же при анализе одной лишь статистики дефицит качественной информации слишком часто восполняется некими расхожими идеями и трактовками.

— *Но исследования того же Алексева больше относятся к*

локальным описаниям (например, цеха). Они не описывают целостный макрообъект.

— И все-таки можно сказать, что он изучал целостный объект — мир рабочего, наделенного определенными функциями, хотя этот мир и достаточно узок. Все внешние воздействия на этот мир у Алексеева в совокупности не представлены, но собственный способ существования данного рабочего представлен вполне целостно. Например, его общение с инженерно-техническим персоналом и даваемая в дневниках классификация этого персонала не могут быть описаны никакой статистикой. Из статистики можно получить только такого рода информацию, что, например, происходит рост численности инженерно-технических работников, растет их образовательный уровень и т.д. Читая Алексеева, начинаешь понимать, что стоит за подобной информацией, какова социальная ниша этой категории сотрудников. И через сам их социальный портрет осознается, что формальные образовательные характеристики не имеют никакого отношения к техническому потенциалу этих людей.

Таким образом, интервью и близкие к нему исследовательские жанры дают все-таки целостное представление о существенных качественных признаках экономических объектов, позволяют эти качественные признаки понять. Нечто похожее можно иногда выловить и из газет, поэтому их так жадно читают, но я считаю, что плотность информации, информационная насыщенность в газетах и в таких интервью, о каких мы сейчас говорим, различаются на порядок, если не на несколько порядков. Кроме того, многие вопросы в газеты просто не попадают, так как их тематика ограничена. В интервью же может быть представлено достаточно полное, целостное пространство. В этом отношении они очень полезны и поучительны. Но возникает вопрос, как их делать, возможно ли поставить эту деятельность на поток.

— *Какие, на ваш взгляд, еще есть потенциальные источники полезной экономической информации? Как они могут формироваться?*

— Для меня самого это остается загадкой. Здесь нет канонов. Отсюда и возникают в экономической науке определенная беспомощность и даже некорректность выводов. Причем не только у нас. Мне кажется, что на Западе происходит то же самое. Там пишутся бесконечные доклады, собирается разная статистика, но часто все это выглядит довольно скучным.

— *До каких пределов возможно улучшение качества статистической информации?*

— Я считаю, что очень многие проблемы получения необходимой информации могли бы быть сняты с помощью специальных статистических изысканий. Примером таких изысканий может служить работа по изучению качества продуктов питания, которую сейчас ведут сотрудники нашего института. Они привлекли всех специалистов по питанию, используют специальные методики и прочее. Изучая свойства, например, макаронных изделий, сведенные определенным образом в единый индекс, они пришли к выводу, что общее снижение питательных свойств этих изделий составило 30 процентов. Феноменальный результат!

Было бы неплохо, если бы нам удалось организовать большое количество специальных статистических изысканий в области качества продукции, квалификации рабочей силы, образования, всяких нововведений в технике и т.д. Может быть, такая практика и существует в недрах каких-то отраслей и производств. Любое полноценное экономическое исследование предполагает вспомогательную систему наблюдений, измерений. Тут и нужны специальные статистические изыскания. Как правило, любое серьезное экономическое исследование включает их в себя. Во всяком случае это бывает очень часто. Всегда находятся исследователи, которые изучают объект как таковой, не будучи отягощены какими-то предварительными выводами. Скажем, та группа ученых, которая занимается изучением качества продуктов питания, работает не на заказ. Поэтому не ясно, где будут и будут ли вообще использованы их данные, но зато эти данные заслуживают доверия, потому что получены беспристрастными исследователями.

Таким образом, можно изучать какой-либо предмет, не предвосхищая заранее тех выводов, которые будут сделаны в результате этого изучения. Например, исследуется парк оборудования — проводятся сопоставления с зарубежными аналогами по стоимости на единицу мощности, энергохарактеристикам, весовым характеристикам, занимаемым площадям, трудоемкости, затратам на ремонт и т.д. Все это особый жанр исследования, в данном случае — парков оборудования. Исследование квалифицированного труда предполагает выявление и анализ других параметров — структуры профессий, образовательных характеристик людей, занятых в различных производствах, и т.д.

В странах, где хорошо развита статистика и проблемы управления требуют осуществления специальных статистических изысканий, они делаются безотносительно к предполагаемым выводам. Наш Госкомстат проводит так называемые периодические обследования — то одного, то другого. Подобный жанр в какой-то мере позволяет восполнить дефицит информации. Но качество этих обследований, с моей точки зрения, остается весьма низким. Ниша узконаправленных статистических обследований у нас не заполнена.

Главный изъян таких обследований, проводимых у нас, — определенная их предвзятость. Как правило, они ориентированы на какую-то кажущуюся актуальной проблематику. В них обычно бывает заложена некая изначальная система аргументации, которая может быть не очень содержательной, а порой просто ложной. В то же время достоинства широкого спектра регулярных статистических изысканий, результаты которых адресовались бы сразу многим исследователям, бесспорны. Эти данные позволили бы любой группе ученых, изучающих экономику, воспользоваться большим набором фактов, сопрягая их с ходом собственных мыслей, или попытаться извлечь из имеющихся фактов какое-то новое качество. Но здесь очень важно, чтобы сама система наблюдений, измерений была достаточно

объективной, чтобы она не деформировалась никакими парадигмами или заданными оценками.

В этом смысле изучение отраслевой литературы, о котором я рассказал, имело то преимущество, что с точки зрения моих замыслов данная литература не была подогнана под какую-то определенную идею, то есть представляла собой концептуально нейтральный материал. Статистика тоже должна обладать этим качеством. К сожалению, у нас очень часто бывает совсем не так. Статистические обследования проводятся под заранее определенную аргументацию.

Обобщая, можно сказать, что само исследовательское пространство в экономической науке является многоуровневым. На верхнем уровне мы имеем макроэкономическую статистику, далее должны идти различные специальные статистические изыскания и, наконец, качественные исследования микроуровня, без которых, как мне кажется, хорошее статистическое изыскание провести нельзя (точнее, нельзя создать хорошую методику такого изыскания). В нашей науке, как мы видим, целые уровни из этой системы выпадают, что и порождает страшный голод на информацию.

ЦИКЛ ВТОРОЙ¹

май — сентябрь 1995 года

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Современные проблемы двухсекторной экономики Китая. Последствия классического типа индустриализации для страны с огромным потенциалом рабочей силы. Дефицит сырья. Угроза возникновения мирового продовольственного кризиса и роста мировых цен на зерно. Поможет ли ограничение рождаемости в предотвращении этой угрозы? Драматический характер такого ограничения для китайской семьи. Структурные проблемы в экономике Китая. Их сходство и различие с проблемами нашей страны.

— *Расскажите, пожалуйста, о вашей последней поездке в Китай. Что нового и интересного вы там увидели?*

— Я вернулся из Китая недели три назад. Собственно, то, о чем я хотел бы рассказать, возникло из моей полемики с китайскими экономистами.

Сейчас в китайской экономике много проблем, но наряду с этим наблюдается некая эйфория. Возьмем, например, такое совершенно уникальное явление, как годовые темпы роста свыше 10 процентов. Вполне вероятно, что этот показатель отчасти липовый — результат каких-то неверных статистических действий, — но тем не менее, даже если сделать поправку и на четверть уменьшить цифры, все равно они впечатляют. Конечно, это порождает

¹ Второй цикл бесед был начат спустя примерно два года после первого. Хотя он не закончен, но состоявшиеся три беседы представляют интерес как отражение взглядов Ю.В. Яременко на социально-экономическую ситуацию в России 1994 — 95 годов, а также как продолжение сравнительного анализа российской и китайской экономических реформ.

ет самообольщение и, может быть, даже заслоняет взгляд на истинные проблемы. Если спросить китайских экономистов, о том, что их на данный момент беспокоит, то в ответ можно услышать: хозяйственная реформа идет не столь быстрыми темпами, как предполагалось вначале.

Созданная в Китае двухсекторная экономика уже дала, может быть, свои лучшие плоды. Она складывается из сектора крупных госпредприятий и из сектора мелких и средних — уже частных — предприятий, часто со смешанным китайским и иностранным капиталом, причем многие из них созданы в сельской местности или на границе между селом и городом. Экономика пригородных районов — это очень быстро растущая часть экономики, в основном ориентированная на потребительский сектор и на капитальное строительство. Именно она-то и дала наибольшее приращение в показателе темпов роста. Это с одной стороны. С другой стороны, китайские государственные предприятия находятся в относительно неподвижном состоянии. Сами китайцы говорят о дефиците в них предпринимательского начала, об их иждивенчестве, инертности, слабой адаптированности и т.д. Вообще двухсекторная экономика является очень неустойчивой конструкцией, так как предполагает два уровня цен на одни и те же виды ресурсов. Например, в государственном секторе цены на сырье, энергию и т.д. ниже, а в частном — выше. Поддерживать два уровня цен — очень трудное дело. Для этого нужна твердая административная система, и такая политическая сила, как компартия, здесь очень уместна.

Когда китайские экономисты говорят о проблемах своей страны, то прежде всего имеют в виду перспективы дальнейшего развития двухсекторной системы. Они совершенно правильно оценивают непреодоленные слабости госсектора. К этому их подталкивает то обстоятельство, что китайская экономика дошла сейчас до такого состояния, когда средние доходы занятых в частном секторе значительно превысили доходы занятых в госсекторе. Такая ситуация создает мотивы для отлива рабочей силы

из госсектора и приводит к дефициту там ресурсов квалифицированного труда. В этом отношении второй сектор экономики уже стал серьезным конкурентом для первого. И если бы не остатки феодальных порядков, когда инженерам, административным работникам и квалифицированным рабочим, мягко говоря, не разрешается покидать родное госпредприятие, то ущерб от отлива трудовых ресурсов из госсектора был бы еще выше.

В беседах на эту тему китайцы говорят, что сейчас госпредприятие уже, конечно, можно покидать. На мой вопрос "А когда нельзя было?" они отвечают: "Десять лет тому назад". "А пять лет назад?" На этот вопрос некоторые отвечают, что было нельзя, некоторые — что можно. Но на самом деле порядки на производстве в Китае, как мне кажется, не везде одинаковы, и если что-то разрешается, например, в Пекине, то это совсем не означает аналогичного положения дел где-нибудь в Сиани. Очевидно, прежние административные нормы пока все-таки действуют, помогая существованию двухсекторной конструкции китайской экономики.

Так вот, китайские экономисты видят проблему прежде всего в том, чтобы сформировать в государственном секторе новый хозяйственный механизм. Можно сказать, что реформы имеют место по отношению к частному сектору, а в государственном секторе их по сути нет, хотя они нужны, чтобы преодолеть такие его свойства, как иждивенчество, избыточный труд, хозяйственная пассивность. Пока путей для этого не видно, и можно согласиться с китайскими экономистами, что такая проблема существует.

Суть полемики в другом — в том, что, по моему мнению, эта проблема не главная. Ведь как бы то ни было, двухсекторная система пока жизнеспособна, хотя и возникли некоторые критические обстоятельства, которые вынуждают искать пути повышения производительности труда в госсекторе, увеличения там заработной платы, подъема эффективности предприятий, чтобы сделать их более конкурентоспособными по отношению к

частному сектору. Основную же опасность, оглядываясь на наш опыт, я вижу в ином. Мне кажется, что сама стратегия развития – именно развития – китайской экономики не совсем верна. Дело в том, что в Китае несколько догматически воспроизводят ту схему индустриализации и милитаризации экономики, которая была присуща Советскому Союзу. Другими словами, китайцы идут по пути наращивания экономической мощи, уделяя основное внимание тяжелой промышленности, современному машиностроению, созданию современной военной техники и т.п.

Правда, наряду с этим большим достижением Китая, несомненно, является развитие потребительского сектора. Китайцам в какой-то степени удалось наладить обратные связи между развитием потребительского сектора и развитием всей экономики, подвести определенную материальную базу под систему соответствующих мотиваций, во всяком случае для значительной части населения, прежде всего городского. Но если заглянуть вперед, то возникают опасения недолговечности этого результата. Дело в том, что та схема индустриализации и наращивания военного потенциала, которая была в свое время характерна для Советского Союза, не совсем адекватна, не совсем приемлема для Китая.

Что я имею в виду? На первый взгляд, Китай идет по пути развития не только Советского Союза, но и других стран мира: он развивает тяжелую промышленность, машиностроение, электронику. Но у Китая есть своя специфика, которая связана с тем, что это страна с колоссальной численностью населения. И повышение благосостояния населения порождает высокий спрос не просто на потребительские, а прежде всего на продовольственные товары. В свою очередь этот спрос становится несоразмерным имеющимся в сельском хозяйстве мощностям, причем не только Китая, а, может быть, и всего мира.

Тут действует простой фактор, который уже отмечался в литературе. Рост доходов в Китае будет сопровождаться ростом потребления мяса, особенно свинины. Отсюда повышение спро-

са на зерно, так как для выкармливания свиней необходимо хотя бы грубое зерно. То же самое относится и к выкармливанию птицы. В этом отношении Китай стоит на пороге ситуации, когда увеличение доходов может обозначить предел производственных возможностей китайского сельского хозяйства и даже, не исключено, импорта сельскохозяйственных продуктов. Дальнейший рост потребления мяса и рыбы породит такой спрос на кормовое зерно, который способен вызвать резкое увеличение его импорта. Это приведет к повышению мировых цен на зерно, и в результате может возникнуть кризис подобный нефтяному. Такова не только моя точка зрения — ее высказывают и некоторые западные экономисты. Китай, можно сказать, стоит на пороге подобных событий, и не только он, а весь мир.

В связи с этим я опять возвращаюсь к вопросу о китайской индустриализации. Казалось бы, она естественна для Китая как страны с огромным потенциалом рабочей силы, которая постоянно увеличивается по причине большой заинтересованности людей, прибывающих из села, в том, чтобы остаться в городе. В городе они получают другой статус, другие социальные гарантии, что означает переход в другое качество, другое сословие. Вследствие этого пружина социальной жизни Китая очень напряжена. Отсюда и впечатление, что Китай идет по естественному пути индустриализации, основанному на перемещении труда из сельского хозяйства в промышленность и создании большого количества рабочих мест.

Естественной трудностью такого способа индустриализации, его главной проблемой является дефицит сырья, энергии, материалов, так как рабочие места очень легко создаются в обрабатывающей промышленности, причем большой удельный вес имеют низкие и средние технологии. По этой причине промышленная экспансия такого типа всегда сталкивается с проблемой дефицита сырья и энергии, что в Китае сейчас и происходит. Преодоление этого дефицита и является предметом заботы центрального и провинциальных правительств. В результате стро-

ится большое количество электростанций, развиваются энергетические отрасли, очень бурно растет черная металлургия, расширяются транспортные системы. Налицо все атрибуты классической индустриализации, во многом повторяющей наш путь.

Но страна, над которой нависла продовольственная проблема такого масштаба, как в Китае, наверное, не должна была бы идти стандартным путем, проводя индустриализацию. Вероятно, здесь существенно больше внимания должно было бы уделяться сельскому хозяйству. Та же "зеленая революция" меньше затронула Китай, чем, например, Индию или Латинскую Америку, где она дала значительный эффект. Это относится и к прямым вложениям в сельское хозяйство, связанным с расширением земельных площадей, повышением надежности системы орошения и т.д.

Но главное — сам тип осуществляемой в Китае технической революции. Мне кажется, для Китая нужна какая-то другая парадигма индустриализации, не совпадающая с классической, под которой я понимаю приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности, машиностроения, электроники и т.д., причем с сильной ориентацией на наращивание военного потенциала. Долгосрочные перспективы китайской экономики упираются именно в продовольственную проблему. Как она будет решаться? Будет ли задействован технологический, научный потенциал страны для решения этой проблемы? Не исключено, что по прошествии какого-то периода времени выяснится, что сама экономическая стратегия государства, которое играет колоссальную роль в жизни Китая, была неадекватна, что с точки зрения экономической, геополитической, а также с точки зрения безопасности следовало бы выбрать несколько иную стратегию.

Китайцы могут возразить, что приняли в этом отношении определенные меры, что они проводят политику ограничения рождаемости, чем сдерживают рост населения. Эта политика проводится довольно жестко. Очень часто европейцы и вообще

наблюдатели извне, когда начинают говорить о китайском тоталитаризме, ссылаются прежде всего именно на систему ограничения рождаемости.

Здесь обращает на себя внимание один момент. Запад весьма часто рекомендует развивающимся странам принимать меры по ограничению рождаемости. Но, как правило, в этих странах, с их не очень культурным населением, образ жизни людей не предполагает самоограничения такого рода. Так что соответствующие рекомендации могут быть отнесены только к политике государства. И в случае с Китаем государство выступает мощной силой, которая способна подавить человека до такой степени, что он отказывается от традиционных представлений относительно деторождения в семье. Если посмотреть на эту ситуацию с западной точки зрения, то мы увидим некоторое противоречие. С одной стороны, Запад отстаивает демократические принципы, а с другой — поощряет систему контроля за рождаемостью, которая может быть проведена только авторитарными методами. Я утверждаю, что это абсолютно несовместимые вещи.

Поддействием жесткой системы административного контроля и жесткой системы общественного мнения китайцы отказываются заводить второго, третьего ребенка. Но для любого из них это личная драма. В прошлом китаец, не родивший сына, считал свою жизнь незавершенной. И сейчас в сельской местности тот, кто не имеет одного или двух сыновей, по сути дела лишен надежной социальной гарантии на старости лет. В этом смысле ограничение рождаемости создает неравновесную в демографическом отношении систему, с большим удельным весом пожилого населения. Она неравновесна как в масштабе страны, так и для очень многих семей. Поэтому, если рассматривать подобные меры в Китае, то можно увидеть, что они обладают серьезными изъянами с точки зрения интересов развития общества и его социальной стабильности, надежности. Но главное — то, что они являются механическими, а потому малоперспективными. В каком-то смысле это продукт деятельности бюрократа, рассужда-

ющего примерно так: у нас слишком большое население и существует проблема продовольствия, поэтому ограничим рождаемость в семье одним ребенком — и проблема снята.

Между тем механическое ограничение рождаемости коренным образом продовольственную проблему не решает, а в лучшем случае только приглушает ее остроту. Решение лежит в области совершенствования технологии сельскохозяйственного производства и развития сельскохозяйственной науки, так как увеличение объема продуктов питания ведет к созданию собственной продовольственной базы. Если это удастся, то при росте численности населения на 20, 30 и даже 50 процентов ничего страшного не произойдет. Но если такая база не будет создана, то Китай очень быстро столкнется с барьерами экономического роста.

В этом — существенное отличие Китая от Японии, Кореи и других стран Юго-Восточной Азии, которые решили для себя продовольственную проблему через экономический обмен, через включение в мировое хозяйство, через внешнюю торговлю. Создав экспортный потенциал промышленности, они с его помощью 2/3 или даже 4/5 своих потребностей в зерне обеспечивают за счет импорта. Япония именно так решает эту проблему. Но решение ее таким же способом в Китае невозможно, так как здесь совсем другие масштабы. Для Китая не подходит та игра, в какую сыграла Япония. В результате не исключена ситуация, когда из-за мирового продовольственного кризиса Япония уже задним числом наткнется на тот же барьер, что и Китай.

Многие азиатские страны повторили путь Японии, но для Китая в целом такой эксперимент невоспроизводим. Правда, отдельные китайские провинции могут идти по этому пути. Если, к примеру, взять провинцию Гуандун, то там можно найти много общего и с Японией, и с Тайванем, и с Южной Кореей. Она уже достигла высокого уровня промышленного развития. Там производятся массовые виды товаров, пользующиеся спросом на западных рынках. Выручка от их продажи позволяет ввозить продовольствие, но масштабы импорта пока не таковы, чтобы

разрушить мировой рынок зерна. Как только этот барьер будет перейден, что может произойти довольно скоро, на мировом продовольственном рынке возникнет дефицит зерна.

— Из ваших слов можно заключить, что мировой продовольственный кризис начнется с Китая. Это так?

— Да. Причем повторю, что это не только мое мнение, — таким же образом уже высказывались и западные наблюдатели. Хочу лишь подчеркнуть, что наряду с Китаем и другие страны Юго-Восточной Азии сегодня не решают проблему борьбы с угрозой продовольственного кризиса, который может принять мировой масштаб.

Я был в японских кооперативах, которые представляют собой своего рода социалистические островки в океане капиталистического хозяйства. Крестьяне этих кооперативов получают крупную дотацию от государства. Там нет никакой конкуренции и дифференциации доходов — когда я спросил об этом, они стали смеяться. Там все равны и, получая огромную дотацию, могут на высоком уровне культивировать сельское хозяйство. Вместе с тем удельный вес этих кооперативов в обеспечении потребностей населения не так уж велик, что свидетельствует о том, что они не являются ключом к решению продовольственного вопроса.

Но Китай от решения этого вопроса не может уйти. Тем не менее он продолжает форсировать индустриализацию в ее классическом варианте — с ориентацией на военный сектор.

Более равновесная ситуация, если смотреть на перспективы развития, наблюдается в Индии, так как там, с одной стороны, имеются очень большие сдвиги в сельском хозяйстве, а с другой — гораздо меньше темпы роста. Соотношение между развитием сельского хозяйства и темпами роста в Индии совсем иное, чем в Китае. В Китае же ситуация уже перестает быть равновесной из-за поддержания высоких темпов индустриализации в ее традиционном варианте.

В нашей экономике перед началом реформ существовали серьезные проблемы структурного неравновесия. В Китае тоже

есть проблемы структурного плана, которые нужно решать уже сейчас, чтобы реформировать экономику на достаточно здоровой, безопасной основе. К этому и сводилась моя полемика с китайскими экономистами. Я говорил им о том, что, исходя из нашего опыта, становится для меня все более очевидным: в свое время мы должны были осуществить, но не осуществили такую реструктуризацию экономики, которая позволила бы создать материальную базу, адекватную потребностям реформы. Государство могло это сделать своими силами.

Главным национальным приоритетом Китая должно стать, с моей точки зрения, реформирование, реструктуризация и модернизация сельского хозяйства, а также производства морепродуктов на основе промышленных технологий. Здесь необходимо в первую очередь создание мощных НИОКРовских заделов, адекватных по своей интеллектуальной силе масштабу возникающих проблем.

Мне представляется, что в экономике Китая есть свои структурные проблемы, в перспективе не менее сложные, чем у нас. Мне даже кажется, что наши структурные проблемы не были такими грандиозными, как те, которые стоят перед Китаем. Поэтому китайское правительство может за свой догматизм, за предпочтение военно-политических приоритетов заплатить весьма тяжелую цену. Я имею в виду и падение темпов экономического роста, и значительное повышение цен на продовольственные товары, и снижение доступности для массового потребителя многих продуктов питания, и резкий рост дифференциации доходов; в лучшем случае существенно усилится поляризация экономики.

Определенная поляризация наблюдается в Китае уже сегодня: существует контраст между отсталым сельским хозяйством, особенно в центральных, западных районах, и передовой промышленностью в прибрежных районах, между индустриальным ядром китайской экономики и тем "раствором", в которое оно погружено. Этот контраст может еще значительно возрасти. Но

гораздо серьезнее другое: если решение структурных проблем будет отложено и заделов окажется недостаточно, то начнется торможение всего процесса экономического роста, что в свою очередь приведет к сдерживанию любых социальных преобразований, общественных изменений и прочее.

В этом отношении имеется определенное сходство между нашими двумя странами. Оно состоит в том, что государство, взявшее на себя функцию управления хозяйством, действует не в соответствии с объективными потребностями страны, а в соответствии с интересами определенных элитных групп, определенных ведомств, которые и поддерживают инерцию осуществляемой сегодня политики. Я думаю, что неоправданно низкий приоритет сельского хозяйства в Китае — результат влияния сложившейся системы групповых и ведомственных интересов, ставшими государственными, как и у нас.

Сходство заключается прежде всего в этом. Сами же структурные проблемы там и здесь — совершенно разные. Но очевидно, что инерция, о которой я говорю, это не просто инерция мышления, экономического сознания. Она порождена системой приоритетов, закрепляемых иерархией властных структур. И мне кажется, что китайцы не так уж недопонимают этого. Но, как всегда в таких случаях, доминирует влияние крупных ведомств и определенных групп лиц, представленных в структурах политической власти.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Перераспределение накопленного богатства из реального сектора нашей экономики в сферу финансовых услуг. Страна живет за счет проедания запасов и капитала. Невозможность подъема лежащей экономики в условиях сохранения диспаритетов цен и сниженного потенциала накопления. Потенциал спада не исчерпан, особенно в сельском хозяйстве. Необходимость вмешательства государства в осуществление инвестиционных функций крупных банков.

— *Что существенного, на ваш взгляд, произошло в нашей экономике за последние год-два?*

— Я хотел бы, отвечая на ваш вопрос, рассказать один сюжет, с которым уже знакомил своих коллег. Мне кажется, этот сюжет заинтересовал их. Тем не менее я не получил от них достаточных подтверждений правильности моей гипотезы, хотя многие факты свидетельствуют о том, что в ней есть существенная доля правдоподобия. Речь идет о том, что мы наблюдаем сегодня и по поводу чего задаем себе вопрос: как же так случилось, что в нашей экономике объем производства сократился вдвое, но тем не менее мы живем? Уровень потребления, скажем, мяса, жиров, фруктов, конечно, снизился, но это снижение совершенно не коррелирует с масштабами спада производства, оно не столь значительно.

Во всей этой ситуации есть что-то парадоксальное. Вроде бы производство резко сократилось, уменьшение его объемов беспрецедентно, и тем не менее общий строй жизни, выраженный в народном благосостоянии, как-то сохраняется, общество все-таки остается на плаву, хотя в своих покупках мы и не реали-

зуюм многих стандартов потребления. Более того, в статистике имеются странные цифры, говорящие о том, что падение реальных доходов имело место в 1992 году, а уже в 1993 – 94 годах наблюдался их рост. С этим ростом корреспондировало изменение объема товарооборота. Конечно, рост реальных доходов, как он интерпретируется статистикой, происходил не за счет увеличения реальной заработной платы: она снижалась, но меньше, чем объем производства, — на 12 – 15 процентов в 1994 году. Так что этот рост в условиях падения производства происходил за счет доходов от собственности, за счет тех или иных доходов, которые не относятся к трудовым.

Констатация того, что при падении производства за последние два года растут реальные доходы населения, конечно, часто вызывает скептицизм. Многие статистики утверждают, что просто здесь неверен расчет доходов и товарооборота. И все же, взглянув на реалии нашей жизни, на данные об объемах потребления, о реальном сокращении отдельных позиций бюджета и сравнив эти данные со снижением объемов производства, стоит задуматься над следующей постановкой вопроса. Предположим, что парадокс, о котором я говорю, имеет место в действительности. При каких обстоятельствах это оказывается возможным? И нет ли такого объяснения, которое позволило бы объединить, совместить в целостную конструкцию весь ряд трудносовместимых фактов и явлений?

Здесь мне хотелось бы обратить внимание вот на что. Говоря о производстве, мы имеем в виду потоки, то есть результаты текущей производственной деятельности. Между тем не менее важным аспектом экономики являются запасы. Причем запасы, представленные не только оборотным, но и основным капиталом, — вся совокупность запасов. И можно вообразить себе такую ситуацию, когда производство снижается, но тем не менее какая-то часть производственного потока, включающая наполнение реальных доходов, формирование товарооборота и т.д., растет. Так может быть в ситуации, когда потоки формируются

не из вновь созданной стоимости, а из запасов (то есть имеется перекачка капитала), и на этой базе происходит формирование доходов. В этой связи интересен также тот факт, что увеличилась доля сферы услуг в общем объеме валового внутреннего продукта. Речь идет об услугах, связанных с торговлей, с банковской деятельностью и т.д. Объемы продукции данных секторов значительно увеличились при падении объемов производства в реальном секторе.

Сопоставляя все эти факты, можно выдвинуть гипотезу, что происходит перераспределение.

— *По какой схеме оно происходит?*

— Первый его элемент — это перераспределение ресурсов между реальным сектором и сектором услуг, прежде всего через банки и торговых посредников. Наши банки, конечно, представляют собой инфляционный институт, то есть институт, возникший в период инфляции, когда повышение цен было для каждого предприятия естественной реакцией, своего рода реакцией самозащиты на повышение цен поставщиками. В то время всякое предприятие, которое стремилось выжить в условиях повышения цен, проявляло высокий спрос на деньги, ставшие постоянно сверхнужным товаром. В результате торговля деньгами стала сверхприбыльным делом. И наши банки — это структуры, возникновение которых связано с выгодой торговли деньгами в условиях инфляции. Конструктивная их роль минимальна. Их можно рассматривать как явление, имеющее определенный функциональный смысл, но в большей степени это явление паразитического характера.

Безусловно, необходимость уплаты высокого процента очень часто сопряжена с тем, что предприятия вынуждены в условиях растущих издержек изымать средства для такой уплаты не только из чистой продукции, но и из основных и оборотных средств. Другими словами, вместо восстановления основного капитала они капитализируются. Идет прямое сокращение оборотного капитала, а восстановления основного капитала практи-

чески не происходит. Происходит перераспределение ресурсов из реального сектора в сектор услуг. Он разбухает — в нем растут и основные фонды за счет их покупки. Показное богатство этого третичного сектора является не чем иным, как умыкнутыми средствами промышленных предприятий.

В создавшихся условиях банки, конечно, сыграли роль перераспределителя национального богатства. В течение короткого периода времени оно с помощью банковской сферы, отчасти с помощью торговых посредников очень интенсивно перераспределялось в пользу сферы услуг, что, вероятно, и нашло отражение в нашей статистике валового внутреннего продукта. Более того, именно это отражается и в динамике реальных доходов — их сумма очень быстро растет за пределами реального сектора, даже несмотря на падение заработной платы. Данный факт свидетельствует о том, что интенсивность перераспределительных процессов имела больший масштаб по сравнению с эффектом падения производства. Шел процесс обналичивания капитала.

Таким образом, можно сказать, что наша страна живет сейчас за счет проедания капитала. При этом не все в равной мере пользуются накопленным в прошлом богатством: в результате инфляции этим богатством преимущественно стали пользоваться новые группы — коммерческие и банковские элиты.

— Скажите, пожалуйста, почему вы делаете упор на инфляцию? Без этого условия процесс, о котором вы говорите, был бы невозможен?

— Ну конечно... Ведь инфляция создает предпосылки для формирования банковских структур. Именно в условиях инфляции появляется большой спрос на деньги. Все очень просто: предприятиям нужно начинать новый цикл производства, но не хватает денег, а для нового цикла необходимо получить их в совершенно другом объеме. Отсюда постоянно растущий спрос на деньги. Все денежные запасы, которые были и есть у предприятия, оказываются в условиях инфляции недостаточными для продолжения производственного цикла. Поэтому предприятие вы-

нуждено снова и снова обращаться в банки, а они снова и снова берут с него огромный процент.

— *Что значит — огромный процент? Ведь он складывается из двух составляющих, одна из которых — инфляционная. Высокий процент или нет — это еще надо уточнять.*

— Этот процент существенно выше приемлемого уровня, поскольку, с одной стороны, рассчитан на инфляцию, а с другой — его выплата превышает возможности эффективного производства в тех условиях, в которых находится предприятие, то есть в условиях растущих издержек, снижения нормы добавленной стоимости, снижения нормы прибыли. Отсюда оплата процента во многих случаях требует обращения не только к ресурсам добавленной стоимости, но и к накопленной ранее стоимости. Здесь большую роль играет не просто масштаб процента, его размер, но и изменение структуры цен в результате инфляции. Без нее этого изменения не было бы. Возникновение новой структуры цен — существенное свойство, важнейшая черта нашей инфляции, инфляции издержек.

Можно добавить, что помимо банковской сферы откачивает национальное богатство из реального сектора также и государство, так как налоги не эластичны по отношению к спаду объема производства, они автономны. Фактически имеет место некоторая диспропорция между объемом налогов и теми масштабами добавленной стоимости, которыми располагает реальный сектор. Очевидно, что налоги также формируются во многом из основного и оборотного капиталов.

— *Где находится предел тому процессу, при котором общество в течение длительного времени живет за счет своих запасов?*

— Как мне представляется, процесс этот должен развиваться таким образом, что первыми пострадают самые слабые сектора экономики, по которым инфляция издержек ударяет наиболее сильно. К ним относятся сектора обрабатывающей, легкой промышленности, машиностроения. Но постепенно ситуация

будет ухудшаться и в секторах, примыкающих к обрабатывающей промышленности, то есть в производстве полупродуктов или даже в сырьевых отраслях.

Это происходит прежде всего через неплатежи. В масштабах всей экономики отрасли связаны между собой не просто сетью производственных поставок, но и многочисленными институциональными зависимостями. Очень часто обрабатывающие и добывающие предприятия расположены на одной территории, находятся в границах одного и того же административного руководства. И обмен между ними — это не просто особый вид торговли, но часто действие, осуществляемое под административным патронатом. И явление неплатежей, как считают наши исследователи, нередко имеет региональный характер, то есть предприятия оказываются должниками друг друга в пределах данного региона.

В свою очередь это говорит о том, что пока еще взаимобязательства предприятий определяются не только рынком, но и интересами региональных структур, системой выживания региона, взаимодействием отдельных ведомств и отдельных регионов. То есть возможна поставка продукции под какие-то обязательства, причем не только материального характера. Обязательства могут быть связаны с обменом продукцией как фактором политической поддержки, с расчетом на будущее экономическое взаимодействие и т.д. Поэтому за неплатежами стоит на самом деле очень сложная система не только экономических, но и политических, административных взаимодействий.

Как бы то ни было, само явление неплатежей свидетельствует о том, что поставки в условиях неплатежеспособности потребителей по каким-то причинам сохраняются. Соответственно падение производства в одном секторе транслируется и в другие сектора, на которые изменение структуры цен не подействовало столь же сильно, как, например, на обрабатывающую промышленность. Тем не менее и предприятия этих секторов оказываются без средств и также вынуждены сокращать производство.

Правда, сейчас они компенсируют свои потери через экспорт. Участие в экспортных поставках очень привлекательно для них не столько потому, что в результате предприятия получают твердую валюту, сколько потому, что там оплата гарантирована.

Для нас важен тот факт, что импульс падения производства некоторым образом передается, и наступает такой момент, когда даже предприятия добывающей промышленности и первичной переработки сырья начинают испытывать экономические трудности и оказываются ослабленными. Это с одной стороны. С другой же стороны, вся система денежных и товарных посредников, которые нажились в период инфляции, тоже испытывает сейчас все большие трудности, так как возможности перемещения национального богатства иссякают. На многих предприятиях оборонной промышленности раньше существовали стратегические и другие запасы, то есть были различные источники средств, но теперь они подходят к концу. Постепенно эти предприятия становятся крайне бедными. Да и сектор услуг также начинает испытывать трудности.

В результате на предприятиях добывающей промышленности и в сфере услуг источником компенсации понесенных потерь становятся в большинстве случаев уже не основной и оборотный капитал, как было в определенной части реального сектора обрабатывающей промышленности, а долларовые, валютные активы, накопленные ранее. Ясно, что оба эти подразделения экономики сумели накопить сбережения в валюте, и теперь, столкнувшись с трудностями, они вынуждены тратить свои накопления и предлагать на рынке достаточно большое количество долларов.

В таких условиях парадоксальным образом должно начаться падение курса доллара при сохранении инфляции. По логике, казалось бы, следует ожидать продолжения обесценения национальной валюты. Но спрос на сбережения в определенных секторах экономики ведет к значительному увеличению предложения твердой валюты, что, видимо, мы сейчас и наблюдаем. Это тоже гипотеза, но она кажется весьма достоверной. Сейчас выс-

казывается много технических предположений по поводу динамики валютного курса. Но все разговоры о том, правильно ли ведет себя Центробанк или нет, оставляют экономику как таковую за скобками. Я же в данном случае предлагаю чисто экономическое объяснение происходящего.

— *Как бы вы могли резюмировать суть вашей гипотезы?*

— Суть в следующем. Сначала мы жили за счет определенной части накопленного производственного капитала. Его трата сопровождалась ростом реальных доходов какой-то части населения, а также массовыми валютными сбережениями в некоторых секторах. Постепенно спад, расширяясь и трансформируясь, охватил и относительно благополучные сектора экономики, в результате чего востребованные сбережения породили мощные предложения доллара на валютном рынке.

Конечно, возможны и другие общеэкономические объяснения повышения курса рубля. Например, если бы у нас сейчас в связи с определенным снижением темпов инфляции начались достаточно явные сдвиги в инвестиционной сфере и наметилась бы тенденция к превращению валютных сбережений в инвестиции, то это тоже привело бы к повышению курса рубля. Понятно, что в такой ситуации благополучные сектора, имеющие долларовые сбережения, превращали бы их в рублевые инвестиции.

— *На ваш взгляд, процесс декапитализации уже завершен?*

— Я так не думаю. Все дело в том, что ослабленные предприятия, окончательно утратившие жизнеспособность, конечно, могут быть куплены, приватизированы, часто на не очень выгодных условиях. Например, приватизация ради приобретения земельных площадей, помещений и т.п. будет уже последним актом этой драмы. Приобретение остатков предприятий для каких-то целей, которые никак не связаны с профилем их производственной ориентации, станет логическим завершением процесса декапитализации.

— *Этот процесс будет сопровождаться теми же эффектами, о которых вы сейчас говорите?*

— Не обязательно. Если бы средства, получаемые государством и предприятием в ходе приватизации, были достаточно велики, то это, конечно, могло бы способствовать инфляционным процессам или при каких-то условиях, наоборот, их сдерживанию. А если бы, как во многих странах, условием самого акта приватизации было инвестирование, то это могло бы способствовать и ускорению инвестиций. Но у нас пока приватизация связана с небольшими суммами, потому что является приобретением по низкой цене некоторых остатков мощностей в условиях слабой конкуренции. По этой причине сегодня деньги от приватизации не влияют сколько-нибудь существенным образом на народнохозяйственную ситуацию в целом.

— *Когда вы говорите о парадоксальности соотношения между динамикой производства и потребления, то приходит на ум следующее объяснение. Спад производства произошел в основном в оборонке, а потребление никакого отношения к ней не имеет. Не является ли это по крайней мере частичным объяснением вашего парадокса?*

— Речь же идет о реальных доходах. Производство падает не только в оборонном секторе, но и в целом. Падают и доходы. Но оказывается, что есть такой сектор, где они растут. Есть группы, у которых доходы растут. И этот рост в 1993 — 94 годах не только возмещает, но и полностью компенсирует падение доходов людей, занятых в реальном секторе производства. Он приводит к общему росту доходов населения в целом.

— *Этот фактор вскоре прекратит свое существование?*

— Вероятно, да.

— *Правильно ли я вас понял, что сейчас наступил некий переходный момент для нашей экономики? В чем он заключается?*

— Нет, я не могу расценивать нынешнюю ситуацию как переходную, переломную. Наша экономика вступает, как мне представляется, в полосу стагнации, причем многие характеристики нынешнего периода сходны с ключевыми для периода спада. Ключевыми характеристиками я считаю соотношение

цен, структуру издержек, потенциал накопления отраслей. Все это пока не меняется. Поэтому можно говорить, что в нашей экономике нет энергии роста. Лежачей наша экономика остается именно в силу того, что все те новые свойства, которые она приобрела при освобождении цен, все эти ценовые диспаритеты привели к ее разрушению, а их сохранение не позволяет ей подняться. Коренных изменений не происходит, поскольку диспаритеты остались, характеристики издержек производства и внутренней структуры цен существенно не меняются, сниженный потенциал накопления по-прежнему имеет место. С учетом всего этого переход от спада к стагнации не дает чего-то принципиально нового.

— *Дрейф цен завершен?*

— Нет, конечно. Все дело в том, что изменение цен произошло следующим образом. Выросли цены на продукцию обрабатывающей промышленности и на полупродукт, например такой, как бензин, на продукцию деревообработки, на черные металлы. Но цены на исходное сырье и материалы — на сырую нефть, деловую древесину, а особенно на продукцию сельскохозяйственного производства — остались очень низкими. Цены на продовольственную продукцию растут за счет переработки. Говорить об окончательном приближении нашей ценовой структуры к мировой пока нельзя. Здесь, конечно, еще будут изменения. Безусловно, должны измениться ценовые пропорции между промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Должны вырасти цены на сырьевые продукты.

Кроме того, я думаю, что следует говорить не просто о стихийном дрейфе цен, но и об их изменении в результате регулирующих воздействий государства. К таким воздействиям в первую очередь относятся экспортные тарифы, которые позволят нам держать внутри страны цены на энергию и сырье на относительно низком уровне по сравнению с мировым рынком. Тем самым сохраняются некоторые условия для эволюционного перехода от прежней производственной структуры к мировой. Суть

в том, что мы могли бы все-таки смягчить ценовой удар по обрабатывающей промышленности с помощью экспортных тарифов и соответственно поддержания некоторого благоприятного уровня цен на сырье. Таким образом были бы созданы условия для накопления в обрабатывающей промышленности, для инвестирования и т.д. Это очень важно. Что касается импортных тарифов, то они не просто сдерживают конкуренцию, но и открывают возможность для поддержания в обрабатывающей промышленности благоприятного уровня цен, позволяющего формировать накопление. То есть в данном случае как экспортные, так и импортные ограничения работают на один и тот же результат, который мог бы выразиться в восстановлении дееспособности понесшей очень большой урон обрабатывающей промышленности.

— *Как вы считаете, стагнация — это надолго?*

— Я думаю, что стагнация у нас даже несколько преждевременна, потому что спад еще не завершился. И поскольку он протекает не синхронно, а носит ступенчатый характер и охватывает сначала, например, оборонные предприятия, гражданское машиностроение, в значительной степени легкую промышленность, а затем другие сектора, то весь его потенциал пока не исчерпан. Скажем, последствия спада в сельском хозяйстве мы еще в полной мере не ощутили. Он обязательно нанесет удар и по легкой, и по пищевой промышленности, уменьшатся остатки инвестиционного спроса в самом сельском хозяйстве, что в свою очередь будет влиять на машиностроение и т.д. Сейчас правительство очень жестко настроено по отношению к сельскому хозяйству. Это проявляется как в прямом бюджетном ограничении, так и в неплатежах, невыполнении коммерческих обязательств по отношению к сельскому хозяйству. Ясно, что при чрезвычайной ситуации правительству придется уже через бюджет расплачиваться за свои прошлые ошибки, значит, возможности бюджетной поддержки других отраслей будут еще резче сужены.

— *Где еще потенциал спада по-прежнему велик?*

— Я предполагаю, что в добывающей промышленности. Нам

необходимо перейти к совершенно новой модели развития, но и стать страной при Газпроме, когда будут благоденствовать сырьевые сектора, а остальные вырождаться, — тоже не просто. Конечно, имеется опасность дальнейшего сокращения производства в топливно-энергетическом секторе, в сырьевых отраслях и в ряде других.

— *Правильно ли я понял, что следующая ступень спада связана прежде всего с сельским хозяйством?*

— Это очень здравое предположение. Конечно, возможны и другие варианты, но для экономиста естественно предположить именно такой ход событий.

— *Вы могли бы охарактеризовать масштаб этого процесса?*

— Масштаб этого процесса я затрудняюсь описать. Дело в том, что при резком сокращении ресурсов продовольствия, не компенсируемых импортом, — так как возможности импорта ограничены нашими валютными запасами, потенциалом нашего экспорта и т.д., — установление равновесия между этими запасами и спросом с помощью цен представляется нереальной задачей. Цены на продукты первой необходимости могут оказаться очень высокими, а это подтолкнет нас к карточной системе, вернее, к ее расширению, поскольку в некоторых регионах она уже есть. В конечном счете такого рода спад чреват возвратом к прямому регулированию распределения, причем жестко административному.

Понятно, что негативные эффекты, о которых я говорю, во многом амортизируются некоторой инерционностью, автономностью нашего сельского хозяйства. Инерционность коренится прежде всего в том, что значительная часть сельского хозяйства входит в сектор государственной экономики, который представлен совхозами. Это налаженная система производственной жизни, взаимодействия государства и сельхозпредприятий. Хотя эта система испытывала на себе влияние всякого рода неблагоприятных обстоятельств, но тем не менее она действовала. Сами технологические связи исключали какие-либо сильные отклонения от сложившегося способа хозяй-

ствования. Я имею в виду наличие крупных государственных зернохранилищ, транспортных артерий и т.д. Благодаря этому система производства зерна продолжала функционировать, как и крупные животноводческие комплексы. Все эти технологические факторы действуют и сегодня.

Эта отрасль никогда не была сильно представлена на политическом Олимпе, она не имела приоритета в политической жизни. В общем и целом наше сельское хозяйство всегда пребывало в черном теле. Но в какой-то степени стереотипы его существования оказались очень эффективными в контексте наших сегодняшних трудностей.

— Сфера банков, денежного обращения, торгово-посредническая деятельность переживают сейчас не лучшие времена. Можно сказать, лучшие времена их прошли. Каково будущее этих структур?

— Я думаю, они будут укрупняться, упраздняться, сращиваться.

— С ними может произойти то же, что произошло раньше с биржами?

— Биржи существовали потому, что у нас было два уровня цен. Исчезли два уровня цен — исчезли биржи. То, что с ними связано, больше относится к сфере регламентации: биржам позволено было быть. Существование кооперативов аналогично существованию бирж. Они появились в условиях прежней системы денежного обращения, наличных и безналичных денег. Что же касается банков, то они в каком-то смысле, как я уже говорил, — порождение инфляции. Инфляция — вещь изначально рукотворная, но в целом это стихийный процесс. Банки — более живучая сфера, чем биржи, но сейчас им будет трудно.

— Вы придерживаетесь мнения, что глупо бороться с инфляцией, всемерно ее подавляя, урезая расходные статьи, что это вредная политика, что надо искать возможности роста доходных статей. Пожалуйста, прокомментируйте вашу позицию.

— Даже в условиях инфляции наша экономика обладает достаточно большими возможностями для наращивания объемов производства. Трудно себе представить, что сегодня только за счет ограничения бюджета можно стимулировать рост производства. Ясно, что у нас должны быть институты, прежде всего в банковской сфере, которые осуществляли бы достаточно масштабные кредитования промышленности и выделяли бы средства для инвестиций. Поскольку наша банковская система сейчас раздроблена и нет крупного государственного банка, который мог бы взять на себя эту роль, то в сегодняшней институциональной среде очень трудно поддерживать производство или принимать меры по его расширению за счет инвестиционных кредитов, кредитов модернизации, реконструкции. Но в общем и целом мыслима такая ситуация, когда банки типа Промстройбанка выполняли бы некоторые функции, не свойственные банкам, работающим по сугубо коммерческим принципам. В некоторых случаях при кредитовании промышленности они могли бы отступать от коммерческих принципов, а государство за счет бюджета и иными способами возмещало бы им потери. Это могли бы быть и государственные банки. В конечном счете при расширении производства это привело бы к очень сильному пополнению бюджета, появлению дополнительных накоплений внутри промышленности, созданию новых стимулов производства, расширению налоговой базы, увеличению внутренних возможностей промышленности в области инвестирования.

Чрезмерное разукрупнение банков, потеря государством контроля над их инвестиционной функцией — несколько преждевременны, и здесь целесообразно было бы отчасти вернуться назад. Но пока в этой области ничего не сделано.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Ошибочность взгляда на целесообразность сырьевой ориентации нашей экономики. Необходимость ориентации на средние технологии, полную занятость, масштабность объема производства. Возможности наращивания экспортного потенциала обрабатывающей промышленности. Пример Приморья. Пути поддержания промышленности высоких технологий. Порочность либерального курса на стихийную селекцию предприятий и сжатие производства. Цель структурной политики в сегодняшних условиях. Необходимость планируемого регулирования экономической жизни.

– *Что можно сейчас сказать о перспективах российской экономики?*

– Российской экономике еще предстоит крупномасштабная структурная переориентация, реструктуризация. Тем не менее уже сейчас можно дать оценку возможным вариантам структурной политики.

Дело в том, что в самом процессе спада наблюдается определенный структурный сдвиг. Этот сдвиг, который произошел не в результате разномасштабного, разновеликого роста разных отраслей, а в результате разных темпов спада, интерпретируется целым рядом экономистов, особенно близких к официальным кругам, как некое желательное явление. Положительный смысл усматривается в том, что мы "поджимаем" неэффективную обрабатывающую промышленность, испытавшую сильный спад, и сохраняем относительно более эффективную и конкурентоспособную на внешних рынках добывающую промышленность. По

мнению сторонников такой точки зрения, на сегодняшнем этапе это соответствует нашим возможностям и в течение достаточно продолжительного периода может определять нашу специализацию, производственную ориентацию страны, хотя, вывозя часть сырья, мы теряем больше, чем если бы перерабатывали, допустим, стройматериалы и вывозили их в виде изделий.

В этой позиции, обосновывающей сырьевую ориентацию нашей экономики, есть доля правды. Но в целом она, конечно же, ошибочна. Почему? Прежде всего потому, что относительные масштабы развития добывающей промышленности у нас ограничены. Наша страна имеет такие размеры, что не может жить, скажем, за счет продажи своих топливно-энергетических ресурсов. То есть относительно самих себя мы не располагаем такими крупными месторождениями, как, например, Кувейт или Саудовская Аравия. Если бы у нас были совершенно исполинского масштаба месторождения, дающие миллиарды тонн нефти в год, тогда бы мы могли существовать за счет наших недр. А те сотни миллионов тонн, которые мы имеем, не дают нам такой возможности. Простой расчет показывает, что лишь для того, чтобы вернуться к стандартам личного потребления периода 70-х годов, нужно производить более пятисот или даже около шестисот миллионов тонн нефти (сейчас мы производим триста). То есть нужно вернуться к объемам, которых достиг СССР в годы максимального развития нефтяной промышленности. И это — только для поддержания весьма невысокого уровня потребления, достигнутого в прошлом, — если мы будем жить только за счет нефти. Так что фактически для развития экономики никаких реальных объемов экспортируемой нефти нам не хватит.

То, что мы имеем сейчас, это уровень жизни, соответствующий потребительским стандартам чрезвычайного времени. Резко увеличился удельный вес покупок продуктов питания, снизился удельный вес покупок одежды, еще больше снизился удельный вес покупок товаров длительного пользования. Очень сильна дифференциация уровня жизни населения, очень высок удель-

ный вес бедных его слоев. И вот с такой структурой доходов и потребления мы сейчас живем, поддерживая эту структуру путем экспорта энергоресурсов и импорта потребительских товаров. Причем максимальное наращивание импорта потребительских ресурсов при максимальном использовании возможностей экспорта энергоресурсов все равно не может вывести нас даже на уровень потребления прежнего времени.

— *В какой мере наш уровень потребления зависит сегодня от экспорта энергоресурсов?*

— У нас половина фонда потребления формируется за счет импорта.

— *Весь импорт осуществляется за счет экспорта энергоресурсов?*

— Конечно, потому что вывоз энергоресурсов — основная компонента нашего экспорта. Но те энергоресурсы, которые мы можем вывозить, позволяют нам существовать лишь в ущербном режиме, не более того, как мы сейчас и существуем. И в направлении приращения экспорта энергоресурсов мы слишком далеко не продвинемся. Отсюда вывод: наша страна не может жить без самостоятельной обрабатывающей промышленности, коль скоро мы не обладаем достаточно большим количеством сырья и электроэнергии.

— *Но значительная часть продукции наших обрабатывающих отраслей неконкурентоспособна на мировом рынке. Как быть с этим обстоятельством?*

— Внешнеэкономические критерии, критерии конкурентоспособности на внешних рынках не должны иметь здесь решающего значения, потому что мы производим для внутреннего рынка. И мы можем иметь целостную промышленную систему, производить достаточно большие объемы продукции, целиком снабжать себя продукцией и легкой, и пищевой промышленности, и машиностроения. Пусть даже эти отрасли в течение еще какого-то времени будут недостаточно эффективными по критериям мирового рынка, тем не менее для нас это единственно

целесообразная стратегия. Как бы ни были дешевы продукты, которые можно закупить за рубежом, мы ограничены в своих возможностях делать это, поскольку у нас никогда не будет необходимого количества валютных доходов. Поэтому нам, конечно, нужно идти по линии развития собственной экономики, взаимобмена.

Можно себе представить такую экономику, где развитие получили бы отрасли промышленности (как обрабатывающей, так и добывающей), конкурентоспособные на внешнем рынке, но в целом с не очень большим объемом валового продукта на душу населения. Можно представить себе и экономику, работающую на относительно высоких оборотах, как это было у нас раньше, с относительно крупными издержками, но с достаточно большим валовым национальным продуктом на душу населения. Как это ни парадоксально, недостаточная продуктивность отдельных отраслей дает при сложении в общем и целом относительно высокопродуктивную экономику. И наоборот, ставка только на высокопродуктивные отрасли может привести к тому, что экономика в целом будет низкопродуктивна, маломасштабна. Ясно, что ориентация только на высокопроизводительные отрасли ведет к безработице, к неэффективной занятости оставшейся части общества.

Одно дело — если все население работает на каком-то среднем уровне производительности, другое дело — когда значительную часть населения составляют безработные, а еще более значительная часть занимается совсем низкопродуктивной деятельностью, фактически живет на подножном корму. Подавленная, скрытая безработица не означает полного безделья, люди всегда работают — что-то производят, торгуют, носят что-то на толкучки, на базары, обмениваются друг с другом. Это ясно видно на примере жизни перенаселенных стран. Как раз те группы, которые относятся к категории скрытых безработных, может быть, трудятся наиболее тяжело. Но они производят сугубо второстепенную, низкосортную продукцию, предназначенную для

местных рынков, по низким ценам, их труд малопродуктивен. Так что страна с полной занятостью, ориентированная на средние технологии, в целом даст гораздо более высокую производительность труда и гораздо более высокие показатели доходов на душу населения, чем экономика, поляризованная между высокопроизводительным и низкопроизводительным трудом. Это вполне логичное рассуждение, но почему-то оно недоступно многим нашим, так сказать, либералам.

Мне представляются важными при обсуждении ориентации нашей экономики соображения относительно того, что у нас нет возможности производить гигантский объем сырья для вывоза и что мы должны быть равны самим себе. Еще недавно мы жили, ориентируясь на низкие и средние технологии в гражданской промышленности, и сразу оторваться от этого мы не можем. Мы вынуждены жить этой жизнью, мы уже достигли определенных результатов, живя этой жизнью, и нам нет смысла их терять. Не в наших интересах растратить накопленный потенциал, набранную в прошлом инерцию. Следовательно, мы должны в какой-то степени сохранить те характеристики, те условия межсекторального обмена, которые были раньше.

— *Какие именно характеристики вы имеете в виду?*

— Прежде всего — относительный уровень цен. Это не значит, что нам следует целиком отказаться от происшедших в народном хозяйстве сдвигов в области цен. Но в какой-то мере обратное движение все-таки необходимо, потому что по многим видам ресурсов мы уже достигли мировых цен (если переводить по официальному курсу). Установив систему экспортных тарифов, мы де-факто проводим политику ограниченной автаркии. Нам нужны такие внутренние цены, которые позволили бы создать условия для достаточно эффективной работы отраслей со средними технологиями, — эффективной по крайней мере в рамках внутреннего обмена. Мы могли бы наладить такие обмены между отраслями, работающими на средних технологиях. Рано или поздно нам это придется сделать.

Здесь полезно вспомнить экономические построения, относящиеся к теориям периферийной экономики. В свое время латиноамериканские страны осознали, что потребности их развития вызывают необходимость создания локальных рынков, то есть объединения усилий этих стран. И что вместо конкуренции с развитыми странами в области той продукции, которую развивающиеся страны поставляют на мировой рынок, разумно попытаться наладить межстрановой обмен друг с другом. Иными словами, так называемые периферийные страны, которые не сильно отличаются по своему уровню, предполагали интегрироваться для формирования частных сегментов мирового рынка, считая это целесообразным. Мы же таким рынком уже располагаем. Тем не менее у нас проявляется тенденция к его разрушению. Очевидно, что если мы не примем мер по регулированию цен и по изменению структуры относительных цен, соотношения цен на разные виды продукции, то мы этот рынок разрушим. Конкретно я имею в виду прежде всего экспортные квоты на сырье, на энергоресурсы.

Все это не означает, что наша обрабатывающая промышленность не должна приобретать экспортную ориентацию. Более того, если говорить о наших перспективах на мировом рынке, то они связаны прежде всего с постепенным наращиванием экспортного потенциала обрабатывающей промышленности. В этой связи сошлюсь на тот анализ будущей специализации Приморья, который провел наш институт.

Долгое время Приморью рекомендовалось ориентироваться во внешнеэкономической сфере на традиционные товары сырьевого экспорта: лес прежде всего, природные ископаемые, минеральное сырье, рыба. Это три основные позиции экспортной ориентации. Но тщательный анализ экспортного потенциала данного региона и внешних рынков показал, что емкости этих рынков, на которые мог бы ориентироваться наш экспорт леса, минерального сырья, очень ограничены. Там существует жесткая конкуренция, весьма высоки требования к качеству продук-

ции и срокам поставки. Здесь мы находимся в крайне невыгодных условиях, особенно при экспорте угля — не из Приморья, а из Якутии. Это с одной стороны. С другой стороны, в Приморье расположено несколько крупных и передовых по своей технологии предприятий оборонной промышленности, имеются и другие машиностроительные предприятия. Сейчас совершенно очевиден быстрый экономический рост северо-востока Китая — Манчжурии. Технологические возможности провинциальных инвестиционных рынков Китая различны, каждая провинция — это целое государство. Но в целом технический потенциал Приморья, средний для нашей страны, выше, чем во многих провинциях Китая. И многие виды наших промышленных, машиностроительных изделий — станкостроения, транспортного машиностроения — по своему техническому уровню существенно превышают то, что может производить Китай. Нужны только инвестиции для того, чтобы осуществить конверсию, реконструкцию наших оборонных предприятий в Приморье — в некоторых случаях минимальную, в некоторых случаях глубокую. И тогда мы бы могли резко увеличить объем экспорта на северо-восток Китая и дальше на юг, включая некоторые другие страны Юго-Восточной Азии.

Если оценивать долгосрочные внешнеэкономические перспективы нашего Дальнего Востока — сегодня по преимуществу сырьевого региона, — то они лежат в области обрабатывающей промышленности. В регионе достаточно высококвалифицированного, образованного населения, есть мощности крупных оборонных предприятий (хотя за последнее время мы многое потеряли, многое разрушено).

Сказанное о Приморье можно отнести и к России в целом. У нас есть большие возможности выхода на мировые рынки, причем, что очень интересно, на основе принципиально новых изделий.

Вообще говоря, возможен и другой путь, который наши либеральные экономисты считают естественным. Это выпуск про-

мышленной продукции, жизненный цикл которой в развитых странах уже завершается. Новые индустриальные страны — такие, как Малайзия, Сингапур, — довольствуясь не очень высокой добавленной стоимостью, не очень высоким уровнем зарплаты, дают этой продукции вторую жизнь. Они не просто тиражируют ее, а выпускают тираж второго или третьего порядка. Мы сейчас тоже пытаемся идти по такому пути — например, приступаем к сборке видеомagnитофонов, еще какой-то техники — и говорим об этом с гордостью. Но, конечно, это не наш путь. По части тиражирования мы не можем сейчас соревноваться с Юго-Восточной Азией, но зато можем производить многое из того, что эти страны производить не могут. Например, все, что связано с авиастроением. Мы являемся крупнейшей державой по производству самолетов и вертолетов разных категорий. То же самое — в судостроении, в энергетическом машиностроении, в станкостроении и т.д. У нас есть целый ряд очень развитых отраслей. Прежде всего — то, что является порождением оборонного комплекса. Но передовые позиции мы занимаем и в некоторых традиционных отраслях, особенно связанных с энергетикой. Мы могли бы попытаться эффективно функционировать на мировом рынке всей этой продукции.

Наши перспективные сферы зависят прежде всего от оздоровления ситуации в экономике в целом. Если мы сможем преодолеть сегодняшнюю стагнацию достаточно быстро, пока окончательно не потерян наш технологический потенциал, то у нас, конечно, будут существенные возможности для расширения экспорта наукоемкой и другой машиностроительной продукции. Если же сегодняшняя ситуация затянется надолго, то мы можем очень многое потерять. Когда у нас в таком случае снова появятся хотя бы те возможности, какими мы располагаем сейчас, — неизвестно. Ведь форсируя сегодня экспорт сырьевых ресурсов, мы обрекаем себя в будущем на гораздо большую автаркию, чем если бы не форсировали его, повысили бы экспортные пошлины и т.д. Способы достижения тех ближайших эффектов, которые

мы получаем в результате такого экспорта, во многом противоречат нашим долгосрочным стратегическим интересам.

– *В чем смысл автаркии и что она нам даст?*

– Я говорю не о безусловной, а о некоей относительной автаркии. С одной стороны, она позволит нам защитить нашу обрабатывающую промышленность, позволит ей развиваться в условиях высоких издержек на базе средних и не очень высоких технологий. А с другой стороны, автаркическое существование должно также включать в себя ограничения в области экспорта сырьевых ресурсов, то есть такие тарифы, которые давали бы возможность поддерживать приемлемый для нас уровень цен на продукцию добывающей промышленности внутри страны. Это способствовало бы адаптации к имеющимся условиям невысоких технологий обрабатывающей промышленности. Я думаю, что такая стратегия для нас неизбежна.

– *Какова связь между автаркией и развитием высоких технологий?*

– Поддержание наших высоких технологий требует модернизации, реконструкции – прежде всего в оборонных производствах, реструктурирования этого сектора в целом. Но в условиях спада мы не имеем необходимых финансовых ресурсов, очень сократились материальные ресурсы, поэтому и финансирование, и материальное наполнение инвестициями сейчас очень затруднено. Инвестиции возможны лишь в малом объеме. Однако если наша экономика восстановится, то у бюджета появятся другие возможности, банки будут располагать другими финансовыми ресурсами, и тогда инвестиционный процесс в целом может принять нормальные формы. Следовательно, появятся даже благоприятные условия для трансформации оборонной промышленности и некоторых предприятий гражданской промышленности.

С этой точки зрения даже восстановление нашей прежней экономики на базе средних технологий позволит нам сохранить то, что у нас еще осталось из высоких технологий. При внешней парадоксальности такого утверждения ничего парадоксального

здесь на самом деле нет. Опасность состоит только в том, что мы уже очень много потеряли из кадрового потенциала оборонных отраслей, разрушен научно-конструкторский потенциал, восстановить который очень трудно, если не невозможно. Поэтому чем скорее мы начнем придерживаться трезвой экономической политики, которая бы соответствовала нашим реалиям, а не абстракции, подчиненной неким политическим и идеологическим целям, тем лучше для наших национальных интересов.

— *Как повлияет автаркия на состояние потребительского рынка?*

— Прежде всего замечу, что на потребительском рынке произошли очень большие изменения. Мы никогда не имели такого разнообразия предметов потребления. Страна по сути перешла на западные потребительские стандарты, но при резко снизившихся покупательских возможностях. Крупные контингенты населения оказались просто отсечены от того изобилия, которое представлено на витринах. В целом люди стали жить гораздо хуже, чем прежде, хотя качество потребительской продукции во многих товарных группах сильно возросло.

Введение автаркии, в частности, означает установление достаточно высоких таможенных пошлин на все товары, аналоги которых, пусть менее качественные, могут производиться российскими предприятиями. Такая мера резко сузит спрос на высококачественную импортную продукцию и тем самым освободит пространство для менее качественной отечественной.

Другими словами, уровень жизни людей возрастет за счет увеличения физической массы потребляемой продукции, хотя само качество продукции в чем-то снизится. Загрузка производственных мощностей даст людям зарплату, благодаря которой они получат доступ к товарам, которых они сейчас попросту лишены.

Сегодня наша промышленность раздавлена импортом, и это является одним из сильнейших факторов экономического спада.

— С учетом всего вами сказанного — каков же все-таки должен быть оптимальный сценарий нашего экономического развития и что мешает его осуществлению?

— Сейчас мы живем по либеральному сценарию, в соответствии с которым в области структурной политики происходит выбраковка предприятий, селекция. Сильные предприятия выживают, слабые умирают. Но ведь у нас слабыми были целые отрасли, поскольку приоритеты имели фактически ведомственный адрес и отрасль представляло ведомство. Сильные ведомства имели большие приоритеты, слабые — меньшие. Соответственно отрасли, стоявшие за слабым ведомством, не располагают сегодня передовыми технологиями, и именно они убыточны, неконкурентоспособны. Тем не менее их-то нам и необходимо сейчас поддерживать, чтобы иметь целостную экономику, крупные объемы производства и достаточно большие объемы доходов населения в целом, а не только в некоторых продвинутых отраслях.

Наш опыт показывает, что курс на либерализацию экономики и сдвиг в ценах, ведущий к нежизнеспособности отраслей, опирающихся на средние, а тем более на низкие технологии, породил длительный спад и затем некоторую стагнацию. Результаты селективного отбора прогрессивных предприятий и жизнеспособных отраслей малоперспективны, в них нет конструктивного, стратегического смысла. В общем и целом они не несут в себе потенциала экономического роста — напротив, разрушают потенциал технической модернизации экономики, с помощью которого мы могли бы добиться выхода на внешние рынки. Этот стихийный процесс селекции вряд ли можно назвать структурной политикой, хотя некоторые склонны называть его именно так.

На мой взгляд, у нас должна осуществляться структурная политика, направленная на наращивание объемов производства как таковых. Нам нужны большие объемы, а не только экспортная эффективность, и нам нужна высокая занятость. Это доста-

точно долгое время должно оставаться очевидной целью нашего развития. И лишь постепенно на этой базе может произойти качественная трансформация нашей экономики.

Когда-то мы располагали такими масштабами производства, к которым сейчас приходится стремиться и которые позволяли осуществлять качественную трансформацию экономики. У нас была такая возможность, но мы этим путем не пошли. Сейчас ясно, что до прежних вершин мы не доберемся, но какой-то сдвиг в сторону наращивания масштабов производства нам обязательно нужен, и это должно быть существенной целью именно структурной политики. Как ни парадоксально, но смысл ее состоит в том, чтобы восстановить если не структуры, то объемы производства — на прежнем уровне технологий. Мы сейчас не можем сразу во всех отраслях перейти на новые технологии. Но и сжатие экономики до небольшого числа высокоэффективных секторов тоже неприемлемо. Значит, нам нужно существовать до некоторой степени тем же способом, что и раньше, и никуда от этого не деться. Хотя ясно, что у нас имелись также ресурсорасчетливые отрасли — например, сельскохозяйственная мелиорация или производство некоторых видов сельхозтехники, — которые и раньше были неприемлемы, но культивировались в соответствии с планом. Ныне они уже отсечены, и их не нужно восстанавливать.

Я хотел бы сказать еще об одном моменте. Восстановление прежнего потенциала натолкнется на ту трудность, что во многих отраслях эффективность использования ресурсов была невелика. Нам нужно восстановить прежние объемы производства, невзирая на его низкую эффективность. При этом необходимо учитывать, что мы несем на себе груз неиспользуемых мощностей, у нас большие накладные расходы, постоянные затраты на содержание этих мощностей (консервация и т.д.), а многие предприятия несут также затраты по сохранению персонала. Все эти издержки ложатся на стоимость продукции. Поэтому нам нужно преодолеть барьер избыточно высоких затрат, обусловленных

спадом. То есть пойти на определенные жертвы, чтобы восстановить промышленность. Это очень неприятное обстоятельство, но такова реальность.

Завершая сюжет о структурной политике, скажу, что всю восстановительную работу мы должны вести координировано. Для восстановления промышленности требуется гораздо более высокий уровень координации мероприятий в области экономики, чем то, что мы имеем. Это не составление прогнозов Министерством экономики, а значительно более активная деятельность (скажем, близкая к той, которую ведет Министерство промышленности и торговли Японии). Это — тщательно планируемое регулирование экономической жизни. Если план как способ принуждения нецелесообразен, но план как целая система согласованных действий и мер, как сценарий формирования институтов в области ценового регулирования, тарифного регулирования, государственных инвестиций и т.д. — безусловно, нужен. Целостное видение экономической реальности и целостная система мероприятий по восстановлению экономики совершенно необходимы.

— *Что нам мешает двигаться в этом направлении?*

— Пока нам мешает борьба за власть, которая осуществляется всеми средствами, включая экономическую политику. Если бы экономическая политика освободилась от политического пресса, перестала быть инструментом борьбы за политическую власть, мы, наверное, смогли бы осуществлять ее в гораздо более рациональных формах, чем сейчас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОРБАЧЕВ ПРИЗЫВАЕТ НА ПОМОЩЬ "ЛЮДЕЙ ИЗ ТРЮМА"¹

ИНТЕРВЬЮ

— Д-р Яременко, примите поздравления ФБН и мои личные по случаю назначения вас советником Президента СССР². Хотелось бы узнать, как вы относитесь к столь высокому назначению?

— Благодарю за поздравления. Если откровенно, то я отношусь к этому назначению весьма сдержанно. Дело в том, что сегодня все еще не отработан механизм взаимодействия Президента и президентского аппарата с советниками. Нет налаженной процедуры такого взаимодействия. А пока не будет создана жесткая функциональная структура, в которую советники Президента органически впишутся, нет и полной уверенности в том, что их рекомендации будут эффективно восприниматься и реализовываться.

Конечно, хотелось бы сделать как можно больше, использовать не только свои собственные знания, но и огромный потенциал института, который занимается экономическим прогнозированием уже более 20 лет и имеет большие традиции.

Сейчас на советском экономическом и публицистическом небосклоне вспыхивают и горят новые звезды. А вот наша звез-

¹ Опубликовано в газете "Financial & Business News", 1991, № 4, р. 1-2. Интервью было дано корреспонденту газеты А. Горшкову.

² Ю.В. Яременко стал советником Президента СССР в мае 1991 года.

да, я имею в виду наш институт, может быть, горела бы ярче, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что многие годы мы были "людьми из трюма" и десятилетиями писали доклады под грифом "совершенно секретно".

И все же я хочу надеяться на то, что институт с такими традициями и научным заделом сможет быть полезен Президенту для выработки стратегии экономического развития.

– Не могли бы вы кратко охарактеризовать экономическую ситуацию в стране?

– О ситуации в стране можно было бы сказать так. Есть два слоя в этой ситуации: "зыбь" на поверхности и некие "подводные течения".

На поверхности мы видим такие проблемы. Выживут ли предприятия в условиях разрушения централизованного управления? Наладятся ли они производственные связи? Как это будет происходить? Какого масштаба может быть спад в экономике? Что случится в конце концов с потребительским рынком? Ответить на все эти вопросы чрезвычайно трудно.

Дальше. Одной из самых актуальных проблем сейчас является проблема внешней задолженности нашего государства. Огромный внешний долг и платежи по нему давят на все отрасли экономики. Весьма вероятно, что могут быть большие спады во многих отраслях экономики, особенно в пищевой, легкой и химической промышленности. Как мы решим эту проблему, пока тоже не совсем ясно.

Но это все – внешняя сторона явления. А если говорить о "подводных течениях", то я бы поставил вопрос так. Что раньше должно произойти – демилитаризация экономики или строительство рынка? И можно ли строить рынок, не проведя демилитаризации экономики? И не лукавят ли те люди, которые обещают многочисленные блага, не осуществляя такой демилитаризации? Это уже политика, но когда либералы, которым столь охотно пожимают руки представители военно-промышленного комплекса (ВПК), обещают построить рынок и навести порядок, то возника-

ют сомнения в их истинном либерализме.

— *Могли бы вы дать оценку того, какую долю национально-го "пирога" съедает наш ВПК?*

— Видимо, порядка 20 процентов национального продукта. Точный ответ дать невозможно, поскольку воздействие ВПК по всей цепочке экономических связей просто не поддается оценке.

— *Чем же оборачивается для экономики нашей страны столь гипертрофированная ее милитаризация?*

— Мы не просто отрезаем часть национального "пирога" в пользу ВПК, — если бы это было так, это было бы полбеда. А дело в том, что мы нарушили технологическое равновесие экономики. Еще в середине 60-х годов я пришел к выводу, что у нас наступает технологическая деградация экономики. Высокие технологии концентрировались в ВПК, происходило все большее технологическое обеднение гражданской промышленности. В результате технологии гражданского комплекса стали носить все более ресурсорасточительный характер.

Во многих отраслях экономики работают люди с недостаточным образованием, квалификацией, социально не устроенные. У нас есть целые отрасли социальной нестабильности, где наблюдается перманентный социальный кризис. Прежде всего это сельское хозяйство и строительство. Ясно, что это связано с тем, какого рода производственным, ресурсным потенциалом эти отрасли располагают.

Поэтому закачивание ресурсов в ВПК — это не просто отделение значительной их части от национального богатства, а технологическое вырождение гражданской экономики, ее ресурсорасточительный способ функционирования. Отсюда спрос на сырье, повышенная потребность в инвестициях. Наблюдая всю цепочку связей, мы видим, что огромная военная нагрузка на экономику и существование сырьевого фланга — это вещи взаимозависимые. Спрос на инвестиции, высокая норма инвестиций в нашей стране это, как ни странно, порожде-

ние высокой внеэкономической нагрузки — не прямо, а косвенно, через высокие нормы затрат ресурсов в текущем производстве и самом инвестиционном процессе.

— *Так на каком же фундаменте мы собираемся строить рынок?*

— Действительно, возникает такой вопрос: можем ли мы на этом пространстве деградировавшей, вырожденной экономики наладить некое упорядоченное хозяйствование по новым законам? Да и то ли это пространство, где могут родиться новые законы? Или же мы должны одновременно снижать эту нагрузку, перемещать не просто потоки, а запасы ресурсов, то есть передавать мощности из ВПК в гражданскую сферу и уже на каком-то другом технологическом пространстве создавать рынок? Сейчас мы хотим кардинально поменять сами устои существования нашего государства, нашей экономики. В этом смысле это вопрос вопросов: сдвинемся ли мы с этого места или не сдвинемся?

— *То, о чем вы говорите, не может оставить равнодушным не только экономистов, но и простых смертных. Напрашивается естественный вопрос: как осуществляется конверсия ВПК и какова ее концепция?*

— Программа конверсии, после дискуссии на Президентском совете, была принята только в декабре 1990 года. И хотя у представителей ВПК были оппоненты, она тем не менее прошла в том виде, который устраивал ВПК. По сути эта программа продолжает старый характер взаимодействия ВПК с гражданской экономикой.

— *Существует любопытное определение конверсионной программы: "программа конверсии — это программа милитаризации гражданской экономики".*

— Можно сказать и так. (Смеется.) Вообще масштабной конверсии и нет как таковой. ВПК в основном не пошел на конверсию целых предприятий. В тех местах, где военные программы сократились, с трехсменной работы во многих случаях перешли на двухсменную или односменную. Если высвободились

какие-то мощности, их отправили в запасы, это так называемый мобилизационный потенциал, который просто расширился. А что такое мобилизационный потенциал? Это станки, которые ржавеют и морально устаревают. Это не использованное в производстве оборудование и техника.

— *Похоже, военные не стремятся так легко расставаться со своим "добром"?*

— Дело не в самих военных, а в оборонной промышленности, в ВПК. И не следует искать в этом проявления советского милитаризма. Это просто заурядный консерватизм, инерция мышления и образа жизни. Трудности переходного процесса неизбежны, а многие представители ВПК хотят жить так, как они прежде жили. Не более того. Некоторые политики предпочитают подавать это явление как некий милитаристский дух. Возможно, где-то на периферии страны это и проявляется, но если взять явление в целом, то здесь все же преобладает тенденция инерции существования.

— *И все же сдвинемся ли мы в ближайшее время в сторону реальной демилитаризации экономики?*

— Совсем недавно на заседании кабинета министров обсуждалась программа союзного правительства и ряда республик по выводу экономики из кризиса. В этой программе есть многообещающий пункт. Записано, что в третьем квартале 1991 года должна быть представлена на рассмотрение Совета Федерации программа конверсии. В этой конверсионной программе должно быть предусмотрено значительное сокращение военных расходов и использование мощного потенциала ВПК для увеличения производства товаров народного потребления, технической реконструкции народного хозяйства и укрепления экспортного потенциала страны.

Слова достаточно общие, и за ними может стоять все что угодно. Но все-таки этот пункт решения кабинета министров знаменателен тем, что принятая в декабре программа конверсии отодвигается и будет сделана попытка в короткий срок разрабо-

тать новую программу конверсии. Хотя я сомневаюсь, что такую работу можно сделать за столь короткий срок.

– *Каковы у нас возможности для расширения экспорта через конверсию?*

– Что такое программа конверсии? Это перечень решений. Если мы примем решения, мы примем программу. Хочу привести такой пример.

Недавно я был в Японии, на фирме "Джуки" – это крупнейшая в мире фирма по производству швейных машин, которая после второй мировой войны конверсировалась с производства стрелкового оружия. Я попытался выяснить у президента фирмы, как он смотрит на возможности сотрудничества с советскими предприятиями. Он мне говорит: пока у вас был Легпищемаш – негативно. Но вот с предприятиями, которые производят, скажем, автоматы Калашникова, можно сотрудничать. И речь может идти и о предметном, и о подетальном разделении труда, и наконец просто об организации сборочных процессов в Советском Союзе. Замечательно, что японцы были бы заинтересованы передать нам технологии, скажем, на два-три вида швейных машин из сорока, которые они выпускают.

Конечно, нам было бы тяжело, с нашими технологическими накоплениями, заниматься только сборкой, осуществить эти тайваньские, гонконгские, сингапурские варианты жизни. Конечно, уже сейчас континентальный Китай играет в эту игру. Успешно играет. Но Китаю в каком-то смысле проще. Во многих сферах у него нет наших технологических заделов.

– *А нет ли у вас примера из отечественной практики конверсии?*

– Есть. Был я на одном оборонном предприятии. Задумали они выпускать микроволновую печь и стали изучать мировой рынок, искать на нем нишу. Оказалось, что западные фирмы выпускают разнообразные микроволновые печи для тортов, пирогов, сладкого теста и т.п., а вот для пресного теста такой печи не существовало. Благодаря блестящему маркетингу наше пред-

приятие нашло свою нишу и, обладая хорошей технологией, уже выходит на мировой рынок. Это лишь маленький частный пример. Но ясно, что подобные ниши могут быть найдены в разных сферах производства.

— Не могли бы вы дать общую оценку антикризисной программы В. Павлова?

— Если говорить о программе Павлова, то, как мне кажется, главным ее недостатком является чрезмерный упор на финансовые рычаги управления экономикой. Наша экономика пока еще обладает маломобильными ресурсами, очень жестко зафиксированными. У нас нет еще настоящих денег. Поэтому в стране, где нет подлинного денежного хозяйствования, где нет подлинных денег, думать, что с помощью финансового централизма можно перестроить экономику, — это наивно. Так может думать только чистый финансист.

В этом смысле нам еще рано проводить бюджетную политику, адекватную той бюджетной политике, которую проводят страны с развитой рыночной экономикой, имеющие в своем распоряжении настоящие деньги. Частично, конечно, перемещение денег может означать перемещение ресурсов, но в большинстве случаев это не так. Тут у нас большой опыт накоплен. Начиная еще со времен Брежнева, мы концентрировали огромные финансовые средства в сельском хозяйстве, и, как Вы знаете, из этого ничего не получилось.

— В программе В. Павлова в качестве ближайшей выдвигается задача скоординированного привлечения в широких масштабах иностранных капиталов, технологий и опыта на основе конкретного плана, определяющего их целенаправленное использование в приоритетных сферах. Могли бы вы конкретизировать этот план?

— Могу сказать, что пока я такого плана не видел, и, вероятно, его еще и нет. Я считаю составление подобного плана крайне важным, потому что мы часто берем кредиты, не имея четко обдуманных ориентиров их использования. Поэтому кредиты носят потребительский характер, мы их проедаем и остаемся ни с чем.

Конечно, наиболее целесообразный путь использования кредитов лежит через реконструкцию предприятий ВПК с перепрофилированием их на производство массовых изделий гражданского назначения. Такие инвестиции очень выгодны, поскольку может меняться лишь 15–20 процентов производственного аппарата, а остальное уже есть и можно приступить к выпуску продукции, в том числе на экспорт. Но мешает этому прежде всего то, что большинство предприятий, производственный потенциал которых позволяет привлечь западных партнеров, пока все еще находятся за забором ВПК. Ясно одно: нам необходимо отказаться от практики потребительских кредитов. Нам нужны целевые кредиты под производственные программы в потребительском секторе.

— Кабинет министров СССР поставил задачу реализации программы перехода к конвертируемости рубля. Где путь к этой цели?

— Для перехода к конвертируемости рубля нет пока необходимых объективных предпосылок. Но под давлением обстоятельств какие-то шаги в этом направлении со стороны кабинета министров могут быть сделаны. Возникает проблема с кризисным состоянием платежного баланса. Нам трудно ограничить спрос, сократить наши потребности по импорту. Стало очень сложно привлекать новые кредиты, и надо каким-то образом свети концы с концами.

Одним из способов сведения концов является вариант конвертируемости рубля. Надо понимать, что при определенных условиях это опасная мера, очень разорительная для нас. Если мы пойдем к конвертируемости рубля и, скажем, курс доллара к рублю будет очень высокий, то тем предприятиям, которые живут на импорте, придется покупать иностранную валюту по очень высокой цене. Издержки их подскочат очень сильно, и предприятия сразу разорятся. К сожалению, речь идет не о селекции — выживут ли сильные, погибнут ли слабые, — нет. Речь идет о гибели целых отраслей нашей промышленности. Вполне понятны

те объективные обстоятельства, которые толкают нас в сторону конвертируемости рубля, но нужно понять и те негативные последствия, которые при этом могут иметь место. Какой здесь будет найден компромисс, какие могут быть приняты решения — это все вопросы, на которые сейчас ищутся ответы.

Будет у нас здоровая экономика — будет и конвертируемый рубль. В этом смысле структурная перестройка экономики, наращивание экспортного потенциала — дают подход к созданию здоровой базы конвертируемости рубля.

— *Для иностранных читателей нашей газеты было бы чрезвычайно интересно узнать, каким образом намечается в Советском Союзе совместить процессы приватизации с привлечением иностранных инвестиций в СССР?*

— Это, безусловно, взаимосвязанные процессы. Нам необходима приватизация. Но приватизация эффективна, когда она имеет какие-то функциональные начала. Необходимо найти конструктивные формы, которые совмещали бы коммерческие принципы жизни с появлением новых организационных структур. Приватизация должна быть ориентирована на создание производственных мотиваций и у рабочих, и у ИТР, и, наконец, — а может быть, это самое главное — у директорского корпуса. Многие организационные формы могли бы быть позаимствованы у Запада. Иностранный капитал, вовлеченный в процессы нашей приватизации, принесет нам новые технологии, надежную коммерческую инфраструктуру. Здесь, как мне представляется, самый эффективный путь — это создание у нас предприятий со стопроцентным иностранным капиталом. Вероятно, смогут работать и концессии зарубежным странам и компаниям.

— *Как показывает мировая практика, так называемые "зоны совместного предпринимательства" (ЗСП) являются выигрышной формой вовлечения капиталов в экономику как для страны, создающей такие зоны, так и для иностранных инвесторов. В этой связи у меня такой вопрос: закончена ли у нас разработка государственной концепции по созданию ЗСП и каковы*

перспективы совместного предпринимательства в СССР в этом направлении международного сотрудничества?

– Интересный вопрос. Я изложу собственное мнение. Сошлюсь на Китай. Опыт Китая показывает, что масштабы и сфера зон совместного предпринимательства определяются прежде всего ресурсными возможностями страны, принимающей иностранный капитал. Это не проблема каких-то свобод, льгот, а проблема создания адекватной материальной среды.

Западные бизнесмены говорят нам по этому поводу: у вас нет дорог, нет гостиниц, нет снабжения, нет транспортных систем, плохая санитария, тяжелая среда существования, нет безопасности личности и т.д. и т.п. Речь по сути идет о создании небольшой страны, современного города, "за пределами" СССР. Эйфория, которая существует у наших местных властей в отношении ЗСП, совершенно не соответствует тому, что на самом деле должна представлять собой такая зона.

Возможно, наше государство, собрав все силы и ресурсы, может создать ЗСП в двух-трех местах, не более того. И здесь приоритет, конечно, за нашим Дальним Востоком, обладающим огромными потенциальными возможностями. И даже если Япония по-прежнему будет занимать незаинтересованную позицию, здесь есть Южная Корея, Тайвань и другие страны.

– Какова, по вашему мнению, степень риска для иностранного предпринимательства в СССР?

– Очень большая. У нас нет материальной среды, коммерческих структур, эффективной банковской системы. Сегодня лучший вариант для иностранных предпринимателей лежит в покупке целиком какого-либо оборонного советского предприятия. Часть продукции пойдет на экспорт, часть будет продаваться на рубли. Вот когда этот "жанр" предпринимательской деятельности у нас укоренится, он наверняка будет иметь успех.

– Благодарю Вас за интервью.

БОЛЬШЕ РЕАЛИЗМА И МЕНЬШЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭЙФОРИИ¹

ИНТЕРВЬЮ

— Юрий Васильевич, по мнению людей из ближайшего окружения Президента, глава нашего государства до сих пор в какой-то степени испытывает информационную недостаточность — о чем-то ему не сообщают, что-то передается в искаженном виде, да и ученые разных школ навязывают противоречивые рекомендации. Не этим ли объясняется некоторая непоследовательность в нашей политике?

— Что касается информации о политических событиях, то не знаю. А вот об экономических... У нас все еще бытует представление, что оценки должны быть простыми и прозрачными. А ведь природа экономических процессов очень сложна и многообразна. В ходу же слишком много простых объяснений. Простотой, как бы ни хотелось быть понятным, нельзя злоупотреблять. Изобилие ходячих штампов — тяжелое свойство информационной среды, в которой живем мы все, в том числе и Президент.

Если же говорить об информационном голоде у Президента — а с этим отчасти можно согласиться, — то это объясняется также нарастающим усложнением экономической ситуации. Так что этот голод во многом связан и с объективными причинами.

¹ Интервью готовилось В. Парийским для журнала "Огонек" в середине 1991 года после назначения Ю.В. Яременко советником Президента СССР М.С. Горбачева. Публикуется впервые.

— *Одним из призывов, прозвучавших после апреля 1985 года, было: начни перемены с себя! Юрий Васильевич, вам как экономисту пришлось перестраиваться самому?*

— Пожалуй, что нет. У меня была обычная, как у всех, пора становления. Научной темой я себе с самого начала выбрал "Структурные изменения экономики", по этой проблеме защищал и кандидатскую, и докторскую диссертации, вел и веду исследования. И сейчас мне не приходится отказываться ни от лексикона, ни от идей, которых я придерживался в прошлом. Уже в середине 70-х годов я со своими коллегами разрабатывал модель технологических деформаций в нашей экономике, возникающих под непомерным влиянием военной нагрузки, и по сути дела ряд понятий, которые мы ныне используем, методически разработаны были еще до начала перестройки. И тут дело даже не в нашей нравственной позиции, а в том, что мы жестко занимались конкретным объектом исследований и в своих теоретических построениях ушли далеко в свою сторону от господствовавших тогда политэкономических канонов. В этом смысле я могу сказать, что линия жизни у меня прямая. С приходом перестройки мне не пришлось преодолевать в себе какой-то теоретический или психологический барьер.

— *Ни один из наших прежних вождей не нуждался, как известно, в прогнозировании последствий их деятельности. Такая служба создана только что?*

— Это не совсем так. Основной костяк коллектива нынешних научных сотрудников института сложился еще лет 25 назад, когда мы собрались в секторе прогнозирования НИЭИ Госплана СССР, потом перешли под эгиду Академии наук — стали отделом народнохозяйственного прогнозирования в ЦЭМИ, а с 86-го года всем составом влились во вновь созданный институт. Но все это время мы работали как бы в "трюме", потому что почти на все наши разработки ставился гриф "совершенно секретно" и до научной общественности они не доходили.

— *А до директивных органов?*

— Мы направляли в верха прогнозы экономического развития на X, XI и XII пятилетки, отличные, а кое в чем и весьма существенно, от тех, которые формировались в Госплане. К сожалению, наши предложения почти не учитывались,

— *А как сейчас обстоят ваши дела?*

— Перед назначением на работу в институт меня пригласил на собеседование вице-президент Академии наук академик П. Н. Федосеев и спросил, есть ли трудности, просьбы. Я сказал, что главная трудность — информационная, что мне надоело заниматься "партизанской" деятельностью. Посмотрите, сколь обширные данные находятся на выходе в наших прогнозах, сравните их со скудным объемом официальной информации, поступающей к нам, и задайтесь вопросом, как мы добываем недостающее. Жизнеспособность общества, в котором все нормальные информационные потоки нарушены, очень низка. Увы, мы по-прежнему испытываем большие информационные затруднения — и это касается почти всех сфер экономической деятельности,

Экономическая наука, остается пока, как ни странно, во многом невостребованной, Много импровизаций, но систематического взаимодействия в рамках каких-то специальных общественных институтов между законодательными, исполнительными органами и экономической наукой пока нет. В других странах, например в Японии, имеется по этой части большой положительный опыт.

— *Так вы, наверно, имели немало неприятностей?*

— Да, это так. Были весьма серьезные разбирательства с участием компетентных органов. Но если посмотреть с другой стороны, то могу сказать, что в этих трудных условиях в институте сложился сильный коллектив людей, преданных науке, прошедших большую школу исследований нашей экономики и достаточно квалифицированных для того, чтобы придать реальность разрабатываемым рекомендациям. Очень часто, особенно в популярной прессе, публицисты воспроизводят стандартные рецепты Международного банка реконструкции и развития или расхожие места из западных экономических учебников, а меж-

ду тем рекомендации должны быть синтезом и общих экономических знаний, и тех знаний, которые получены из конкретных исследований состояния нашего хозяйства.

— У Президента, стало быть, в вашем лице будет как бы коллективный советник.

— Один человек может выдвигать идеи, отстаивать свое мнение, но серьезные рекомендации уже давно во всем мире — плод коллективных разработок.

— В статье "Экономика ханжества" ("Правда", 1 сентября 1990 г.) вы как бы дали отповедь еще обсуждаемой программе "500 дней". Институт проводил ее экспертизу?

— Во-первых, никакой "отповеди" я не давал — это слово в нашем лексиконе мне кажется морально устаревшим. Во-вторых, статью я сначала все-таки отнес к вам в "Огонек". Ну, а что касается нашего отношения к программе "500 дней", то в принципе оно позитивное, однако мы считаем содержащиеся там предложения преждевременными по многим причинам. Об этом я и писал. Станиславу Шаталину я не советовал подключаться к ней, тем более, что он, заведая отделом в нашем институте, участвовал и в разработке другой, более соответствующей реальной ситуации концепции.

Суть наших расхождений в том, что мы по-разному отвечаем на вопрос: сначала существенные шаги по демилитаризации экономики, а потом ее глубокая реформа, или наоборот?

Мне кажутся весьма наивными попытки в сугубо милитаризованной экономике вводить рыночные отношения. Пространство для рынка у нас пока очень узкое, технологическое ядро экономики находится за пределами гражданского производства, да и многие важные потенциальные субъекты рынка еще находятся в ведении ВПК.

Проблемы и беды нашей экономики, глубинные причины кризиса — не в расстроенных финансах, из чего исходит программа Шаталина, а в структурных искажениях и технологических диспропорциях, в неразвитости отраслей, произ-

водящих товары массового спроса. Правительство же почти ничего не делало в области структурной перестройки и наращивания выпуска потребительской продукции, что и послужило одной из главных причин расстройства финансовой системы.

— *Вы неоднократно высказывались о необходимости проведения активной структурной политики. Что это такое?*

— Нам, несмотря на все трудности, нужна активная структурная политика, нужны сознательные усилия по созданию новой структуры производства. Мы нуждаемся в срочном крупномасштабном перемещении ресурсов, заполнении поистине зияющих брешей. Пока механизм перелива капитала у нас не работает. Именно поэтому процесс перехода к рынку нуждается в прямой государственной поддержке. Эта поддержка должна осуществляться в виде целенаправленных общесоюзных и республиканских программ. Мы располагаем достаточным количеством материальных и технологических ресурсов, чтобы существенно расширить производство технически сложных потребительских товаров. Китай не имеет такого производственного потенциала, как наша страна, но за 80-е годы он опередил Японию и США по выпуску цветных телевизоров, многократно увеличил выпуск магнитофонов, радиоприемников, холодильников, стиральных машин. Мы как можно скорее должны сделать то, что давно должны были сделать.

Мы постоянно слышим требования накормить и одеть народ. Но мы этого никогда не сделаем, если кроме одежды и обуви у нас не будет товаров, воплощающих современные потребительские стандарты. Движение к рынку предполагает сильные трудовые мотивации, наличие потребительских ориентиров, а это невозможно без массового выпуска товаров, которые уже стали потребительскими стимулами к труду. Не имея возможности купить эти товары сейчас, не будет ценить деньги не только горожанин, но и сельский труженик, благодаря которому мы кормимся, одеваемся и обуваемся.

Хотел бы заметить наконец, что объектом централизованной структурной политики должны быть и ряд оттягивающих массу ресурсов "провалившихся" машиностроительных отраслей, и, безусловно, сырьевые сектора экономики. Поддержание производственного аппарата в сельском хозяйстве, на транспорте, в добывающих отраслях с помощью нашего отсталого машиностроения во многом для нас уже неподъемно. Нам не удержать народнохозяйственного равновесия, если мы не передвинем в отставшее машиностроение передовые технологические ресурсы.

— На одном из недавних Пленумов ЦК Горбачев говорил, что до 1987 года ни он, ни Рыжков не знали фактической сметы расходов оборонного комплекса и не представляли себе истинных размеров кризиса. В свою очередь вы, иллюстрируя уровень милитаризации экономики, показали, что только в машиностроении 60 процентов выпуска является военной продукцией. Сейчас положение меняется?

— Да, и Президент, и новый кабинет министров, по-видимому, придерживаются мнения, что программа конверсии, принятая в декабре прошлого года, не адекватна пока нуждам государства, потребностям нашего развития. Имеется намерение в третьем квартале нынешнего года разработать новую программу. В целом наметился положительный сдвиг в осознании проблемы. Однако, с одной стороны, нельзя откладывать принятие многих насущных мер в области конверсии до утверждения новой программы. С другой стороны, построение целостной программы требует времени, оно невозможно без всестороннего обсуждения концепции, уточнения военной доктрины и многого другого.

— В основу этой программы войдут те предложения, которые разработаны вашим институтом?

— Надеюсь, что какие-то существенные положения наших предложений будут использованы.

— В последнее время читатели больше узнавали, как добровольно или вынуждено члены Президентского совета уходили в

отставку. Юрий Васильевич, для вас назначение советником Президента было неожиданностью?

— Нет, еще месяца полтора-два назад ко мне обратился Михаил Сергеевич с предложением рассмотреть эту возможность. Я подумал и дал положительный ответ. До этого мне приходилось несколько раз участвовать в совещаниях, которые вел Горбачев, — он меня видел, слышал, а однажды попросил выступить на Президентском совете по проблемам конверсии.

Кроме того, институт работает, имеет определенный авторитет. Еще год назад мы подготовили концептуальный доклад "О стратегии перестройки экономики страны". Его отдельные положения излагались нашими сотрудниками в "Правде", "Известиях", "Деловом мире", "Коммунисте" и в других изданиях. Полностью он опубликован в нашем журнале "Проблемы прогнозирования" (1990, № 2). Даже в наше быстротекущее время по прошествии года основные темы этого доклада, как мне кажется, ничуть морально не устарели.

— Статус советника уже определен?

— Пока идет некий эмпирический процесс по созданию новых властных структур. Могу предположить, что положение каждого советника будет зависеть от его индивидуальности. Но никаких официальных положений о статусе советника еще нет. Все складывается больше неформальным путем, на ходу.

— Юрий Васильевич, можете ли вы в целом охарактеризовать новую команду советников как стратегических единомышленников?

— Так говорить рановато. Это все люди с разным жизненным опытом, с разными взглядами. Но если судить о конструктивном начале, то, безусловно, это единомышленники. А если оценивать конкретные взгляды каждого на стратегию экономического и социального развития страны, то тут есть и безусловные расхождения между ними.

— Как ваши родные отнеслись к вашему назначению?

— Это не было воспринято ни мной самим, ни близкими

людьми как какое-то чрезвычайное событие. Может быть потому, что содержание всей моей работы как раз в том и состояло, чтобы, находясь на каком-то расстоянии от исполнительной власти, готовить рекомендации и предложения в области экономической политики. А теперь это расстояние стало несколько короче, и не более того.

— *По воспоминаниям Бурлацкого, Арбатова и других бывших помощников руководителей государства видно, насколько тяжела и малорезультативна эта работа. Вы рассчитываете на большой эффект?*

— Сейчас принципиально другая ситуация в стране. В прежние времена роль помощников была связана с написанием бумаг, но существовал большой разрыв между реальной политикой и теми документами, в которых эта политика получала отражение. Ныне же деятельность, как мне кажется, тех людей, которые выполняют эту функцию, в большей мере связана с осознанием реальных процессов, с выработкой реальной политики и в меньшей мере — с пропагандой.

— *У вас большая семья?*

— Жена, дочь, сын, внук. Все, пока кроме внука, экономисты.

— *Как вы проводите свободное время?*

— Никаких особых пристрастий у меня нет. Раньше всей семьей любили ходить в туристические байдарочные походы. Но последний был пять лет назад.

— *На последнем объединенном Пленуме ЦК и ЦКК Генеральный секретарь сказал, что в зале присутствуют представители чуть ли не четырех партий. Как бы вы охарактеризовали ту, к которой принадлежите сами?*

— Нет-нет, я стараюсь уйти от каких бы то ни было идеологических клише. Мне кажется, что сейчас нужно от этого отказываться. Ведь даже идея рынка становится неким новым мифом, потому что наше общество уже не может жить в идеологическом вакууме, и как только поблекли идеи коммунизма, сразу потребовался новый фетиш. Нам нужно больше культивировать

прагматические подходы, основанные на гуманистических идеалах — в этом должна состоять и здоровая политика, и здоровая позиция всех тех, кто ее вырабатывает.

— *Можно ли считать, что в научный оборот входит новое понятие — социалистический рынок?*

— Думаю, что нельзя. Пора бы уже отказаться от приклеивания идеологических эпитетов к экономическим категориям. Рынок будет таким, каким он у нас сложится.

— *Вопрос неприятный, может, к вам и не относящийся, но не задать его не могу, поскольку дело касается большинства наших сограждан. Юрий Васильевич, фискальные меры, принимаемые нынешним премьер-министром и больше напоминающее государственное ограбление малообеспеченных, какой-нибудь прогностической экспертизе подвергались?*

— Таких поручений от правительства наш институт не получал. Но, занимаясь экспертизой антикризисной программы, мы пытаемся зафиксировать свои позиции и, думаю, это будет полезно для нашего руководства. В целом мы считаем, что фискальные меры и вообще сильные меры в области финансового регулирования не адекватны состоянию нашей экономики, поскольку ее ресурсы не мобильны, с помощью денег они пока плохо перемещаются. И вообще наши деньги — это не настоящие деньги, поэтому только на основе сильного финансового централизма, на что делает ставку правительство, нельзя осуществить глубоких преобразований. Жестко фискальный характер экономической политики неизбежно влечет разрушительные последствия при небольшой текущей выгоде.

— *Вы проводите экспертизу антикризисной программы, которая, судя по газетным отчетам о ее обсуждении, подвергается серьезной критике. В чем ее недостатки на ваш взгляд?*

— Крупнейшим пробелом этой программы я считаю, например, то, что она ограничивается констатацией необходимости принятия конверсионных решений, вместо того чтобы в явном виде включить в программу серьезные, конкретные меры по конверсии.

Кроме того, в ней деформированы представления о централизме.

Когда мы предлагали сильную централизованную политику, то имели в виду необходимость целостной стратегии экономического развития и необходимость реализации комплекса программ структурной перестройки, которые инициировались бы и центром, и республиками. Но в такой трактовке централизм присутствует в антикризисной программе правительства, к сожалению, в очень небольшой степени.

— *Эта программа не устарела к заявлению десяти республик?*

— Одно другому тут не противоречит. Союзное руководство должно разрабатывать свою программу, да и суверенных республик-государств как самостоятельных экономических единиц еще нет. Пока мы имеем дело с достаточно целостной экономикой, и очевидно, что единая программа для всего государства, которая проецировалась бы на все экономическое пространство, пока в наших реалиях более чем актуальна.

— *Какие-то поручения вы как советник уже получили?*

— Да, при нашей последней встрече Михаил Сергеевич сказал, что хотел бы заслушать мои предложения относительно структурной политики в целом.

— *Но вы, наверное, захотите сделать и встречные предложения, так сказать, "от себя"...*

— Да, конечно. Нельзя ограничиваться только анализом правительственных программ и решений, нам хочется показать, каким мы хотели бы видеть народнохозяйственный замысел руководства страны. Сейчас по собственной инициативе мы завершаем разработку программы стабилизации производства нефти, которую будем предлагать для обсуждения. Это чрезвычайно актуальная проблема. По-прежнему работаем над концепцией конверсии. Есть и другие планы и разработки.

— *Однажды нобелевского лауреата по экономике спросили, мог ли бы он и хотел ли бы давать советы нашему Президенту. Да, мог бы, ответил Василий Леонтьев, но не хочу, поскольку ни один из уже данных не реализован. Почему?*

— Во взглядах Леонтьева очень много мудрого и здравого — это безусловно. То, что он предлагает, во многом пересекается с предложениями советских экономистов. Но наше положение существенно отличается от положения Леонтьева, и весь смысл наших исследований в том, чтобы они имели конкретный практический смысл в наших реальных условиях. Для тяжело больного общества простых лекарств нет.

— *Простых рецептов, значит, нет... А я как раз хотел спросить у известного прогнозиста, что нас ждет завтра, послезавтра...*

— Конечно, нас ждут трудные времена. Но не сочтите это уходом от развернутого ответа на вопрос: пассивные предсказания — не наш жанр. Мы работаем, исходя из единственно приемлемой для нас посылки, что наше завтра зависит от нас самих. Сейчас, когда экономика ползет вниз, легче всего на основе простой экстраполяции заняться описанием мрачной перспективы, которая нас ожидает. Прогноз, однако, должен носить конструктивный характер. Смысл нашей работы в том, чтобы показать, каковы те истинно сильные меры, которые остановят сползание и позволят нам выйти на новый режим экономической жизни. И не должно быть фетишизации никакой одной группы мер. Опыт показывает, что за односторонностью самых "прогрессивных" по звучанию программ может скрываться бесплодное охранительство. Мы все, как мне кажется, начали понимать, что для выхода из сложившейся ситуации нам необходимо отказаться от любой предвзятости, нужно больше реализма и меньше идеологической эйфории.

Юрий Васильевич Яременко
Экономические беседы
Запись С.А. Белановского

Редактор *А.А. Черняков*

Художник *А.А. Данилин* при участии *А.Н. Горностаевой*

Художественный редактор *М.Ю. Кудрявцева*

Технический редактор *И.А. Усачева*

Компьютерный макет *О.А. Стукалова*

ЛР № 020755. Оригинал-макет подготовлен издательством
Центра исследований и статистики науки (ЦИСН) Миннауки России и РАН.
Формат 60 x 90 /16. Гарнитура "BalticaC". Объем 21.5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4365

Отпечатано в типографии ЦИСН. Адрес редакции и типографии:
103905, Москва, Тверская ул., 11. Тел. (7095) 229-73-79.